

№1 (20) 2016

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ
ВУЗОВ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Выходит четыре раза в год.
Издается с 2008 года.

СОДЕРЖАНИЕ

Культурные процессы и явления

С.И. Трунев

Культура постиндустриальной России: выпадение из системы?.....5

О.Л. Цветкова

Культура и трансформация потребностей.....12

А.Ю. Трубецкая

Рынок арт-индустрии в контексте государственной культурной политики
(на основе сравнительного анализа России и Нидерландов).....19

Искусство и современные

художественные практики

Г.В. Варакина

Проблема мифологизации искусства
в русском музыкальном театре Серебряного века.....29

Ю.Ю. Муравьева

Разработка фирменного стиля: творческий процесс
и искусство современного дизайн-проектирования.....36

Образование в контексте современной эпохи

К.И. Вайсеро

Влияние статусных позиций преподавателя вуза на эффективность
образования в сфере культуры.....43

Е.Ю. Лунькова

Факторный анализ психологических особенностей
обучения математике студентов гуманитарных
и экономических направлений подготовки.....48

Т.Ю. Митрофанова

Специальное событие как инструмент повышения
потребительской лояльности к организациям культуры
(на примерах организаций культуры Рязанской области).....54

У Линьсян

Педагогика детского вокального творчества.....65

Проблемы информатизации современной культуры**Н.В. Лопатина**

Библиотечная профессия в XXI веке: сравнительный анализ
российских и зарубежных тенденций развития.....70

В.В. Арутюнов, Н.П. Лапшин

О результативности научной деятельности
кафедр информатики московских вузов.....80

Ю.Н. Столяров

Юбилей видного болгарского библиотековеда Марии Младеновой.....89

Литературоведческие студии**Е.Ю. Коломийцева**

Социальная миссия отечественных женских журналов XIX века.....92

Н.И. Крижановский

Суд над армавирскими погромщиками 1905 года:
специфика публицистической репрезентации
на страницах газеты «Русское слово».....100

Новые издания МГИК

Аннотации на вышедшие книги.....107

№1 (20) 2016

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

SCIENTIFIC INFORMATION JOURNAL FOR
UNIVERSITIES OF CULTURE AND ARTS

Published four times a year.

Published since 2008.

CONTENTS

Cultural processes and phenomena

S.I. Trunev

Post-industrial culture Russia: the loss from the system?.....5

O.L. Tsvetkova

Culture and transformation of needs.....12

A.Yu. Trubetskaya

Market of the art industry in the context
of the state cultural policy (comparative analysis
of Russia and Netherlands).....19

Art and modern artistical practices

G.V. Varakina

The problem of mythologization of art
in the Russian musical theatre of the Silver Age29

Yu.Yu. Muravyeva

Development of corporate identity:
creative process and modern art design.....36

Education in Modern Era

K.I. Vaysero

Influence of the status of university lecturer
on the efficiency of education in the field of culture.....43

E.Yu. Lunkova

Factor analysis of the psychological features
of teaching mathematics students of humanities
and economic directions of training.....48

T.Yu. Mitrofanova

Special event as a tool to enhance consumer loyalty
to the cultural institutions (on the examples
of the cultural institutions of the Ryazan region).....54

U Linsyan

Children’s vocal pedagogy of creativity.....65

Problems of informatization of contemporary culture

N.V. Lopatina

Library profession in the XXI century:
comparative analysis Russian foreign and trends.....70

V.V. Arutyunov, N.P. Lapshin

The effectiveness of scientific activities
of the computer science departments of Moscow universities.....80

Yu.N. Stolyarov

Anniversary of prominent Bulgarian bibliotekoved’s of Maria Mladenova.....89

Study of literary theory, history and criticism

E.Yu. Kolomiytseva

Social mission of native women’s magazine of XIX century.....92

Krizhanovsky N. I.

The trial of Armavir pogroms of 1905:
the peculiarity of journalistic representation
in the newspaper “Russian Word”.....100

New editions of the MGIC

Annotations to the published books.....107

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЯВЛЕНИЯ

24.00.00 – Культурология

КУЛЬТУРА ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ РОССИИ: ВЫПАДЕНИЕ ИЗ СИСТЕМЫ?

Сергей Игоревич ТРУНЕВ,

доктор философских наук, профессор кафедры
философии социально-гуманитарного факультета
Саратовского государственного технического
университета имени Гагарина Ю. А, г. Саратов
e-mail: si_trounev@mail.ru

В данной статье исследуются возможные сценарии развития культуры в контексте перехода России к постиндустриальному обществу. Первый из них – «футуристический», следуя которому Россия в конечном счёте трансформируется в постиндустриальное общество с соответствующими экономическими и политическими структурами. Культура здесь всецело отдается во власть рынка и служит средством удовлетворения потребностей экстерриториальных элит и противоположного им территориально ограниченного общества потребления. Второй путь – «архаический», представляющий собой своеобразное возвращение к индустриальному состоянию (напоминающему общество зрелого СССР) с культурой, всецело подчиненной государственным интересам. Делается вывод о том, что какой бы из намеченных путей не выбрало российское руководство, ему придется пожертвовать либо классической культурой, либо интеллектуальной («элитарной»). Но если частичная утрата «классики» ведет страну в постиндустриальное будущее, то потеря элитарной культуры способна отбросить страну в индустриальное, а то и аграрное прошлое. Вопрос о совмещении обоих сценариев остается открытым.

Ключевые слова: рутина, культурный контекст, обыденное сознание, западная культура, структуры сознания.

POST-INDUSTRIAL CULTURE RUSSIA: THE LOSS FROM THE SYSTEM?

S.I. Trunev, Full Doctor of Philosophy, Professor of Department of Philosophy, School of social sciences and humanities, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov (SSTU)
e-mail: si_trounev@mail.ru

The article studies the cultural context of modern Russia which can be characterized by the following: the Russia's contemporary society chooses a new way without having refused finally from the western ideology. That is a process when cultures different on time and natures from orthodox Russia, the Soviet Union to the western society with

the market economy come to an accommodation. Using K. Marx's terminology that particular situation can be defined like this: when the superstructure undergoes essential changes at preservation of basis, then basis changes itself gradually. Ordinary consciousness, without changing in general, actualizes some its components and in a latent state keeps other ones, not coinciding with the main flow of life.

Key words: routine, cultural context, ordinary consciousness, western culture, patterns of consciousness.

Одним из наиболее серьёзных вызовов для современной культурологии и философии культуры является необходимость осознания места и роли культуры в глобализованном постиндустриальном мире. Данный мир строится на совершенно иных основаниях, нежели мир индустриальный, в связи с чем мы вправе предположить, что место и роль культуры в нём также существенным образом изменяются. Однако каковы основания постиндустриального мира? И каковы сценарии развития российской культуры в этом общемировом процессе?

Все теоретики неизменно сходятся на том, что постиндустриальный мир организован по сетевому принципу. «Нам не посчастливилось наблюдать “конец Истории”, но зато мы присутствуем при исчезновении географии», – пишет П. Вирильо [3, с. 15], имея в виду не столько сокращение расстояний, сколько превращение всего мира в единую систему, связанную информационными и экономическими сетями, практически беспрепятственно пересекаемую потоками Труда и Капитала.

Постиндустриальный мир далеко выходит за рамки отдельных государств, вследствие чего у его теоретиков возникает вопрос о самой необходимости государства: «Современное национальное государство, над которым начинают довлеть глобальные сети богатства, могущества и информации, переживает значительное сужение своего суверенитета», – пишет М. Кастельс [5, с. 296]. Фактически это означает утрату государством реальной власти и его переход к имитации внешне- и внутривнутриполитической деятельности. Реальная власть над миром, как бы пафосно это ни звучало, переходит к экстерриториальным элитам, о чём в своё время писал З. Бауман: «Элиты передвигаются в пространстве и делают это быстрее, чем когда либо прежде, но быстрота действий и плотность сетей власти, которые они ткнут, не зависят от их передвижения. Обретя “бестелесность”, главным образом в её финансовой форме, власть преобладающие становятся действительно экстерриториальными, даже если телом они остаются “на месте»» [1, с. 95]. Элиты способны инвестировать в экономику любого государства, находясь далеко за его пределами, нимало не заботясь о судьбе прикреплённой к конкретной территории массе, но лишь о прибыли, получаемой с данной территории. Это позволяет З. Бауману провести параллель между современными элитами и «отсутствующими лендлордами», не имевшими никаких обязательств перед кормящими их крестьянами.

Важно, что феномен экстерриториальности связывается исследователями с такой характеристикой постиндустриальных элит, как мобильность. Мобильность – это не только способность свободно перемещаться по планете, всё время оказываясь за пределами дисциплинирующего воздействия территориально ограниченного государства, но также возможность постоянно изменять «правила игры». Последнее означает, что элиты задают тренды развития любой области,

в том числе науке и культуре, заставляя массу непрерывно пребывать в догоняющем состоянии. Добавим, что в культурном отношении мировые элиты разных стран гораздо ближе друг к другу, нежели к массе, то есть к своим «народам»: «Таким образом, складывается картина, один из компонентов которой составляет доминирующая глобальная элита, существующая в пространстве потоков и состоящая, как правило, из индивидуумов, обладающих менее яркой самобытностью (“граждане мира”); но на этой картине одновременно присутствуют и люди, сопротивляющиеся лишению своих привилегий в экономической, культурной и политической областях и тяготеющие к самобытности сообщества» [5, с. 299].

Что касается культуры, то она также разделяется на элитарную и массовую, последняя из которых также постоянно находится в догоняющем состоянии. При этом для Запада наиболее сильными детерминантами развития массовой культуры являются культурная политика и рынок. Как об этом написал Ж.-Ф. Лиотар: «Художественному и литературному поиску угрожает опасность с двух сторон: со стороны “культурной политики” и со стороны рынка картин и книг. То по одному, то по другому каналу ему рекомендуется поставлять такие творения, которые, во-первых, соотносились бы с темами, имеющими право на существование в глазах публики, которой они адресуются, и, во-вторых, были бы сделаны таким образом (“хорошо оформлены”), чтобы публика эта распознала, о чём в них идет речь, поняла, что они означают, могла с полным знанием дела наградить их своим одобрением или же отказать им в нём и даже, если это возможно, извлечь из тех, что заслужили её одобрение, какое-то утешение» [6]. Французский философ считает также, что благодаря воздействию указанных детерминант в западной культуре доминирующим стилем (или его отсутствием?) становится эклектизм: «Эклектизм есть нулевая ступень всеобщей культуры наших дней: мы слушаем reggae, смотрим western, обедаем у Макдональда, а вечером пользуемся услугами местной кухни; в Токио душатся по-парижски, в Гонконге одеваются в стиле ретро; знание есть то, о чём задаются вопросы в телевизионных играх. Эклектическим творениям легко найти себе публику. Обращаясь в китч, искусство подлаживается под тот беспорядок, который царит во “вкусе” любителя» [6]. В целом соглашаясь с мнением Ж.-Ф. Лиотара, оговорюсь, что массовая культура не только развлекает зрителя, подстраиваясь под его вкус, но также оказывает на него определённое нормализующее воздействие.

Что касается России, то на настоящее время её едва ли можно назвать постиндустриальным обществом. Во-первых, кризис наглядно продемонстрировал полную зависимость отечественной экономики от мировых цен на сырьё. Во-вторых, развитие нанотехнологий, равно как и вообще технологий, несмотря на существенные финансовые вливания со стороны государства, едва ли заметно невооружённым глазом. В-третьих, недавно принятая программа импортозамещения предполагает перенаправление усилий государства с модернизации промышленности на развитие аграрного сектора. На этом фоне рынок культуры значительно ослабевает, в то время как сама культура оказывается всецело подчинённой стратегическим направлениям культурной политики. Последняя же, как явствует из анализа повседневных реалий, направлена на формирование культуры, способной стать действенным инструментом государственного развития. Отсюда исходит, с одной стороны, стремление государства сохранить отжившие институты культуры (союзы писателей, художников и т.п.) и, с другой, его

всесторонняя поддержка массовых жанров, способных оказывать воспитательное воздействие на общество, транслируя целый ряд политкорректных ценностей. Проблема в том, что наличие государственного заказа в истории любой страны, как правило, приводило к нескольким весьма неприятным следствиям: постепенному снижению качества, росту себестоимости и устареванию техники и технологий производства. Но дело даже не в этом...

Согласно некоторым сценариям дальнейшего мирового развития, культура оказывается вообще отброшенной на периферию государственных и общественных интересов. В своих лекциях «Постиндустриальный переход и мировая война» Е. Гильбо пишет о том, что в постиндустриальном мире реальная власть перейдёт к корпоратократии – руководителям корпораций, постиндустриальным производителям – производителям уникальных информационных ресурсов и нетократии – организаторам сетевого взаимодействия людей. Промежуточным звеном между ними и консьюмериатом (обществом потребителей) станет торговая аристократия.

По сути, в этом нет ничего нового в сравнении с концепциями классиков, описавших постиндустриальное общество ещё в XX веке, за исключением более рельефно прописанной структуры. Я уже неоднократно высказывался о том, что транслируемая СМИ концепция общества потребления является не более чем идеологией, и по логике вещей с данным обществом должна быть органически связана его противоположная часть, то есть «общество производства»: «Общество производства – это те, кто создаёт потребляемые массой все новые и новые идеи, зрелища, вещи. В этой системе наслаждению массы противостоит своеобразный аскетизм элит (вынужденных постоянно поддерживать себя в форме); неразличимости массы – индивидуальность; невидимости и молчанию массы – целый ряд, гипнотизирующих её речами и действиями, индивидуальных образов; наконец, глупости массы противостоит интеллект тех, кто создаёт “умные”, “рациональные” продукты, потребляя которые масса сама виртуально приобщается к прекрасному элитарному миру» [7, с. 25]. Однако Е. Гильбо идёт гораздо дальше: согласно его сценарию отжившими общественными классами в новом обществе станут пролетариат (который будет с успехом заменён 3D принтерами), а также финансовые аристократии и те, кто живёт за счёт бюджета, то есть чиновники и ... большая часть представителей культуры. Фактически, бюджетники становятся тормозом развития новой системы, вследствие чего именуются «паразитами»: «Бюрократия, бюджетные служащие и работники дотируемых индустриальных производств перешли сегодня в положение паразитических классов общества, сформировав соответствующую паразитическую психологию и социальную практику» [4]. Соответственно этому культура также как бы полностью выпадает из системы, и единственное, на чём Е. Гильбо останавливает своё внимание, – это язык, оказывающийся единственной основой национальной идентичности, а также инженерное образование, необходимое для эффективного развития техники и технологий. Культура как будто исчезает, или, как об этом писал Ф. Фукуяма: «Конец истории печален. Борьба за признание, готовность рисковать жизнью ради чисто абстрактной цели, идеологическая борьба, требующая отваги, воображения и идеализма, – вместо всего этого – экономический расчёт, бесконечные технические проблемы, забота об экологии и удовлетворение изощрённых запросов потребителя. В постисторический период нет ни искусства,

ни философии; есть лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории» [8, с. 148]. Но если признать правоту Е. Гильбо и согласиться с его тезисом о люмпенизации чиновничества, пролетариата и интеллигенции, необходимо задать вопрос: как будет осуществляться культурная преемственность, кто будет обучать языку и обеспечивать качественное инженерное образование? Ответ: никто: «Если учитель полвека назад выполнял ясную и конкретную миссию превращения оболтуса в сознательного и производительного человека, то теперь от образования требуют, чтобы оно формировало квалифицированных потребителей. А для этого ничему не надо учить, ученик и так потребитель» [4]. Но как в таком случае будет воспроизводиться «общество производителей»? Возможным вариантом здесь видится то, что образование станет органической частью миссии крупных корпораций, то есть станет узкоспециализированным, не предполагающим формирования у ученика (студента) более или менее целостной совокупности представлений об основах мировой культуры.

Исходя из вышеизложенного, следует сделать вывод, что дальнейшее развитие России возможно по двум сценариям, каждый из которых имеет как свои плюсы, так и минусы. Первый из них, «футуристический», следуя которому Россия в конечном счёте трансформируется в постиндустриальное общество с описанной выше структурой. Основная проблема здесь состоит в необходимости перестройки всей нынешней имперской (в терминах Е. Гильбо «феодальной») политической и экономической системы. Если принять во внимание положение, согласно которому Россия является страной, где семейно-клановый способ организации политики, экономики и культуры исторически безусловно доминирует, борьба за власть с местными элитами представляется крайне затратной и в нынешних условиях едва ли возможной. Вторая проблема в том, что, перестроив базовые социально-экономические структуры, Россия рискует превратиться в территорию влияния крупных западных корпораций и, как следствие, потерять своё политическое влияние на мировой арене.

Наконец, третьей проблемой является то, что культура здесь пускается в «свободное плавание» и служит средством удовлетворения потребностей экстерриториальных элит и противоположного им территориально ограниченного общества потребления. Вероятнее всего, производители культуры будут, как и экономические элиты, экстерриториальны, мобильны и организованы по сетевому принципу, в то время как в рамках самой культуры понятия массового и элитарного обретут новый смысл и новые очертания. И если массовая культура будет по-прежнему иметь ярко выраженный компенсаторно-развлекательный характер, то элитарная – интеллектуальный и высокотехнологичный (науч-поп-арт, видео-арт, имп-арт и т.п.). Не трудно заметить, что в данном сценарии из системы выпадает классическая культура, сплачивающая общество, формирующая национальную идентичность и обеспечивающая преемственность поколений. Она и не требуется, поскольку описанное Е. Гильбо общество будущего по своему характеру является «атомарным», то есть индивидуалистическим.

Второй путь – «архаический», представляющий собой своеобразное возвращение к индустриальному состоянию (напоминающему общество зрелого СССР) с культурой, всецело подчинённой государственным интересам. Этот путь мы уже проходили, и в контексте развития рыночной экономики и информационных

технологий он представляется тупиковым, хотя и не требует болезненной перестройки. Здесь культура также обречена быть разделённой на элитарную и массовую: элитарная в основе своей будет представлять собой роскошь, удовлетворяющую потребности местных «феодалов» (по этой причине, на мой взгляд, нас ожидает подъём интереса к декоративно-прикладному искусству), в то время как массовая будет выполнять функцию транслятора интересов государства в сознание массового потребителя. То, что в настоящее время понимается под элитарной культурой, то есть культурой интеллектуальной, или, если угодно, концептуальной, выпадет из системы и снова погрузится в более или менее затяжное по времени маргинальное состояние.

Принимая во внимание внешние и внутривнутриполитические события последних нескольких лет, логично предположить, что российское руководство выбрало «архаический» путь, направленный не на развитие новых направлений культуры, а на сохранение культурного наследия. В частности: «Зарубежные эксперты, оценивая деятельность такого важнейшего субъекта культуры, как Министерство культуры РФ, отмечают, что максимальное внимание с точки зрения расходов в его деятельности уделяется художественному образованию и охране наследия, частично средства идут также на исполнительские искусства и поддержку художественного творчества, что означает тенденцию, направленную прежде всего на сохранение существующей культуры, а не на инновации. В регионах значительные усилия сосредоточены на сохранении прежней системы учреждений культуры и её привычных функций, а управление в значительной степени связано с поддержанием текущей деятельности этих учреждений и её годовым планированием» [2]. Разумеется, подобная направленность культурной политики в контексте экономического кризиса тактически верна и оправдана. Однако к чему это может привести в долгосрочной перспективе?

Во-первых, к культурному отставанию провинции, то есть большей части России, от нескольких относительно благополучных в экономическом отношении и потому сохранивших интерес к культурным инновациям мегаполисов. Если в пространстве мегаполисов интеллектуальная культура ещё способна отыскать себе место, то доля провинции по большей части исчерпывается (помимо массовой культуры) классическим искусством и народным творчеством. Во-вторых, очевиден недостаток средств на поддержание достойного существования деятелей культуры, что гарантированно приведёт к их оттоку в более прибыльные сферы деятельности. Сокращение числа высококвалифицированных специалистов, в свою очередь, повлечёт за собой снижение качества образования в области культуры. В-третьих, сокращение в системе высшего образования количества структур, деятельность которых направлена на трансляцию культуры, в перспективе гарантированно обернётся падением общего уровня культуры в стране.

Таким образом, какой бы из намеченных путей ни выбрало российское руководство, ему придётся пожертвовать либо классической культурой, либо интеллектуальной. Но если утрата «классики» ведёт страну в постиндустриальное будущее (пусть не такое светлое, как мыслили теоретики постиндустриализма), то потеря contemporary, то есть не просто современного, но актуального, отбрасывает её в индустриальное, а то и аграрное прошлое. Вопрос о каком-либо пропорциональном совмещении обоих сценариев остаётся открытым.

Литература

1. *Бауман З.* Власть без места, место без власти // Социологический журнал. – 1988. – № 3/4. – С. 86–100.
2. *Богатырева Т. Г.* Культурная политика в современной России и реформы в сфере культуры: поиски парадигмы действия [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал «Наследие» : [веб-сайт]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://old.nasledie.ru/politvnt/19_26/article.php?art=3
3. *Вирильо П.* Информационная бомба: Стратегия обмана / [пер. с фр. И. Окунева]. – Москва : Фонд научных исследований «Прагматика культуры» : Гнозис, 2002. – 191 с.
4. *Гильбо Е.* Постиндустриальный переход и мировая война [Электронный ресурс] // Онлайн библиотека RomanBook : [веб-сайт]. – Электрон. дан. – 2013. – Режим доступа: <http://romanbook.ru/book/9392280/>
5. *Кастельс М.* Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на западе : антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – Москва : Academia, 1999. – С. 292–308.
6. *Лиотар Ж.-Ф.* Ответ на вопрос: что такое постмодерн? [Электронный ресурс] // Библиофонд : [веб-сайт]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://bibliofond.ru/detail.aspx?id=78188>
7. *Трунев С. И.* О возможностях социально ответственного бизнеса: социально-философский анализ // Экономика и общество: рациональность и ответственность : сборник научных трудов / под ред. проф. О. П. Кузнецовой ; Минобрнауки России, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Омский государственный технический университет». – Омск : ОмГТУ, 2014. – С. 21–27.
8. *Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 134–148.

КУЛЬТУРА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ

Ольга Леонидовна ЦВЕТКОВА,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы факультета русской филологии и культуры Ярославского государственного педагогического университета имени К. Д. Ушинского, г. Ярославль
e-mail: astra-211@mail.ru

Проблема общества потребления – одна из самых навязчивых и подробно обсуждаемых в философии и культуре. Существующие драматические противоречия пронизывают собой весь коммуникативный и экзистенциальный опыт современного человека. В статье предпринимается попытка обобщить основные идеи и понятия, пришедшие в современную философию вместе с новыми реалиями общества потребления. Анализируя взгляды современных теоретиков общества, автор выявляет новые точки зрения и новые понятия, которые восходят к эволюции философской теории потребления. Обращаясь к таким философам XX столетия, как «потребность», «симулякр», «желание», «ценность», «статус» и т.д., автор увязывает их со смыслом тех процессов, функций, задач, которые несёт в себе общество потребления. В статье рассматривается идея, в соответствии с которой важной характеристикой современной цивилизации является мифологическое понимание потребления. Работа анализирует характер изменений в выборе ценностей от традиционного общества до общества потребления. Социальная система, основанная на потреблении и репрессивных потребностях, способна радикально изменить морфологию общественных связей, основанных на традиционных иерархических взаимоотношениях. Автор приходит к выводу, что общество потребления приводит к фундаментальному сдвигу в представлениях о природе человека, меняющему многие привычные устои социального порядка.

Ключевые слова: потребность, личность, культура, мотив, современное общество, статус, желание, социокультурное поле, ценность.

CULTURE AND TRANSFORMATION OF NEEDS

O. L. Tsvetkova, Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor of Department of theory of communication and advertising, The Faculty of the Russian Language and Culture, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
e-mail: astra-211@mail.ru

The problem of the consumer society is one of the most intrusive and discussed at length, philosophy and culture. Existing dramatic contradictions permeate the whole of the communicative and existential experiences of modern man. The article attempts to summarize the main ideas and concepts that came in modern philosophy together with the new realities of the consumer society. Analyzing the views of modern theorists of society, the author identifies new points of view and new concepts that date back to the evolution of philosophical theories of consumption. Referring to such philosophies of the twentieth century, as “need”, “simulacrum”, “desire”, “value”, “status”, etc., the author links them with a sense of the processes, functions, tasks inherent in a consumer society. The article discusses the idea, according to which an important characteristic

of modern civilization is a mythological understanding of consumption. The work examines the nature of changes in the choice of values from traditional society to the consumer society. Social system based on consumption and repressive needs, can radically change the morphology of public relations, based on traditional hierarchical relationships. The author comes to the conclusion that the consumer society lead to a fundamental shift in views about human nature, changing many of the traditional boundaries of social order.

Key words: need, person, culture, motive, modern society, status, desire, social and cultural field, value.

Развитие личности связано с существованием психологической дистанции по отношению к собственным желаниям, проблемам и переживаниям.

Желания часто рождаются в результате случайного опыта, психических травм и ложного понимания мира. Иногда они возникают ситуативно, кроме того, чем сложнее желания человека, тем дальше они отстоят от его потребностей, поскольку желания формируются под давлением культуры, которая сложилась совершенно независимо от потребностей индивида. Желания являются «печатью» культуры, а ведь у неё другие «потребности», чем у индивида. Поэтому люди слишком любят есть то, что им не нужно, концентрируются на губительных для них целях, одеваются во вред своему здоровью, избегают решения проблем, важных для их существования, боятся знаний о себе и о мире, чувствуют гордость, действуя себе во вред.

Традиционно считается, что исследование психологии мотивации насчитывает около ста лет и имеет своими истоками европейскую психоаналитическую школу. В III веке до н.э. Эпикур из Эфеса, размышляя о различных видах потребностей, пришёл к не менее полным выводам, чем те, до которых «добрались» его коллеги через две тысячи лет [1, с. 356].

Вместо того чтобы тратить время и усилия на разграничение социального и биологического, он разработал критерии естественности потребностей и их необходимости, а также определил роль их интенсивности в жизни индивида, отличая страсти, которые контролируют нас, от желаний, которые контролируем мы.

Эпикур разделил все потребности на три категории:

- 1) естественные и необходимые;
- 2) естественные, но не необходимые;
- 3) ни естественные, ни необходимые.

Он посчитал сохранение жизни человеком высшей ценностью и сделал верное предположение, что люди живут, поскольку способны сохранять жизнь. Поэтому он заключил, что потребность в еде и питье является естественной и необходимой. Желания, проистекающие только из факта жизни людей, по мнению Эпикура, не являются ни естественными, ни необходимыми. У человека такого рода желания могут быть, а могут и не быть – в зависимости от его воспитания, то есть в зависимости от принятой модели культуры, а также от собственных правил и требований. Одни честолюбивые люди стремятся к власти, для других она не имеет ценности, так как они жаждут, например, больше всего любви.

Эпикур также ввёл критерий интенсивности желания. Когда оно становится слишком сильным, то превращается в страсть, *pathos* (корень слова 'патология'). Эта страсть начинает контролировать личность, подчиняет себе её стремления

и, в конце концов, уничтожает. По мнению Эпикура, три страсти особенно опасны для человека. Это боязнь богов, страх смерти и любовь.

Для того чтобы избежать их, Эпикур советует придерживаться взглядов, что у богов есть собственные проблемы и они нами не интересуются. Смерть не опасна, поскольку, когда мы живём, её нет, а когда она есть, то нас уже нет [1, с. 357]. Дружба намного надёжнее любви и не мешает нашей жизни, увеличивая шансы на достижение мудрости.

В философских изысканиях Эпикура удивительное состоит в том, что он первым в истории мировой философской мысли обозначил проблему противопоставления «потребительства» (как поиск постоянного быстрого удовольствия или удовлетворения) и сосредоточения на высших духовных ценностях.

С онтологической точки зрения одна из основных проблем человека состоит в том, что, как правило, человек добивается того, *что следует достичь*, вместо того, чтобы добиться того, *что важно именно для человека*.

Традиционный способ социализации приводит к тому, что для многих людей смысл их жизни ограничивается только одним её фрагментом, одним видом деятельности. Они не создают концепцию своей жизни, не анализируют и не пересматривают её. Она предписана им культурой и локализована в их разумах как конкретный, мощный и «плоский» комплекс ценностей, в котором каждая ценность одинаково важна и каждая из них не зависит от других. Значение таких ценностей не следует из рациональных предпосылок, они приобретены в течение жизни и просто есть. Люди, у которых сформировался такой набор ценностей, становятся зависимыми от него, поскольку он не годится для размышлений и изменений. Он только существует или полностью распадается. Люди, у которых такой набор ценностей определяет их смысл жизни, по сути, не столько осуществляют свой смысл, сколько реализуются им.

«Едва отправившись в жизненный путь, человек теряется, ещё и не начав себя обретать, и увлекается – на годы и десятилетия, если не на всю жизнь – тем, сквозь что надо было бы проникнуть вглубь. Он увлекается скитальчеством среди географических далей нашей планеты и тянется к планетам иным... Он странствует в предметах природоведческих исследований и в них забывает себя, порой вытесняя в себе душу, живущую научной эрудицией и интеллектуализмом. Он погружается в этнокультурное историческое многообразие стилей и эпох, становится вedom и собирателем этого многообразия. Он творит математические структуры или художественные образы – и остаётся весь посреди них. Но – увы! – он подолгу даже и не догадывается, что за всем этим заставаемым им или построенным им вместе с другими многообразием скрываются гораздо *более достойные смыслы* – достойные быть предпочтёнными им в его искании. Он не догадывается, что все сделанные им и могущие быть ещё сделанными открытия не привели его к гораздо более важным открытиям иного порядка» [2, с. 96].

Важно понимать, что такой «смысл» высоко ценится в современной культуре, поскольку предметизирует человеческую личность. Он делает эту личность предсказуемой, склонной выполнять предъявляемые к ней требования. Это отчётливо видно в фундаменталистских субкультурах – религиозных или национальных. Обладание таким смыслом бывает источником радости, когда «приходит время» и личность чувствует, что осуществляет то, что необходимо.

Однако в масштабах всей жизни он часто приводит к неудачам, недовольству, неудовлетворению, поскольку такое «время» ограничено в своих рамках и наступает довольно редко. Это определяет агрессивность, иногда даже жестокость людей, зависящих от идеи, либо их депрессию и потерянную, когда весь мир «идёт не в том направлении». Зачастую эти люди, вовлечённые в чужие идеи, после их осуществления всю жизнь чувствуют, что то, с чем они встречаются – брак, работа, дети, важно, но никогда не будет для них тем, чем должно быть. Такой смысл по определению не может играть роль конструктивного фактора развития интенциональной человеческой личности.

Осознанная потребность – это представление субъекта о том, что ему необходимо для существования и развития. Именно это представление выступает как толчок к действию. Удовлетворённая потребность перестаёт осознаваться. Сытый человек забывает о потребности в еде. Если же он переел, то упоминание о пище может вызывать даже неприятные ассоциации. Но проходит некоторое время, и эта же потребность вновь актуализируется, то есть осознаётся как значимая.

Нужда – это мучительное или неприятное переживание неудовлетворённой потребности как лишения. Она возникает в тех случаях, когда неудовлетворённая потребность вызывает очевидные негативные чувства. Нужда проявляется при задержках в процессе удовлетворения потребности. Если нужда возникает, она лежит на поверхности.

Часто вместо категории осознанной потребности предлагается понятие мотива. Например: *«В то время как потребности объективны как базовые и относительно устойчивые предпосылки, мотивы определяются субъективно и связаны с восприятием или оценками и подталкивают сознание и целеустремлённое действие»* [5, с. 71].

Однако понятие мотива шире: это всякое объяснение собственных действий, но далеко не все действия человека связаны с реализацией его потребностей. Осознание чувства голода не является мотивом, если есть нечего или диетические соображения удерживают от обеда. Нет действия – нет мотива. Но не всякая неудовлетворённая потребность порождает состояние нужды. Человек может быть не в состоянии удовлетворять свои потребности в чистой воде, чистом воздухе, микроэлементах, витаминах и т.д., не испытывая при этом никакого дискомфорта. Многие потребности обнаруживаются в процессе научных исследований и только потом проникают в массовую культуру. И в таких ситуациях возникает часто встречающийся парадокс: эксперты говорят о бедственном положении людей, которые ещё не догадываются об этом.

Состояние нужды далеко не всегда связано со сбоем в удовлетворении природных потребностей. Если человек осознал что-то как важную потребность, то сбой в её удовлетворении может переживаться как нужда. При этом нужда может отрываться от объективной потребности, принимать самостоятельный характер: такой потребности нет, но человек, включённый в ложный информационный процесс, принимает миф, причуду за потребность. Не будучи в состоянии поймать эту сказочную птицу, он испытывает чувство мучительной нужды.

Это относится не только к привычкам, становящимся частью природы (алкогольная, табачная, наркотическая зависимость). Если человек принимает какие-то культурные нормы как обязательные для того, чтобы считаться «нормальным»,

«культурным», «своим» и т.д., то сбой в доступе к соответствующим ресурсам может переживаться как нужда. Например, если все друзья тщательно следят за своей внешностью, то неспособность молодого человека выглядеть «как подобает» может мучительно переживаться. Таким образом, состояние нужды относительно: то, что для одного зажиточность, для другого может быть состоянием нужды, лишения.

Очень важную роль в конструировании границы нужды играет социокультурное поле, к которому принадлежит индивид, и степень принятия им культурной программы поля. Общество потребления ведёт к резкому увеличению риска попасть в состояние нужды, так как в рамках этой культурной программы невозможность жить «как все» переживается как мучительное лишение.

Представления людей о своих потребностях – это отражение объективных явлений в зеркале разделяемых ими культурных программ, которые включают в себя правила декодирования симптомов неудовлетворённых потребностей. Это не культура, а именно комплекс культурных программ. Помимо культуры данной страны, действуют субкультуры разных групп: семьи, компании друзей, коллектива коллег и т.д. Все они могут переплетаться самым причудливым образом. В результате два члена одной семьи в одинаковых ситуациях одну и ту же потребность будут осознавать по-разному.

Человек заболел, и он декодирует свои ощущения, исходя из своих представлений о медицине, личного опыта, что тесно связано с уровнем медицинской культуры данного социокультурного поля. Массовая медицинская культура в каждом обществе является результатом действия самых разнообразных факторов. Например, в современном российском обществе она формируется в результате информации, черпаемой массой людей из популярных журналов и газет, радио- и телепередач, где описываются симптомы разного рода болезней (то есть правила декодирования собственных ощущений и результатов самонаблюдения). Но есть социокультурные поля, программа которых предполагает, что при наличии таких же симптомов надо обратиться к знахарке, колдуну, экстрасенсу и т.д., поскольку причина плохого самочувствия в том, что кто-то «навёл порчу», «сглазил».

Поскольку объективные потребности преломляются в зеркале культурной программы, в контексте языка данного социального поля, то неизбежны более или менее существенные искажения. Иначе говоря, осознанные потребности часто очень далеки от объективных или прямо противоположны им. То, чем лечат сегодня, завтра, возможно, будут использовать как медленно действующий яд.

Статусные потребности – это объективно необходимые условия для сохранения и развития позиции в том или ином социокультурном поле. С одной стороны, это объективно необходимые условия обеспечения принадлежности индивида к тем или иным важным для него группам, а с другой – это условия воспроизводства или конструирования границы, отделяющей его от чужих, ненужных ему групп. Статусные потребности (так же как и природные) имеют объективный и субъективный уровни.

На первом уровне это объективные условия воспроизводства позиции. Так, статусная позиция преподавателя включает такие объективно необходимые условия её сохранения (потребности), как существование университета, его финансирование, позволяющее поддерживать учебный процесс и выплачивать зарплату, и т.д.

К тому же, его статусные потребности включают и личные предметы, обеспечивающие профессиональную деятельность, начиная от одежды и кончая оргтехникой.

Принадлежность индивида к той или иной субкультуре также определяет, задаёт и формирует потребности в репрезентации своего статуса. Очень важный момент с точки зрения социальной психологии здесь заключается в том, что индивиду критически важно через демонстрацию и реализацию статусных потребностей заявлять о своей принадлежности группе, быть в неё включённым. Этот процесс в полной мере усугубляет конформистские интенции, в полной мере характерные для современной цивилизации потребления, когда «быть не как все» становится механизмом маргинализации и даже стигматизации индивида.

Многие природные потребности приобретают статусную форму. И тогда грань между ними можно провести лишь теоретически. Потребляя пищу, человек удовлетворяет свои природные потребности, но в то же время он ест пищу, обозначающую его принадлежность к определённой группе, категории людей. Эта же пища обозначает границу, отделяющую его от чужой группы, которая не может себе позволить такую пищу или, наоборот, считает её несъедобной, вредной или невкусной. Ещё более явно переплетаются природные и статусные потребности в одежде, жилище.

Однако наличие социокультурной формы у природных потребностей не может быть основанием для их отрицания [3, с. 216]. Отход от наивности экономической концепции потребностей не должен вести к другой, не менее наивной крайности.

Г. Маркузе в середине XX века дифференцировал потребности современного человека на две глобальные группы – истинные и ложные. Последние, по мнению философа, подавляют человека (например: агрессивность, тяжкий труд, несправедливость, нищета). Удивительное состоит в том, что, способствуя их удовлетворению, человек впадает в состояние эйфории [4, с. 316]. Интересно и то, что, например, такая основополагающая функция современной массовой культуры, как рекреационная, также является ложной потребностью. При этом ложные потребности продуцируются прежде всего идеологической системой общества потребления, конечная цель которой – унифицированная изоморфная масса стандартно мыслящих гомункулов.

Континуум Э. Фромма, заявленный им в работе «Бегство от свободы» и блестяще продолженный в «Иметь или быть», в условиях современного общества однозначно приблизился к модусу «иметь».

Категория обладания, репрезентация «казаться» и всеобщий универсум «кажимостей» в настоящее время настолько очевидны, что любое отклонение в сторону от предписанных норм воспринимается не иначе, как девиация, как проявление аномии. Причём индустрия культуры это бесконечно воспроизводит и на уровне драматургии потребления – житейских спектаклей, и на уровне практик повседневности.

Ещё одним показательным феноменом является ремифологизация сознания современного человека, когда в обществе, перенасыщенном и пресыщенном технологиями, обнаруживается великая тяга к различного рода ритуальным потребительским практикам, а такой симулякр, как «бренд», становится объектом священного поклонения, когда на смену «реальности» приходит «медиареальность», которая, в свою очередь, продуцирует «гиперреальность» и мир тотальной иллюзии.

В конечном счёте можно констатировать, что положительный модус человеческого существования, связанный с интенцией самоосуществления, является фактически вытесненным, а потребности, предустановленные системой – или матрицей, являются востребованными, легитимизированными и одобряемыми.

Литература

1. Антология мировой философии : в 4 томах / ред. коллегия: В.В. Соколов и др. ; Академия наук СССР, Институт философии. – Москва : Мысль, 1969–1972. – Т. 1, Ч. 1. – 536 с.
2. *Батищев Г. С.* Найти и обрести себя // Вопросы философии. – 1995. – № 3. – С. 95–129.
3. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. – Москва : Республика, 2006. – 445 с.
4. *Маркузе Г.* Одномерный человек // Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина ; сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. – Москва : АСТ, 2003. – 420 с.
5. Gronmo S. Compensatory Consumer Behavior: Elements of a Critical Sociology of Consumption // P. Otnes (ed.). *The Sociology of Consumption*. – Oslo: Solum Forlag A/S, 1988. – Pp. 65–86.

РЫНОК АРТ-ИНДУСТРИИ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ (НА ОСНОВЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА РОССИИ И НИДЕРЛАНДОВ)

Анастасия Юрьевна ТРУБЕЦКАЯ,
соискатель кафедры социально-гуманитарных дисциплин
и истории права Московского городского университета
управления Правительства Москвы, г. Москва
e-mail: trubetskay@gmail.com

В статье рассматриваются аспекты взаимодействия и взаимовлияния рынка арт-индустрии и государственной культурной политики. Выявляются ключевые характеристики рассматриваемых понятий с точки зрения их целевых и ценностных ориентаций. На основе совокупности факторов влияния культурной политики на рынок арт-индустрии осуществляется сравнительный анализ опыта Запада и России по использованию рыночных механизмов в соотношении с культурной политикой и нахождению компромисса в пользу поддержки искусства, непосредственно влияющего на антропо-социокультурную систему. Выявляются схожие и различные черты регулирования на государственном уровне пространства культуры, к которому в широком его трактовании относится и рынок арт-индустрии. Обозначены возможные векторы развития взаимоотношений государственной культурной политики и рынка арт-индустрии, направленные в конечном счёте на качественное общественное развитие.

Ключевые слова: культура, рынок, арт-индустрия, культурная политика, государственное управление, мировой опыт.

MARKET OF THE ART INDUSTRY IN THE CONTEXT OF THE STATE CULTURAL POLICY (COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIA AND NETHERLANDS)

A. Yu. Trubetskaya, doctoral student of Department of the social and humanities, Moscow Metropolitan Governance University
e-mail: trubetskay@gmail.com

This article discusses the aspects of interaction and mutual influence of the market of the art industry of the state cultural policy. The key characteristics of the concepts in terms of their targets and values are identified. A comparative analysis of the experience of the West and Russia on the use of market mechanisms in relation to the cultural policy and finding a compromise in favor of supporting the arts, directly affecting the anthropos-socio-cultural system is carried out based on a combination of factors of the influence of the cultural policy on the market of the art industry. The similar and

different features of the regulation at the state level cultural space to which a broad interpretation of its true market of the art industry are revealed. The possible future development of relations between the vectors of the state cultural policy and market of the art industry, designed eventually to quality social development are designated.

Key words: culture, market, art industry, cultural policy, public administration, international experience.

Вопрос степени участия государства в сфере культуры является актуальным на сегодняшний день, так как с каждым днём возрастает доля участников, занятых в производстве культурных продуктов, основанных на творческих идеях самого широкого круга (визуальные и исполнительские искусства, мода, дизайн, архитектура, кино и другие). Сразу же стоит отметить, что такого рода рынок в различных исследованиях и, конечно же, в практической деятельности определяют множеством понятий: арт- и культурная индустрия, творческие и креативные индустрии. Их объединяет то, что они затрагивают систему связей культуры, общества и бизнеса [18, с. 33], а различает – акцентирование тех или иных элементов этой системы. В данной статье предлагаем остановиться на определении «арт-индустрия», восходящем к латинскому корню *ars* (в значении ‘ремесло, занятие, искусство, наука’), если иное не определено нормативно-правовыми актами.

В ряде зарубежных стран в последнее время всё большее значение придаётся именно этому сектору производства. Правительство Великобритании, например, опубликовало в 2016 году данные, согласно которым креативный сектор (к которому в соответствии с нормативно-правовыми актами относится производство фильмов, музыкальная индустрия, видеоигры, ремёсла, книгоиздательство) приносит почти 10 миллионов фунтов в час, а общий вклад творческих индустрий в национальную экономику оценивается в размере более чем 84 миллиарда фунтов в год [см.: 19].

В России этот вопрос также внесён в федеральную повестку. В принятых в 2014 году «Основах государственной культурной политики» и в 2016 году «Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» творческие индустрии признаются одним из необходимых компонентов для достижения государством поставленных целей развития в сфере культуры.

Однако при этом возникает ряд сложностей. Во-первых, рынок арт-индустрии – это социально-экономический и культурно-исторический феномен и механизм, представляющий собой систему товарного обращения произведений искусства. Его особенностями являются: сложность в определении стоимости нематериальных товаров и услуг, отсутствие традиционной зависимости производства творческого продукта от спроса, невозможность для производителя выступать полноценным продавцом, зависимость востребованности продукта от признания у конкурентов. Любой рынок всегда стремится к получению выгоды, следовательно, ориентируется на большинство, что в данном случае неизбежно ведёт к снижению качества художественного продукта, его омассовлению. Поэтому государственные органы, направляя усилия на развитие художественного рынка, должны заботиться в первую очередь о том, чтобы арт-рынок производил качественную общественно полезную продукцию.

С другой стороны, государству в современных условиях необходимо не только определить пространство культурной политики, которую оно провозглашает, включив в него арт-индустрию, цели культурной политики, выстроить механизм отношений с коммерческим сектором, но и не забыть про исходное условие разработки политики в сфере культуры – общественное согласие в отношении приоритетности целей культурного развития.

То есть конструктивной культурной политикой в такой ситуации можно называть политику, обеспечивающую конструктивное воздействие на антропо-социокультурную систему, основным целевым ориентиром которой является безусловное духовное (нравственное и интеллектуальное), физическое развитие и совершенствование человека. При этом ради достижения этой цели используется и развивается потенциал арт-индустрии.

Обратимся к зарубежному опыту реализации на практике такой взаимосвязи. Для сравнительного анализа опыта Запада и России по использованию рыночных механизмов в соотношении с культурной политикой и нахождению компромисса в пользу поддержки искусства нами предлагается теоретическая модель, основанием которой является совокупность факторов влияния культурной политики на рынок арт-индустрии.

К факторам, изменение которых влечёт за собой принципиальную трансформацию взаимодействия исследуемых объектов, можно отнести:

- 1) пространство культурной политики – анализ субъектов и объектов культурной политики государства, место рынка арт-индустрии в системе государственного регулирования сферы культуры;
- 2) ценностные установки культурной политики – анализ целей, направлений и социального результата реализации мер их достижения, наличие или отсутствие мотивации для создания и продвижения культурного продукта на рынок арт-индустрии;
- 3) нормативно-правовую и институциональную базу – анализ нормативно-правовых актов и государственных программ в сфере культуры на предмет их воздействия на рынок арт-индустрии;
- 4) механизмы взаимодействия – анализ административных, ценностно-смысловых, социально-психологических и финансово-экономических инструментов воздействия культурной политики на рынок арт-индустрии.

Выделенные нами факторы позволят определить проблемы взаимодействия культурной политики и рынка арт-индустрии на примере Нидерландов и России. Выбор Нидерландов в качестве объекта анализа обусловлен их текущей политикой, связанной со снижением государственного финансирования сферы культуры и поиском путей выхода на рынок арт-индустрии.

Культурная политика в Нидерландах основана, на наш взгляд, на двух концепциях:

- «доступа к культуре», что подразумевает предоставление наибольшему числу людей доступа к материальным и нематериальным произведениям мировой культуры;
- «культурного участия», в рамках которой государство акцентирует экономические выгоды участия в культурных процессах и обеспечивает различного рода налоговые льготы и преференции всем участникам культурного производства.

Таким образом, государство дистанцируется от ценностных суждений об искусстве. Художественное развитие является результатом деятельности отдельных граждан. А государство в данной ситуации постепенно берёт на себя роль модератора культурных мероприятий, помимо того, оно становится крупнейшим покровителем общественного искусства и культуры.

В отличие от Нидерландов, в России роль бизнеса в сфере культуры и искусства не столь существенна, а основным институтом обеспечения развития культуры является государство.

Рассмотрим опыт взаимодействия культурной политики и рынка арт-индустрии в границах разработанной модели, результаты анализа которого в кратком виде представлены в таблице 1.

Таблица 1. Сравнительный анализ взаимодействия культурной политики и рынка арт-индустрии в Нидерландах и России

Объекты внимания	Страны	
	Нидерланды	Россия
1. Пространство культурной политики		
Место коммерческого сектора в пространстве культурной политики	К числу субъектов отношений сферы культуры относится коммерческий сектор.	Коммерческий сектор не входит в пространство государственной культурной политики.
Категории учреждений/организаций культуры, находящихся на бюджетном финансировании	На бюджетном обеспечении находятся: симфонический оркестр, национальный балет, две национальные оперы и национальные музеи, остальные организации являются независимыми от государства и одновременно некоммерческими.	На бюджетном обеспечении находится вся система учреждений культуры, включая клубы, дома культуры, парки культуры и отдыха, музеи, кинотеатры, центры досуга, культурные комплексы и библиотеки трёх уровней государственной власти: федерального, регионального и муниципального.

Объекты внимания	Страны	
	Нидерланды	Россия
Консультативные органы по культуре и государственные фонды	Существует система государственных фондов и консультативных органов, которые напрямую влияют на реализацию культурной политики.	Существуют консультативные органы, например Совет при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству, а также наблюдательные советы региональных министерств культуры. Планируется создание Российского фонда культурного развития.
2. Ценностные установки культурной политики		
Цель культурной политики	Цель культурной политики – поощрение самобытности и разнообразия художественной продукции, поддержка творчества и участия в культурной жизни каждого отдельного человека.	Целью культурной политики является формирование гармонично развитой личности и укрепление единства российского общества посредством приоритетного культурного и гуманитарного развития.
Стратегия культурной политики	Каждые четыре года министр культуры представляет меморандум, где провозглашает конкретные стратегические цели на следующий период.	Субъекты культурной политики не имеют чёткого плана действий (механизмы реализации «Основ государственной культурной политики» остаются неопределёнными), как на федеральном, так и на региональных уровнях, а система их полномочий и ответственности фактически остаётся закрытой.

Объекты внимания	Страны	
	Нидерланды	Россия
Место коммерческого сектора в стратегии культурной политики	Взаимодействие государства и коммерческого сектора в сфере культуры является одним из основных направлений.	Развитие частно-государственного партнёрства и творческих индустрий является одним из направлений действий.
3. Нормативно-правовая и институциональная база		
Нормативные акты о культурной политике	В 1993 году был принят «Закон о культурной политике», который впоследствии неоднократно дополнялся.	В 1992 году были приняты «Основы законодательства Российской Федерации о культуре». В настоящее время на стадии общественного обсуждения находится «Закон о культуре».
Постоянно издающиеся документы о культурной политике	В дополнение к законам, охватывающим сферу культуры, каждые четыре года издаётся государственная стратегия культурной политики.	Целевые ориентиры развития культуры определены в «Основах государственной культурной политики», а потенциально реализуемые меры – в «Стратегии реализации культурной политики». Однако конкретные механизмы реализации их положений пока не определены.
Налоговое законодательство	Налоговое законодательство имеет мотивирующий характер для инвестиций в сферу культуры и предоставляет деятелям культуры значительные налоговые преференции.	Налоговой кодекс Российской Федерации в полной мере не поддерживает производство культурных ценностей и продуктов и не поощряет инвестиции в культуру со стороны частного сектора.

Объекты внимания	Страны	
	Нидерланды	Россия
4. Механизмы взаимодействия		
Механизм финансирования	Выделение бюджетных средств производится на основе стратегических планов, разрабатываемых в организациях культуры каждые четыре года, которые оценивает Совет по культуре.	Государство финансирует обширную сеть учреждений культуры и не оказывает как прямой, так и косвенной финансовой поддержки негосударственным учреждениям.
Механизм оценки результативности	Если качество работы организации культуры будет признано неудовлетворительным, Совет по культуре вправе прекратить финансирование.	Финансирование производится независимо от качества работы учреждения культуры (в государственном задании определены преимущественно количественные показатели результативности деятельности). У государственных учреждений культуры отсутствует мотивация для создания интересного и востребованного культурного продукта, что ещё больше усиливается ввиду отсутствия анализа потребностей населения и дефицита профессиональных кадров.
Механизм подготовки кадров и их мотивации	Государством широко поддерживаются различные обучающие программы, связанные с культурным предпринимательством.	Государством комплексно не поддерживаются обучающие программы, связанные с функционированием культуры в новых экономических условиях, и не корректируются ценностные приоритеты. Такие программы развиваются обособленно в коммерческом и некоммерческом секторах.

Объекты внимания	Страны	
	Нидерланды	Россия
Механизм включения коммерческого сектора в реализацию культурной политики	Организациям культуры оказывают поддержку государственные и частные фонды и система культурного займа. Полученные таким образом средства инвестируются в проекты, тратятся на покупку музыкальных инструментов, видео- и фотоаппаратуры, программного обеспечения и на ипотеку для приобретения мастерской или другого рабочего пространства.	Некоммерческие организации теоретически могут включиться в реализацию государственной культурной политики посредством государственных программ, но механизмы их включения на практике не разработаны.

В результате проведённого анализа было выявлено, что на рынок арт-индустрии государственная культурная политика в рассматриваемых странах влияет по-разному – в зависимости от сформированного культурного пространства, целей и задач развития сферы культуры, применения различных механизмов (финансовых, налоговых, административных, законодательных, мотивационных и т.д.).

Анализ также наглядно демонстрирует, что направления поддержки и взаимодействия с рынком арт-индустрии, реализующиеся в Нидерландах, внедряются в настоящий момент и в России. Конечно, конкретная модель политики государства по отношению к сфере культуры, включая коммерческий сектор, несмотря на свою эффективность, не может быть заимствована или скопирована. Оптимальная модель взаимодействия культурной политики и рынка арт-индустрии может быть разработана в соответствии с политическими, экономическими, социальными и культурными особенностями государства.

Не вызывает нареканий только один пункт культурной политики Нидерландов – ключевая роль специальных образовательных программ не только для специалистов в сфере культуры, но и для самого широкого круга вовлечённых в культурную жизнь людей (например, в Амстердаме в 2013 году была введена Стандартная образовательная программа в области, согласно которой 3 часа в неделю школьники изучают дисциплины, связанные с искусством и культурой: музыку, изобразительное искусство и культурное наследие и один предмет на выбор школы [8, с. 81]). Такие программы способствуют налаживанию продуктивного и взаимовыгодного диалога между государством и рынком арт-индустрии, что в конечном счёте сказывается положительно на развитии сферы культуры, творческой самореализации каждого отдельного человека и устойчивости общественной жизни в целом.

Литература

1. *Аванесова Г. А., Астафьева О. Н.* Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика / Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Москва : Изд-во РАГС, 2001. – 314 с.
2. *Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практика : пер. с фр. / сост., общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – Москва : Институт экспериментальной социологии ; Санкт-Петербург: Алетейя, 2005. – 576 с.
3. *Востряков Л. Е.* Культурная политика: концепции, понятия, модели // Культура на границах. – Москва : Институт культурной политики, 2004. – С. 12–32.
4. *Востряков Л. Е.* Роль государства в реализации культурной политики // Арт-менеджер. – 2006. – № 2 (14).
5. Государство и менеджер культуры: перспективы взаимоотношений [Электронный ресурс] // Арт-менеджер. – 2003. – № 2 (5). – Режим доступа: <http://www.artmanager.ru/articles/briefcase/129-004.html>
6. *Гройс Б.* Политика поэтики : [сб. ст.]. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2013. – 400 с.
7. *Дадамян Г. Г.* Культуре нужна новая экономическая идея // Арт-менеджер. – 2006. – № 1 (13).
8. Доклад о культуре мировых городов = World Cities Culture Report / [пер. с англ. МИСКП]. – Москва : МИСКП, 2015. – 268 с.
9. *Ерасов Б. С.* Социальная культурология : учебное пособие. – 3-е изд., доп. и перераб. – Москва : Аспект Пресс, 2000. – 590, [1] с.
10. *Есаков В. А.* Характер, цели, задачи и методы управления отраслью культуры в современных условиях // Вопросы культурологии: научно-практический и методический журнал. – 2007. – № 7. – С. 52–60.
11. *Межуев В. М.* Идея культуры: очерки по философии культуры. – Москва : Университетская книга : Прогресс-Традиция, 2012. – 403, [2] с.
12. *Мошняга П. А.* Обоснование теории культурной политики // Современная культурная политика как креативная деятельность: управление и инновации : коллективная монография : в 2 частях / под общ. ред. О. Н. Астафьевой. – Санкт-Петербург : ЭЙДОС, 2014. – С. 42–55.
13. Об утверждении Основ государственной культурной политики : Указ Президента РФ от 24.12.2014 N808 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : [веб-сайт]. – Электрон. дан. – 2014. 26 декабря. – Режим доступа: http://library.stu.ru/files/Ykaz_Presidenta_N_808.pdf
14. Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года : Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : [веб-сайт]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=194820; fld=134; dst=1000000001,0; rnd=0.6927691786549985>
15. Реформирование социальной сферы в условиях перехода к рыночной экономике : учебное пособие / [Слепцов Н. С. и др.] ; под общ. ред. Н. С. Слепцова ; Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Москва: РАГС, 1998. – 291 с.

16. *Фатеева Н. А.* Особенности становления арт-рынка в современных условиях: социологический анализ : дис. на соискание учёной степени кандидата социологических наук : 22.00.06 – социология культуры, духовной жизни / Фатеева Надежда Андреевна ; Российский государственный профессионально-педагогический университет. – Екатеринбург, 2008. – 150 с.
17. *Флиер А. Я.* Культурология для культурологов. – Москва : Академический Проект, 2000. – 458, [1] с.
18. *Хезмондалш Д.* Культурные индустрии / пер. с англ. Инны Кушнаревой. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. – 453, [1] с. табл.
19. *Creative industries worth almost £10 million an hour to economy.* Available at: <https://www.gov.uk/government/news/creative-industries-worth-almost-10-million-an-hour-to-economy>
20. Fedorova T. Russia: 1. Historical perspective: cultural policies and instruments. Compendium. *Cultural Policies and Trends in Europe*. Available at: <http://www.culturalpolicies.net/web/russia.php>
21. Hamersveld Ineke van, Oosterhuis Robert Netherlands: 1. Historical perspective: cultural policies and instruments. Compendium. *Cultural Policies and Trends in Europe*. Available at: <http://www.culturalpolicies.net/web/netherlands.php>

ИСКУССТВО И СОВРЕМЕННЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРАКТИКИ

17.00.00 – Искусствознание

ПРОБЛЕМА МИФОЛОГИЗАЦИИ ИСКУССТВА В РУССКОМ МУЗЫКАЛЬНОМ ТЕАТРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Галина Владиславовна ВАРАКИНА,
доктор культурологии, доцент, профессор кафедры
дизайна Московского государственного института
культуры (Рязанский филиал), г. Рязань
e-mail: galina_varakina@mail.ru

Статья посвящена проблеме мифологизации искусства в русском музыкальном театре Серебряного века. В центре внимания находится феномен русского балета как пример одного из самобытных и одновременно симптоматичных явлений начала XX века. Автор предлагает комплексное рассмотрение проблемы мифологизации искусства, в том числе в контексте мистериальной практики в русском искусстве.

Ключевые слова: Серебряный век, мистерия, синтетизм, аполлонизм, дионисизм, мифологизация.

THE PROBLEM OF MYTHOLOGIZATION OF ART IN THE RUSSIAN MUSICAL THEATRE OF THE SILVER AGE

G.V. Varakina, Full Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Professor of
Department of Design, Moscow State Institute of Culture (Ryazan branch)
e-mail: galina_varakina@mail.ru

Article is devoted to an art mythologization problem in the Russian musical theater of the Silver age. In the center of attention there is a phenomenon of the Russian ballet as an example of one of original and at the same time symptomatic phenomena of the beginning of the XX century. The author offers complex consideration of a problem of a mythologization of art, including in the context of mysteriological practice in the Russian art.

Key words: the Silver Age, mystery, synthetism, apollonis, dionysism, mythologization.

Начало XX века связано с глобальными изменениями не только в материальной сфере жизни, но прежде всего в сфере человеческого духа. Это время, когда были подвергнуты критике и переоценке и наиболее устойчивые

морально-нравственные ценности человечества, и ценности эстетические. В России это совпало с церковно-богословским кризисом и вместе с тем явлением религиозно-философского ренессанса. Происходили значительные изменения в сознании интеллектуальной и художественной элиты: осмысление конца века как «конца света», новое понимание роли человеческой личности в истории и человеческого бытия в целом, осознание духовной миссии художника-творца. Можно говорить о мифологизации сознания в русской культуре Серебряного века. М. М. Шибаева в статье «Серебряный век как специфический хронотоп культуры» идёт дальше, говоря о «мифологизации самой культурно-исторической эпохи» [7, с. 19].

Под мифологизацией мы подразумеваем ряд системных компонентов. Прежде всего, это усиление роли мифа как темы художественного творчества и интеллектуального дискурса. Интерес к мифу был всегда; он использовался как значительный пример для масс с целью воздействия на сознание и как элемент воспитания. В то же время миф выступает и в значении результата коллективного творчества. Именно на рубеже XIX–XX веков, как никогда ранее, усиливаются синтетические тенденции как в искусстве, так и в сфере интеллектуального творчества. И, наконец, миф является религиозным продуктом, подчас интерпретируется как божественное откровение. В этом смысле именно русская культура Серебряного века с её идеей мистериальности как нельзя лучше свидетельствует о мифологизации сознания в целом и отдельных его форм.

Ярким примером процесса мифологизации искусства является русский музыкальный театр, ставший значительным событием не только в отечественной культуре, но и в мировой. Русский балет – это яркий пример художественно-эстетического синтеза – музыки, хореографии и живописи. Но для того чтобы достичь этого гармонического слияния, он проделал длительный путь развития, достигнув вершин именно в начале XX столетия.

Балет и в Европе, и в России до начала XX века мыслился исключительно как искусство танца. Он не имел самостоятельного значения, а существовал в виде вставных номеров в опере или в виде небольших дивертисментов, исполняемых в рамках того же оперного вечера. В ряду других искусств балет занимал весьма скромное место; он считался «низким жанром», о чём свидетельствует И. Стравинский в своей «Хронике». Трансформация балета связана со многими именами и обстоятельствами, одним, если не главным, из которых был Михаил Фокин – солист, а затем хореограф антрепризы Сергея Дягилева. От других балетмейстеров его отличало почтительное отношение к музыке и живописи, то есть к спектаклю в целом. Особенно к музыке, ритм и мелодическое начало которой во многом, по его мнению, определяли характер танца, его рисунок. В пересказе С. Лифаря мы можем узнать о мнении самого Фокина по этому поводу: «Музыка не есть простой аккомпанемент ритмического *pas*, но одна из существенных частей самого танца <...> качество хореографического вдохновения определяется качеством музыки» [3, с. 219–220]. Именно с отсутствием музыкального образования и музыкальной чуткости в целом С. Лифарь, И. Стравинский и А. Бенуа связывали неудачу В. Нижинского как хореографа. В не меньшей степени, чем музыке, Фокин был обязан своим успехом в качестве хореографа живописи или, точнее, художникам, не только разрабатывавшим декорации и костюмы к постановкам, но и активно

участвовавшим в поиске пластических линий, в распределении масс и цветовых пятен на сцене. Тем самым многие хореографические решения, вплоть до поз, движений и па, были подсказаны или спровоцированы как бы извне.

В новом балете достигалось не просто взаимодействие музыки, танца и живописи, но осуществлялось их взаимопроникновение. В частности, в фокинской хореографии изменилось традиционное противопоставление солистов кордебалету в пользу их ансамбля, по аналогии, например, с музыкальными партиями в оркестровой партитуре. «Фокин первый сделал из кордебалета не тот общий и необходимый фон <...> на котором отчётливо выделяется танцевальный рисунок солистов, а равноправного, иногда и доминирующего участника танцевального действия <...> Фокин подчинил отдельных исполнителей ансамблю» [3, с. 222]. Такой органический синтез сразу же почувствовала и французская публика, и французская критика. Так, Анри Геон писал о русской труппе: «Она стоит выше всех индивидуальных ценностей, её составляющих. Она обладает высшим достоинством казаться неразложимой на отдельные личности и составлять одно целое с произведением, ею изображаемым, так что кажется, будто она родилась от музыки, чтобы раствориться в красках декораций» [3, с. 257].

Значительное место в репертуарном списке антрепризы С. Дягилева занимали балеты с мифологической тематикой. До 1912 года её жизнь проходила под знаком неорусского стиля, но затем возник сильный интерес к Античности и к новой зарубежной музыке, прежде всего – французской. Среди наиболее крупных имён музыкального мира, связанных с «Русскими сезонами», могут быть названы имена Б. Мусоргского и П. Чайковского, И. Бородина и Н. Римского-Корсакова, а также представителей молодого поколения – Н. Черепнина, И. Стравинского и С. Прокофьева. Наиболее крупными хореографами дягилевской антрепризы были М. Фокин, Б. Нежинская, Г. Баланчин, Л. Мясин, С. Лифарь. К оформлению спектаклей привлекались виднейшие художники, такие как А. Бенуа, Л. Бакст, Н. Рерих, Н. Гончарова и многие другие. Благодаря балетам дягилевской антрепризы кардинально поменялось отношение к танцу: из простого дивертисмента он превратился в особый язык, использующий все выразительные возможности жеста, пластики тела, линии, позы. Особая роль в постановке спектаклей отводилась хореографу, или хореавтору: он выступал в сотворчестве с художником и композитором, участвуя в рождении не просто танца, а действия. Всё это напоминает традиции древнегреческой хореи, а также чувственно-выразительную основу мистерий. Не случайно в этом отношении появление таких спектаклей, как «Жар-птица», «Петрушка» и «Весна священная» И. Стравинского, «Китеж» Н. Римского-Корсакова, «Шут» С. Прокофьева и многих других. Вакхическую природу и восприятие первых дягилевских балетов отмечал и Ж. Кокто: «Красный занавес подымается над праздниками, которые перевернули Францию и которые увлекли толпу в экстазе вслед за колесницей Диониса» [3, с. 253].

Знакомство Дягилева с молодым русским композитором Игорем Стравинским стало важным событием для развития антрепризы в довоенный период. Участие И. Стравинского в предприятии С. Дягилева открывается тремя балетами – «Жар-птица» (1910), «Петрушка» (1911) и «Весна священная» (1913), которые принесли ещё молодому композитору всемирную славу. Последний из этого списка – «Весна священная» – по жанру явился балетом-мистерией,

что было весьма симптоматично. Обращаясь к теме славянской протоистории, Стравинский активно использовал подлинный фольклорный материал, но при этом настолько сильно его преображал и вписывал в собственную музыкальную ткань, что первоисточник терял изначальную связь с определённым временем, контекстом и даже словесным содержанием. Это уже не была, в строгом смысле слова, стилизация под русский стиль.

Новый балет принципиально отличался от всего того, что уже было поставлено в рамках антрепризы «Русские балеты». Главное отличие заключалось в отсутствии коллизии или, как сказал сам Стравинский, интриги. Совместно с Н. Рерихом был разработан план действия, который фиксировал лишь последовательность различных эпизодов. Концепция балета была достаточно подробно изложена Н. Рерихом в его письме к С. Дягилеву. В частности, он пишет о необходимости «напоминать публике, которая в круговороте современной жизни часто забывает о далёкой жизни, когда умели радоваться, когда помнили о красивых космогониях Земли и Неба» [4, с. 120]. В это время Дягилев находился под сильным влиянием П. Гогена, его полинезийского периода с красочно-экзотическим примитивизмом. В идее «Весны священной» он увидел отголоски этой архаической темы.

В том же письме Рерих раскрыл и мистериальную основу балета, которая заключалась в передаче «картины радости Земли и торжества Неба в славянском понимании» [4, с. 120]. Если первая картина – «Поцелуй Земле» – реконструирует языческую обрядовость как элемент культуры, то вторая – «Священная жертва» – представляет собой непосредственно сценический вариант мистериального действия. Рерих об этом говорит совершенно открыто: «После яркой радости земной во второй картине мы переносимся к мистерии небесной» [4, с. 120]. Порядок номеров этой картины соответствует основным этапам мистерии: танец девушек и избирание Жертвы, её величание, последний танец Избранной и принесение её в жертву Яриле старейшинами, одетыми в шкуры медведей – праотцов человеческого рода. Несмотря на драматичный финал – человеческое жертвоприношение, ощущения драмы, трагедии балет не рождает. Причиной такого, несколько абстрагированного, восприятия спектакля является отсутствие в нём индивидуализированного начала. Здесь нет героев и героинь; есть лишь мир людей и мир богов, которые выступают в космогоническом единстве и подчиняются закону духовной иерархии. Не случайно Рерих, заканчивая своё письмо, писал: «Я люблю древность, высокую в её радости и глубокую в её помыслах» [4, с. 120].

Работая над «Весной священной», Стравинский, по приглашению Дягилева, посетил Байройт, чтобы присутствовать на представлении «Парсифаля», созданного Р. Вагнером по типу средневековой мистерии. Это вдвойне знаменательно: во-первых, это была возможность увидеть оперное действие одного из крупнейших композиторов-реформаторов рубежа веков, а во-вторых, Стравинский сам в это время работал над музыкой балета-мистерии. В «Хронике» он подробно излагает и свои надежды на эту поездку, и впечатление от услышанного. Не являясь поклонником музыки Р. Вагнера, Стравинский более всего был возмущён совершенно иным, а именно: чудовищным смешением искусства и религии. «Что меня возмущает во всём этом представлении, так это <...> самый подход к театральному спектаклю, когда ставится знак равенства между ним и священным символическим действием» [5, с. 35]. Можно и самого Стравинского упрекнуть в подражании

мистическому действию в его «Весне». Но между этими спектаклями есть принципиальная разница: Стравинский никогда не претендовал на создание мистерии художественными средствами. Для него образ жертвы, языческие обряды – только архетипы, которые положены в основу художественного произведения. Напротив, в «Парсифале» он почувствовал претензию со стороны Вагнера на то, чтобы заместить церковное действие музыкальной драмой, а храм – театром, более того, религию – искусством. Интересны рассуждения Стравинского о «Парсифале» и средневековой мистерии, которые перерастают в разговор о духовных и эстетических ценностях в рамках культа. «Может быть, скажут, что именно таковы были средневековые мистерии. Но то были действия, создававшиеся на религиозной основе, источником их была вера. Сущность их была такова, что они не отходили от церкви, напротив, церковь им покровительствовала. Это были религиозные церемонии, свободные от канонических ритуалов, и если в них и были эстетические достоинства, то они являлись лишь добавочным и непроизвольным элементом и ничего, по сути дела, не изменяли. Эти представления были вызваны насущной потребностью верующих узреть объекты своей веры в осязаемом воплощении; той же потребностью, которая создала в церквах иконы и статуи» [5, с. 35].

Таким образом, Стравинский выступил ярким противником одной из ведущих тенденций времени – эстетизации бытия и мифологизации искусства. Стравинский придерживался гармоничного сочетания аполлонической формы и дионисической сущности, действуя в лучших традициях античной трагедии. Логичным и закономерным будет его обращение в дальнейшем именно к античной тематике – в опере-оратории «Царь Эдип» (1927), балетах «Аполлон Мусагет» (1928), «Орфей» (1948) и «Агон» (1957), в мелодраме «Персефона» (1934), – с той принципиальной разницей, что аполлоническое начало в его творчестве будет со временем господствовать.

Постановка «Весны», в связи с окончательным разрывом отношений между М. Фокиным и С. Дягилевым, была поручена В. Нижинскому, уже известному артисту и танцовщику, но ещё только делающему первые шаги хореавтору. Дягилев, по воспоминаниям С. Лифаря, возлагал на Нижинского большие надежды в этом плане. И даже многократные обращения И. Стравинского с упреками и сомнениями не остановили импресарио. В результате огромных усилий Дягилева, Нижинского и Стравинского, который вынужден был растолковывать хореографу все детали партитуры, начиная с азов музыкальной грамоты, балет увидел свет рампы. Это был полный провал. Публика свистела и кричала, заглушая звучание оркестра. Стравинский главной причиной провала посчитал несерьёзное отношение к постановке со стороны В. Нижинского: «В ней ясно проявилась его неспособность усвоить те смелые мысли, которые составляли кредо Дягилева и которые Дягилев упрямо и старательно ему внушал. Во всех танцах ощущались какие-то тяжёлые и ни к чему не приводящие усилия, и не было той естественности и простоты, с которыми пластика должна всегда следовать за музыкой» [5, с. 41]. Можно принять объяснение провала «Весны», данное Стравинским, тем более что через год, исполненная в концерте, она имела большой успех, названный автором её «блестящей реабилитацией». «Публика, которую на этот раз не отвлекало сценическое действие, слушала моё произведение со сосредоточенным вниманием и восторженно его приветствовала» [5, с. 44]. В 1920 году «Весна священная»

появляется на сцене в новой хореографии Л. Мясина, который смог придать балету большую танцевальность. Это была одна из главных проблем, так как музыка Стравинского этой танцевальности была лишена совершенно. Но окончательная победа новой музыки, новой хореографии, новой живописи и новой красоты наступит позже. После показа «Весны священной» в Лондоне в 1929 году С. Дягилев в письме к молодому композитору И. Б. Маркевичу напишет: «“Священная весна” имела вчера настоящий триумф. Это дурачье дошло до её понимания. “Times” говорит, что “Sacre” для XX века то же самое, что 9-я симфония Бетховена была для XIX! Наконец-то!» [4, с. 148].

В предвоенные – 1912–1914 – годы в деятельности «Русских балетов Дягилева» усиливается экспериментальное начало. Это проявилось, прежде всего, в обращении к современной музыке, не танцевальной по своему складу и не ориентированной на хореографию. В интервью 1913 года Дягилев пытается определить сущность экспериментов, правда, несколько метафорически: «У меня нет никакого балета, в том смысле как его привыкли понимать в Петербурге. Не знаю, как лучше определить словами то, что мы показываем публике. Задача, во всяком случае, живописная. Я бы сказал: живопись движений. Но и это слово недостаточно точно определяет наши стремления» [4, с. 232]. Нечто похожее мы встречаем в воспоминаниях С. Лифаря: «Подчинение танца музыке всё углубляется, – Мясину предстоит довершить это начатое Фокиным подчинение и закабаление танца (недаром на самых первых порах своей балетмейстерской деятельности Мясин провозглашал, что танец есть не что иное, как контрапункт к музыкальному произведению)» [3, с. 341].

Антреприза, как живой организм, пребывала в постоянном развитии, в поиске новых тем, образов, форм, а также новых решений уже известных проблем. Можно выявить основные тенденции в развитии антрепризы, которые не сменяли друг друга во времени, а чаще сосуществовали, выражая тем самым суть своего времени – многослойность, полистилистичность, вариативность. В результате стирались границы времён и школ, вырабатывался единый интернациональный стиль. Но при всём этом С. Дягилеву удалось сохранить специфическое «русское» ядро, центральную идею всей своей жизни и художественных предприятий – служение красоте, не мёртвой, но вечно становящейся.

Литература

1. *Варакина Г. В.* Диалог культур – Россия и Европа – в рамках проекта «Русские сезоны» в Париже как отражение начала процесса глобализации // Наука и образование XXI века : материалы II Международной научно-практической конференции (29 октября 2008 г.). Том 1. – Рязань : СТИ, 2008. – С. 3–8.
2. *Варакина Г. В.* Дягилевский балет: мифологизация музыкального театра в начале XX века // Теория художественной культуры. Выпуск 13 / ред. Н. А. Хренов. – Москва : ГИИ, 2010. – С. 240–261.
3. *Лифарь С.* Дягилев и с Дягилевым. – Москва : Вагриус, 2005. – 592 с., ил.
4. Сергей Дягилев и русское искусство : в 2 томах / авт.-сост.: И. С. Зильберштейн, В. А. Самков. – Москва : Изобразительное искусство, 1982. – Т. I. – 496 с., 96 л. ил. ; Т. II. – 576 с., 88 л. ил.

5. *Стравинский И. Ф.* Хроника. Поэтика / [сост., ред. пер., коммент., указ. и заключит. ст.: С.И. Савенко] ; [пер. с фр. Л.В. Яковлевой-Шапориной [и др.]. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 365, [2] с., [12] л. ил., ноты, портр., цв. портр.
6. *Шестаков В. П.* Балеты Сергея Прокофьева для «Русских сезонов» Сергея Дягилева // Международный журнал исследований культуры. – 2013. – № 4 (13). – С. 75–80.
7. *Шibaева М. М.* Серебряный век как специфический хронотоп культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 6 (62). – С. 19–23.

РАЗРАБОТКА ФИРМЕННОГО СТИЛЯ: ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И ИСКУССТВО СОВРЕМЕННОГО ДИЗАЙН-ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Юлия Юрьевна МУРАВЬЁВА,
кандидат искусствоведения, доцент кафедры
дизайна Московского государственного института
культуры (Рязанский филиал), г. Рязань
e-mail: design@rfmguki.ru

В статье рассматриваются особенности разработки фирменного стиля в графическом дизайне, различные приёмы и методы в современном дизайн-проектировании.

Ключевые слова: рекламные технологии, графический дизайн, фирменный стиль, знак, логотип, дизайн-проектирование, искусство.

DEVELOPMENT OF CORPORATE IDENTITY: CREATIVE PROCESS AND MODERN ART DESIGN

Yu. Yu. Muravyeva, Ph.D. (History of Arts), Associate Professor of Department of design,
Moscow State Institute of Culture (Ryazan branch)
e-mail: design@rfmguki.ru

The article discusses the features of the development of corporate identity in graphic design, a variety of techniques and methods in the design of modern design.

Key words: advertising technology, graphic design, corporate identity, logos, designs, design, art.

XXI век невозможно представить без рекламы, которую мы воспринимаем скорее как привычную обыденность и двигатель торговли, нежели искусство. Рекламные коммуникации в системе эстетических ценностей современного человека рождают массу вопросов [1]. Между тем грамотно разработанная рекламная кампания – это самый сложный процесс, в котором одну из важнейших ролей играет творческий этап разработки графических элементов фирменного стиля. Образ, цвет, знак, логотип, созданные художником-графиком, могут радовать наш глаз гармоничными сочетаниями и оригинальными решениями. Впрочем, нередко может произойти и обратное: неудачное решение фирменного стиля действует как яркий негативный раздражитель, и такая реклама невольно превращается в антирекламу.

Разработка графических элементов фирменного стиля – сложнейшая задача, в которой «традиционное искусство» и современные приёмы дизайн-проектирования неотделимо взаимосвязаны. Этот процесс творчества – специфическая грань интереса графического дизайна.

Графический дизайн является продолжателем многовековых традиций и одним из наиболее распространённых видов дизайнерского творчества. Получив вместе с рекламой второе дыхание в начале XX века, прикладное графическое искусство сегодня охватывает практически все сферы жизни общества. К традиционным видам книжного и плакатного оформления, решению упаковки, этикеток, разработкам фирменных знаков и фирменных стилей, а также шрифтов сначала добавилась коммуникативная ветвь (в интерьерах зданий, на пространствах населённых пунктов и дорогах), позднее – заставки, рекламные ролики на телевидении, а в последнее десятилетие – компьютерный дизайн. Компьютерный дизайн переходит из прикладной сферы, обслуживающей ранее сложившиеся виды дизайнерского проектирования, в самостоятельный вид творчества, включающий в себя направление, связанное с так называемыми Website в Интернете. Построение графических изображений, всей системы информации в этой сети определяется своими, довольно жёсткими правилами [5, с. 13].

В настоящее время графический дизайн немислим без использования компьютерных технологий и графических программ (CorelDRAW, Photoshop, Illustrator, Flash, Autodesk Maya). Их успешное изучение позволяет студентам-дизайнерам идти в ногу со временем и в перспективе быть востребованными на современном рынке дизайнерских услуг.

Под термином «графический фирменный стиль» сегодня обычно обозначают систему визуально-коммуникативных средств, спроектированную в целях создания определённого постоянного зрительного образа. Эта система включает в себя основные элементы: знак, логотип, цвет, шрифт, а также всё многообразие визуальной информации – от документации, упаковки, сувениров, рекламы до элементов визуальной коммуникации, графики на одежде, транспортных средствах, зданиях и пр. [5, с. 55–58]

Основные элементы графического решения начинают жизнь в двухмерном измерении листа. Но носителями графики становятся объёмные объекты. Более того, нередко знаки, изображения, надписи сами становятся объёмными. Всё это предопределяет значительную сложность разработки знаков и логотипов, её многоплановость с учётом комплекса факторов. Разработка знака носит характер полноценного многоэтапного проектирования, которое начинается с функционального анализа, позиционирования на рынке, изучения аналогов и прототипов, создания вербальных форм, поиска ассоциативных и образных решений и, наконец, завершается тщательной графической отработкой.

Используя основные составляющие фирменного стиля (знак, цвет, шрифт, образы и т.д.) в качестве «кирпичиков» или модулей, можно задавать единое стилевое решение практически всему, что так или иначе имеет отношение к деятельности фирмы.

В процессе дизайн-проектирования графических элементов фирменного стиля необходимо учитывать ряд факторов, напрямую влияющих на положительный

результат работы. В этом отношении весьма важно понимание специфики процесса дизайнерского творчества.

Известный педагог и современный исследователь теории дизайна И. А. Розенсон считает, что «специфика дизайна до некоторой степени может быть определена через особенности профессионального мышления дизайнера – точнее, через своеобразное сочетание свойств, присущих этому типу сознания. Следует выделить такие его особенности, действенные лишь в своей совокупности, как: образность, системность, инновационность» [4, с. 15].

И. А. Розенсон приводит интересные сравнительные примеры, позволяющие ясно представить специфику взаимодействия образности, системности и инновационности в творчестве. Автор рассуждает: «Разумеется, нельзя отрицать, что эти же способности оказываются востребованными в любых видах творчества, проектной практики. Так, образное мышление необходимо не только художнику, но и конструктору, чтобы он мог увидеть в воображении конечную цель своей разработки. Способность системного осмысления реальности необходима не только учёному, но и художнику – без этого его творчество не приобретёт необходимых качеств целостности и своеобразия. Способность к внесению инноваций нужна не только изобретателю, но и каждому конструктору, если он намерен создать нечто своё, а не копировать образцы, уже до него сложившиеся в технической культуре. Однако при решении задач дизайна набор названных особенностей мышления обретает особое качество. Возможно, оно заключается в их интенсивности, влиянии друг на друга или в особом их сочетании, а, может, возникает при включении различных регистров мышления применительно к разным уровням задач.

Основное условие – чтобы все эти качества работали в совокупности, поскольку мы видим, что по отдельности они для дизайна не специфичны.

Бесспорно, дизайнеру, практикующему в любой области своей профессии, должно быть свойственно образное мышление. Однако эта способность необходима также в любом виде творчества, а визуальное образное мышление – в любом виде визуального искусства: в станковой живописи и графике, в архитектуре, скульптуре, монументальном или прикладном искусстве и пр. Формируемый в дизайне проектный образ отличается от художественного образа, присутствующего в произведении “высокого” искусства, тем, что содержит определённую долю прагматизма, утилитаризма, функциональности. Но эти качества могут быть присущи также и образу любой вещи практического назначения, над которой дизайнер вовсе не трудился (например, образу изделия народного промысла). Значит, наличие образного мышления само по себе ещё не определяет своеобразия дизайна» [4, с. 15–16].

О важности образного мышления в дизайнерском творчестве говорит и доктор искусствоведения, профессор Московского государственного художественно-промышленного университета имени С. Г. Строганова А. Н. Лаврентьев: «Цель дизайна – удовлетворение разнообразных потребностей человека, включая потребность в культурной идентификации, эффективная организация предметной и информационной среды жизни и деятельности на основе художественно-образных моделей. Это работа художника с формой, и потому процессы формообразования здесь принципиальны.

Форма интегрирует понимание дизайнером всего круга стоящих перед ним задач: и утилитарных, и социокультурных, и художественных, и технологических. Через форму дизайнер общается с потребителем (понимая под формой не только оболочку или конструкцию материальных предметов, но и структуры, сценарии действия, те или иные правила и условия) [3, с. 6].

Дизайнеру, особенно практикующему в проектировании сложных комплексных объектов, необходимо развитое системное мышление. Однако владение этой организующей способностью разума требуется не только для дизайнерского или, как наиболее близкого ему, архитектурного проектирования, в не меньшей степени оно необходимо инженеру, учёному или программисту. Своеобразие заключается в том, что в проектном мышлении дизайнера системность соединяется с образностью, образуя на всех стадиях проектного процесса неравновесное, но нерасчленимое единство. Проблема, конечно, не в том, чтобы обе эти профессиональные способности оказались в полнейшем равновесии (что, возможно, и встречается в природе, но крайне редко), – проблема в непротиворечивом совмещении в одном творческом сознании двух разнородных начал, когда ни одно из них не стремится подавить другое.

Итак, для результативности дизайн-процесса одинаково продуктивны и неподконтрольность рациональному анализу сугубо эмоциональных, спонтанных художественных решений, и логоцентризм системно-технического подхода.

Дизайнерскому мышлению по определению присущ инновационный характер, поскольку «одна из задач дизайнера – через объекты своего проектирования вносить в мир новизну. Но профессии изобретателя, конструктора или инженера также активно востребуют эту способность. Особенность дизайнерского подхода заключается в том, что, по сравнению с усилиями коллег-проектировщиков, он преобразует действительность не локально – результат его деятельности изменяет весь рисунок социокультурного бытия человека. Конечным продуктом дизайнера на самом деле выступает не совокупность созданных им объектов, а преобразованный (через их посредство) характер самой действительности в её восприятии адресатами проектирования. Эта способность вместе с органичным симбиозом двух практически полярных типов мышления (образного и системного) составляет своеобразие дизайнера, а использование этой способности на практике – предмет его деятельности» [4, с. 16–17].

Таким образом, можно сказать, что профессиональное мышление «идеального дизайнера» помещается «в условном треугольнике между образным мышлением художника, системным мышлением учёного и инновационным мышлением изобретателя» [4, с. 17].

Творческий процесс разработки графических элементов фирменного стиля требует от дизайнера именно такого профессионального мышления. Композиционно завершённый фирменный стиль – это произведение современного графического искусства, при создании которого художник ставит перед собой определённые задачи. В их числе необходимость достижения таких качеств, как запоминаемость, универсальность, оригинальность, ассоциативность, выразительность, функциональность, лаконичность графической работы.

Наиболее значимой для дизайнера-разработчика остаётся роль товарного знака как самого сильного визуального средства, формирующего образ фирмы.

Отвечая высоким эстетическим требованиям и современным стилевым тенденциям в графическом искусстве, он в то же время должен быть простым, ясным для восприятия и гармонично сочетаться с другими элементами (текстом, иллюстративным рядом, цветовым решением и пр.).

Графическая форма, используемая при создании логотипа и товарного знака, во многом определяет первоначальное отношение к нему со стороны потребителя. В современных условиях дизайнеры при создании фирменного блока зачастую используют несколько графических форм, что позволяет создавать эксклюзивные, индивидуальные логотипы. Знак или логотип могут иметь чёткое модульное построение, а могут быть выполнены в виде свободного пятна или сочетать в своей форме чёткую модульную структуру со свободным пятном.

В проектировании фирменного стиля важную роль играет разработка шрифта. С помощью специального набора шрифтов можно создать визуальное отображение любых изречений, которые напрямую будут ассоциироваться с компанией благодаря удачной форме подачи слов и фраз.

Некоторые шрифты призваны доносить информацию до потребителя одним лишь своим обликом, что не требует дополнительного обдумывания содержания текста. Шрифт может нести определённый мотив, эмоции, может выглядеть жёстко, мрачно, женственно, по-детски, начальственно, загадочно, опасно, интригующе, символически.

Разработка фирменного шрифта накладывает некоторые обязательства на сам бренд, требует от последнего соответствия вложенным характеристикам. Современные технологии позволяют создавать рельефные, объёмные, трёхмерные, переливающиеся и прочие оттенки, а саму форму шрифтов подстроить под узнаваемые образы.

При разработке фирменного шрифта необходимо учитывать несколько факторов: удобочитаемость, ритмический строй, содержание и форму, образность, цвет.

Известный немецкий художник шрифта Альберт Капр пишет: «Искусство шрифта – это в первую очередь искусство пропорции. Напряжённость и гармония, симметрия и асимметрия, ритм формы и контрформы, единство индивидуального и всеобщего – при работе над шрифтом приходится учитывать множество противоположностей» [2]. По гипотезе А. Капра, «... законы орнамента, играющие в шрифте доминирующую роль, отражают в общей форме основные законы природы, прежде всего диалектики. Эти выработанные в процессе практической деятельности аксиомы в полной мере относятся и к эстетической оценке. Лишь при соблюдении законов формы возникает впечатление прекрасного» [2].

Фирменный цвет компании – один из наиболее важных опознавательных знаков и элементов фирменного стиля. В совокупности с торговой маркой и логотипом он выполняет функцию идентификатора товара в сознании потребителя. Яркие и узнаваемые цвета позволяют выделиться среди великого множества конкурентов и более эффективно привлекать внимание целевой аудитории. Специалисты в области психологии утверждают, что люди гораздо лучше воспринимают и запоминают зрительные образы, нежели лексический смысл, вложенный в название бренда.

При выборе фирменных цветов настоятельно рекомендуется избегать чрезмерного многоцветья, если только оно не продиктовано спецификой бизнеса.

Многочисленные исследования показывают, что слишком пёстрый логотип, хоть и привлекает к себе внимание, но зато сильно раздражает и быстро забывается. Оптимальным считается использование не более трёх-четырёх цветов.

Каждый цвет имеет определённое ассоциативное содержание, что также необходимо учитывать при разработке палитры фирменных цветов.

Цвет существенно влияет на художественную форму шрифтового изображения, привнося свои качественные особенности в ритмический и композиционный строй. Организация гармонии цветового решения – одно из основных требований.

Как известно, цвет воздействует на зрителя своими физическими и психо-субъективными качествами. По физическим качествам цвет считается удачным, если имеет достаточный коэффициент отражения, то есть отвечает нормальным условиям зрительного восприятия – чёткости и удобочитаемости – первому требованию в работе над шрифтом.

Таким образом, цвет, влияя на художественную форму, не только повышает или понижает удобочитаемость шрифта, но и оказывает, будучи выразительным средством, эстетическое воздействие на основе ряда вызываемых у зрителя ассоциаций, отчасти личностных, отчасти общечеловеческих.

В процессе разработки фирменного стиля нередко возникает необходимость создания фирменного образа или героя. Корпоративный герой презентует имидж фирмы и сам является носителем образа или части образа. Это обычно искусственно созданный положительный герой, который претворяет в жизнь некоторые девизы или устремления компании. Например, кролик Бакс Банни или человек, одетый в костюм пчелы, вызывают вполне определённые ассоциации и одним своим появлением рождают определённый эмоциональный настрой. Образ корпоративного героя можно использовать как самостоятельный рекламный инструмент, создавая его изображения на продукции фирмы и различных рекламных материалах.

Создание образа героя – сложный этап творческого процесса работы дизайнера-графика. В художественном образе, как правило, выражаются общие черты многих явлений. Но отображая мир, художник одновременно воплощает в произведениях и свои мысли, чувства, стремления, эстетические идеалы, даёт оценку явлениям жизни, объясняет их сущность и смысл, выражает своё понимание мира. Так создаются произведения всех видов искусства, в том числе и изобразительного. Однако в графическом дизайне существует своя специфика работы. Здесь важно умение стилизовать, обобщить образ героя, представить его выразительно и ярко. При этом герой должен органично влиться в целостное решение фирменного стиля и стать его образным продолжением.

Подводя итог анализу элементов фирменного стиля и специфики их разработки, необходимо отметить, что основной задачей дизайнера-графика при проектировании графической части фирменного стиля является комплексный подход, благодаря которому фирменный стиль обретает гармоническую законченность и яркое образное звучание. Здесь важно всё, каждая деталь должна стать частью целого, и при этом целое – *фирменный стиль* – должно иметь свой характер, образ, ритм, строй, индивидуальность, то есть стать композиционно завершённым произведением графического искусства.

Литература

1. *Зайцева А. Ф.* Рекламные коммуникации в системе эстетических ценностей современного поколения // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 1 (63). – С. 111–116.
2. *Капр А.* Эстетика искусства шрифта: тезисы и маргиналии со 152 иллюстрациями / [пер. с нем. В. П. Милютина]. – Москва: Книга, 1979. – 123, [1] с. ил.
3. *Лаврентьев А. Н.* История дизайна : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 052400 Дизайн. – Москва: Гардарики, 2006. – 303 с., [8] л. цв. ил.
4. *Розенсон И. А.* Основы теории дизайна : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Приклад. информатика (по обл.)» и др. экон. специальностям. – Москва [и др.] : Питер, 2006. – 218 с. табл.
5. *Рунге В. Ф., Сеньковский В. В.* Основы теории и методологии дизайна : учебное пособие. – Москва : МЗ Пресс, 2001. – 252 с. ил., табл.

ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

13.00.00 – Педагогические науки

ВЛИЯНИЕ СТАТУСНЫХ ПОЗИЦИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

Константин Иванович ВАЙСЕРО,
доктор психологических наук, профессор,
заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин
и истории права Московского городского университета
управления Правительства Москвы, г. Москва
e-mail: VayseroKI@edu.mos.ru

В статье анализируется взаимосвязь между статусом преподавателя и эффективностью обучения студентов вузов, занимающихся подготовкой будущих специалистов сферы культуры. Обосновывается сущность современного статуса педагога. Отмечается, что статус преподавателя складывается из совокупности элементов юридического, экономического, этического и социально-психологического плана. Дается оценка параметрам и характеристикам современного статуса преподавателя вуза, а также показывается роль профессионального мастерства в повышении эффективности высшего образования в сфере культуры.

Ключевые слова: статус преподавателя, эффективность образования в сфере культуры, профессиональное мастерство, соответствие общекультурным и нравственным нормам, наличие сильной воли, коммуникабельность, психологический такт.

INFLUENCE OF THE STATUS OF UNIVERSITY LECTURER ON THE EFFICIENCY OF EDUCATION IN THE FIELD OF CULTURE

K. I. Vaysero, Full Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of the social and humanities, Moscow Metropolitan Governance University
e-mail: VayseroKI@edu.mos.ru

The article analyzes the relationship of teacher status and effectiveness of the training of university students engaged in the training of future specialists in the sphere of culture. Substantiates the essence of the modern teacher status. It is noted that the status of teachers is composed of a plurality of elements of the legal, economic, ethical and socio-psychological plan. The estimation of the parameters and characteristics of modern high school teacher status, as well as professional skills shown a role in increasing the efficiency of higher education in the field of culture.

Key words: status of teacher education effectiveness in the field of culture, professional skills, compliance with general cultural and moral norms, there is a strong will, sociability, psychological tact.

В педагогической науке существует мнение, что от статусных позиций преподавателя, его педагогического мастерства значительно зависит эффективность подготовки студентов [10, с. 613]. Стоит сказать, что вся система деятельности профессорско-преподавательского состава строится с учётом множества показателей, которые в обобщённом виде отражают педагогическое мастерство специалиста и то положение, которое он занимает в глазах своих коллег, студентов, слушателей, аспирантов. Нередко преподавателю приходится сталкиваться с ситуацией, когда необходимо объективно оценивать свой труд и определять пути повышения собственного статуса [10, с. 30–33].

Актуальность настоящей статьи обусловлена психологической сложностью проблемы личностной самооценки преподавателем своего статуса в кафедральном и вузовском коллективе [2, с. 114]. Кроме того, статья актуальна и тем, что частично компенсирует недостаточную разработанность положений, напрямую раскрывающих взаимосвязь между статусом преподавателя и эффективностью обучения студентов в высших учебных заведениях, занимающихся подготовкой будущих специалистов сферы культуры [3, с. 88]. Цель статьи – на основе ранее проведённых педагогических исследований [13, с. 130–134] научно обосновать сущность современного статуса педагога, оценить его параметры и характеристики, а также показать роль профессионального мастерства преподавателя в повышении эффективности высшего образования в сфере культуры.

Мы предположили, что эффективность педагогической деятельности и статусное самовосприятие преподавателя достаточно плотно взаимосвязаны и зависят друг от друга. При этом влияние эффективности образовательной деятельности на статус преподавателя и наоборот объективно, обоюдно и измеряемо научными методами [9, с. 228].

Понятием «статус» (от лат. status – ‘состояние, положение’) обозначают положение человека в системе социальных и межличностных отношений, а также меру его влияния на других людей [5, с. 478]. Статус преподавателя складывается из совокупности элементов юридического, экономического, этического и социально-психологического плана.

Юридический статус преподавателя закреплён в нормативно-правовых документах, регулирующих образовательную деятельность: Конституции Российской Федерации, законах и нормативных актах. В этих документах определены место и роль преподавателя, сформулированы его должностные обязанности и права. Иными словами, юридический статус педагога – это формально узаконенное место, юридически определённые права и обязанности в рамках служебных взаимоотношений своей кафедры и вуза.

Юридический статус педагога вуза меняется в зависимости от образования, стажа работы, научной квалификации, отношения к делу и прочих факторов. Большинство этих факторов имеет чёткую нормативную определённость. Среди них: наличие учёной степени и учёного звания, стаж педагогической деятельности, наличие учебных и научных публикаций, цитируемость (индекс Хирша), сте-

пень участия в научной, инновационной работе и другие. В конечном счёте можно сказать, что в основе изменения юридического статуса преподавателя находится его педагогическое мастерство и его отношение к делу.

Экономический статус преподавателя зависит от его юридического статуса, экономической состоятельности вуза, где он работает, объёма учебной нагрузки и педагогического мастерства преподавателя. Надо признать, что первые три из этих четырёх факторов имеют чётко определённые объективные показатели. Фактор педагогического мастерства во многом субъективен. Особенно это касается дидактического и методического мастерства, профессионально-психологических характеристик личности.

Приведём такой пример. В одном и том же вузе, на одной и той же кафедре могут работать педагоги, у которых очевидна разница в уровне преподавания дисциплин. Один преподаватель постоянно совершенствует содержание и методику своих занятий, активно использует интерактивные формы работы со студентами. Такой преподаватель, что называется, всю душу вкладывает в дело, которому служит, безропотно несёт дополнительную кафедральную нагрузку. Другой больше занимается собой. Такого преподавателя не интересуют новые возможности повышения эффективности творческого обучения. Им не используются новейшие компьютерные технологии, деловые игры, креативные кейсы, иные инновационные виды занятий [4]. Как правило, такой преподаватель не стремится обновлять содержание и методику преподаваемой дисциплины, работает по давно принятому учебному лекалу. При этом оба этих педагога получают одинаковое вознаграждение, и, к сожалению, их экономический статус примерно равен.

Этический статус преподавателя зависит от соответствия содержания его поступков нравственным нормам, принятым в том коллективе, где он работает, а также от того, какое значение для него имеют общечеловеческие ценности. В связи с этим важно гармонично вплести моральные нормы в свою профессиональную деятельность. Особенно это важно для педагогов, которые готовят специалистов для сферы культуры. При оценке педагогического мастерства такого преподавателя критерий нравственности является критерием оценки его отношения к культуре в целом [6, с. 48]. Вместе с тем он и самый субъективный критерий, так как отражает мировоззренческую позицию конкретных людей. Мировоззрение же, как известно, является сугубо субъективным личностным образованием, сходным с понятием «вера».

Опыт подсказывает, что усиление противоречия между изначально нравственной деятельностью преподавателя и его моральным обликом ведёт к личностным изменениям в самом человеке [7, с. 235]. Такой педагог зачастую начинает совершать поступки, которые, по его мнению, способствуют повышению статуса: немотивированно усиливать требовательность к обучаемым, дифференцировать личностное общение, обособляться от коллектива. Как следствие, ему перестают доверять как коллеги, так и его ученики. Это недоверие, в свою очередь, остро переживается человеком и оборачивается уже его недоверием ко всей системе педагогической работы. Преподаватель не видит смысла в повышении своего мастерства. Круг замыкается.

Социально-психологический статус педагога в первую очередь определяется той позицией, которую он занимает по отношению к своей профессии [11,

с. 153–154]. Понимание и демонстрация социальной важности педагогического труда повышают его социальный престиж лишь в том случае, когда сам преподаватель показывает высокое профессиональное мастерство. Кроме того, на статус педагога влияет выраженность таких психологических качеств, как сильная воля, коммуникативность и тактичность [8].

Например, преподаватель, обладающий сильными волевыми качествами (упорством, выносливостью, решительностью), способен установить такой стиль работы, который, в конце концов, будет принят как студентами, так и его коллегами и существенно повысит его статус в их глазах. При этом следует подчеркнуть, что отсутствие самокритичного отношения к себе и своим действиям может привести к возникновению или развитию таких негативных качеств личности, как себялюбие, эгоизм, вседозволенность, хамское отношение к людям [1, с. 147].

Поэтому критичное отношение к себе, результатам своей деятельности позволяет преподавателю стремиться к развитию профессионального мастерства и обогащению своего жизненного опыта. Комфортность от осознания значимости педагогического труда при этом получает новые, приятные для человека тона.

Таким образом, параметрами оценки статуса преподавателя являются профессиональное мастерство, соответствие общекультурным и нравственным нормам, наличие сильной воли, коммуникабельности и психологического такта. Внедрение новых творческих элементов в свой педагогический труд, наращивание научного потенциала, организованность – всё это способствует повышению как статуса преподавателя, так и эффективности образования в сфере культуры в целом. Педагогическая и научная инертность, восхваление своих прошлых заслуг, использование приёмов демагогии, показной этической чистоты и т.д. являются признаками того, что статусные позиции преподавателя неустойчивы и низки. Эффективность образования в сфере культуры от этого только падает.

Литература

1. *Анцупов А. Я., Баклановский С. В.* Конфликтология в схемах и комментариях : учебное пособие. – 2-е изд., перераб. – Москва [и др.] : Питер, 2009. – 304 с., ил., табл.
2. *Асмолов А. Г.* Психология личности: Принципы общепсихологического анализа : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Психология». – Москва : Смысл: Академия, 2002. – 414 с. ил., табл.
3. *Бабанский Ю. К.* Оптимизация процесса обучения: Общедидактический аспект. – Москва : Педагогика, 1977. – 254 с.
4. *Беспалько В. П.* Педагогика и прогрессивные технологии обучения / Институт развития профессионального образования. – Москва : Изд-во Института профессионального образования Министерства образования России, 1995. – 336 с.: ил., табл.
5. Большой психологический словарь / под ред. Б. Мещерякова, В. Зинченко. – Санкт-Петербург : Прайм-ЕВРОЗНАК ; Москва : ОЛМА-Пресс, 2003. – 666 с. ил.
6. *Вайсеро К. И.* Общекультурные компетенции как элемент профессиональной культуры современного педагога // Современный образовательный процесс:

- опыт, проблемы и перспективы : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Уфа, 30 марта 2012 г.). – Уфа : ИРО Республики Башкортостан, 2012.
7. *Гальперин П. Я.* Методы обучения и умственное развитие ребёнка. – Москва : Изд-во МГУ, 1985. – 45 с.
 8. *Добрынин Н. Ф.* Психология воли : дис. на соискание учёной степени доктора психологических наук. – Москва, 1937.
 9. *Игнатьева Е. Ю.* Педагогическое управление учебной деятельностью студентов в современном вузе : монография. – Санкт-Петербург : Лема, 2012. – 299 с. ил., табл.
 10. *Мардахеев Л. В.* Социальная педагогика. Полный курс : учебник для бакалавров: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся на гуманитарных факультетах. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2013. – 817 с. табл.
 11. *Немов Р. С.* Социально-психологический анализ эффективной деятельности коллектива. – Москва : Педагогика, 1984. – 201 с. ил.
 12. *Петрова И. Н.* Полезависимые и полнезависимые обучаемые: приёмы и формы педагогического подхода // Вестник МГУУ: Научно-практический журнал МГУУ Правительства Москвы. – 2014. – № 2. – С. 30–33.
 13. *Ярошенко Н. Н.* Развивающая среда и социально-культурная деятельность: контекст сущностного единения педагогики и культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 6 (50). – С. 130–134.

ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОБУЧЕНИЯ МАТЕМАТИКЕ СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ

Елена Юрьевна ЛУНЬКОВА,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Московского государственного института культуры (Рязанский филиал), г. Рязань
e-mail: leu.rfmgik@inbox.ru

Статья посвящена исследованию психологических особенностей обучения математике студентов гуманитарных и экономических направлений подготовки. Проводится факторный анализ условий успешного обучения математике, которые раскрываются через аспекты развития математических способностей, взаимосвязи мотивации и интеллектуальных способностей студентов.

Ключевые слова: учебный процесс, компетенции, обучение, психические познавательные процессы, математические способности, мотивация, факторный анализ.

FACTOR ANALYSIS OF THE PSYCHOLOGICAL FEATURES OF TEACHING MATHEMATICS STUDENTS OF HUMANITIES AND ECONOMIC DIRECTIONS OF TRAINING

E. Yu. Lunkova, Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor of Department of social-humanitarian disciplines, Moscow State Institute of Culture (Ryazan branch)
e-mail: leu.rfmgik@inbox.ru

The article is devoted to psychological features of teaching and learning of mathematics for students of humanitarian and economic areas of training. Conducted factor analysis of the conditions for successful learning math that are revealed through aspects of the development of mathematical abilities, the relationship of motivation and intellectual abilities of students.

Key words: educational process, competences, training, mental informative processes, mathematical abilities, motivation, factor analysis.

Дисциплина «Математика» является обязательным предметом для изучения на гуманитарных и экономических направлениях подготовки студентов в условиях компетентностного подхода. Особенности содержания данного предмета являются большие объёмы, высокая трудоёмкость, сложность усвоения. Однако далеко не все студенты, поступающие на гуманитарные и экономические специальности вуза, осознают значимость предметов естественнонаучного цикла, в частности математики, и не имеют достаточной мотивации. Под мотивацией будем понимать «совокупность внутренних и внешних движущих сил, которые побуждают человека к деятельности, задают границы и формы деятельности и придают этой дея-

тельности направленность, ориентированную на достижение определённых целей» [3, с. 234].

Кроме того, как показывает практика, многие студенты, поступающие на гуманитарные и экономические направления, в ходе практической деятельности не показывают высокого уровня математических способностей, под которыми будем понимать «индивидуально выраженные возможности для успешного осуществления деятельности в предметной области математика» [1, с. 21].

Ввиду вышесказанного преподаватели математики, работающие со студентами, заинтересованы в качественном преподавании математики и остро нуждаются в психолого-педагогическом инструментарии, позволяющем повысить эффективность обучения.

Учебные программы подготовки студентов гуманитарных и экономических направлений содержат ключевые предметы, которые составляют фундамент знаний, необходимых для всестороннего гармонического развития личности.

При этом преподаватели, чтобы, кроме базовых знаний и умений, сформировать у студентов качества, необходимые им для развития личности, вынуждены быть педагогами, воспитателями и психологами, способными преодолеть все трудности обучения.

Исследование, результаты которого изложены в данной статье, проводилось на базе Рязанского филиала Московского государственного института культуры, где большая часть студентов обучается по заочной форме. Данная форма обучения, в отличие от очной, имеет свои особенности, которые выражаются в большей доле самостоятельной работы в межсессионный период по сравнению с количеством аудиторных занятий. Ограниченность в непосредственном информационном взаимодействии преподавателя и студента приводит к необходимости поиска дополнительных средств общения и инструментов взаимосвязи.

В настоящее время существует достаточное количество исследований, посвящённых применению методик обучения математике и использованию информационных и коммуникационных технологий в учебном процессе, что, конечно, способствует повышению эффективности образовательного процесса, однако вопросы психологических особенностей преподавания математики проработаны недостаточно. Это определило необходимость проведения исследования развития личности в рамках компетентностного подхода в процессе изучения математики.

Компетентностный подход подразумевает реализацию следующих направлений обучения: развитие когнитивной, мотивационной, поведенческой сфер; владение умениями использовать полученные знания на практике при решении различных задач; формирование компетенций происходит в процессе обучения и реализации практических ситуаций вне учёбы [5].

Также данный подход подразумевает формирование общекультурных компетенций, включающих владение методами и средствами получения, обработки и передачи информации, получения научного знания, организации научного исследования.

Профессиональная подготовка студентов по направлению «Психолого-педагогическое образование» (квалификация (степень) бакалавр) разделена на гуманитарный, естественнонаучный и профессиональный блоки, каждый из них отвечает за свою сферу информационного взаимодействия, в ходе которого студенты

овладевают различными направлениями информационной культуры. В результате освоения предметов естественнонаучного цикла студенты должны владеть методами обработки информации, статистического анализа для проведения исследований психического состояния детей и подростков.

Дисциплина «Математика» входит в базовую часть естественнонаучного цикла подготовки. Целью данной дисциплины является освоение методов сбора, обработки и представления математической информации. Результат обучения зависит от качества работы преподавателя и студентов, изучающих данную дисциплину [5].

По направлению обучения «Менеджмент» содержание программы по математике определяется следующим набором требований. Студенты-бакалавры должны знать: основы матанализа, алгебры и геометрии, теории вероятности, математической социально-экономической статистики; уметь: решать математические задачи; использовать математический язык и символику в профессиональной деятельности [6].

Сравнивая гуманитарное и экономическое направления подготовки на примере направлений «Психолого-педагогическое образование» и «Менеджмент», приходим к выводу, что математика более полно представлена в экономическом направлении, однако содержание данного предмета остаётся высокотрудоёмким по обоим направлениям.

Предложенные компетенции определяют структуру курса, хотя в процессе обучения решаются не только эти задачи, так как обучение математике следует рассматривать как процесс «формирования и развития мыслительной деятельности определённой структуры, именуемой математической деятельностью» [4, с. 104]. В этом представлении деятельностный подход согласуется с компетентностным.

Проведённый психолого-педагогический анализ исследований особенностей учебного процесса в вузе и способностей студентов показал, что изучение математики строится на основе активной мыслительной деятельности. В процессе обучения развивается теоретическое мышление, культура мыслительной деятельности, которая закладывает основу мыслительным процессам познания других дисциплин.

Составной частью профессиональной деятельности преподавателя в процессе обучения математике является воспитание учащихся, формирование их мотивационной сферы. Результат обучения зависит от наличия интеллектуальных способностей и их развития в ходе изучения математики.

Психологические и педагогические исследования показывают, что качество усвоения информации зависит от уровня мотивации и, следовательно, от активности познавательной деятельности. Одним из путей решения этой задачи является использование методов развивающего обучения, одним из которых является проблемное обучение. Для его реализации необходимо выделить из разделов математики проблемные ситуации, сформулировать проблемные вопросы. Проблемная ситуация выявляется на лекции при изложении теоретического материала, а на практических занятиях – при решении задач.

Существует множество факторов, влияющих на результат обучения. Среди них наличие математических способностей, которые проявляются в деятельности

в процессе решения математических задач. Математические способности относятся к группе познавательных, интеллектуальных способностей.

К сожалению, не каждому студенту удаётся проявлять и развивать математические способности, поэтому не менее важным фактором обучения является наличие мотивации, которая, в свою очередь, делится на несколько видов: коммуникационные, профессиональные, учебно-познавательные, социальные мотивы, а также мотивы избегания престижа и творческой самореализации. Составной частью профессиональной деятельности преподавателя в процессе обучения математике является воспитание учащихся, формирование их мотивационной сферы.

Высоких результатов обучения можно добиться через грамотно построенный учебный процесс преподавателем, развитие личности и познавательных способностей студентов.

В ходе исследования взаимосвязи между математическими и интеллектуальными способностями и мотивацией по полученным результатам были построены корреляционные матрицы взаимосвязи мотивов и математических способностей, основанные на коэффициенте корреляции Пирсона, которые показали наличие значимых (значимость менее 0,01) корреляций между следующими мотивами: коммуникационным, престижа, профессиональным, творчества, учебно-познавательным и социальным.

С помощью корреляционного анализа также установлены корреляционные связи между различными показателями теста структуры интеллекта. Выявлены корреляции (со значимостью менее 0,05): между способностями решать теоретические и практические математические задачи, пространственным обобщением, вниманием и памятью; а также между вербальным конкретным мышлением, вербальными аналогиями и обобщением; пространственным воображением, умениями решать практические и теоретические задачи; речевым мышлением и вербальными аналогиями; вниманием, памятью и всеми математическими способностями.

Наличие большого количества корреляционных связей дало основание использовать факторный анализ, целью которого было сгруппировать множество показателей в более крупные факторы.

По результатам факторного анализа из 16 показателей были сгруппированы 5 факторов. Согласно наибольшему факторному весу первый фактор был назван «познавательно-мотивационным», в него вошли 4 из 7 мотивов: учебно-познавательный, профессиональный, коммуникационный, мотив творчества. Это – чистый фактор без пересечений с другими методиками и повторений, он характеризует взаимосвязь познавательных мотивов. Интерпретируя результаты, можно утверждать, что студенты, обладающие стремлением хорошо учиться, характеризуются наличием профессиональных амбиций и желанием творческой самореализации.

Следующий фактор сформировался из математических способностей, в него с наибольшим факторным весом вошли способности решать теоретические математические задачи. К этому фактору относятся: способности решать практические математические задачи, способности к пространственному обобщению и воображению, память, внимание. Если студент обладает хорошей памятью и вниманием, то он легко запоминает формулы, делает меньше ошибок, что, в свою очередь, влияет на умения решать задачи, ведёт к хорошему усвоению математики.

Третий фактор собрал в себя неожиданные, но объяснимые показатели: мотив избегания, престижа, социальный мотив, пространственное воображение. По наибольшему факторному весу для данного фактора определено название «мотивов престижа». Если студент уклоняется от неприятностей, то для него важно создать хорошее впечатление в обществе, и наоборот.

Четвёртый фактор, названный аналогично по самому весоному фактору «вербальное мышление», собрал факторы: вербальное обобщение, вербальные аналогии, вербально-конкретное мышление. При высоких результатах по этому комплексу преобладает вербальный интеллект, имеется общая ориентация на общественные науки. Практическое мышление является вербальным. Результаты исследования подтвердили связь между компонентами вербального мышления у студентов.

Пятый, последний, фактор, названный «речевое мышление», интересен тем, что в него вошли вербальные аналогии и социальные мотивы с отрицательным коэффициентом. Студенты с высоким уровнем речевого мышления легче проводят вербальные аналогии и одновременно меньше склонны к социальным выступлениям [2, с. 330–335].

Системный факторный анализ позволил уточнить психологические особенности обучения математике, разделить их на общие и специфические. Общие особенности заключаются в объединении математических и вербальных способностей, а также в разделении мотивов на учебно-познавательные и утилитарные. Также были определены специфические психологические особенности, которые выражены в различии итогового количества укрупнённых факторов: у «менеджеров» их 6, у «психологов» – 4. У «менеджеров» математические способности разделены на вычислительные и конструктивные (алгебра и геометрия), вербальные также разделены на речевые и конкретно-практические; у «психологов» факторы разделены по мотивам и способностям.

Выделенные специфические и общие психологические особенности обучения математике студентов менеджеров и психологов были учтены в дальнейшем при преподавании математики.

Литература

1. *Голубева Э. А.* Способности. Личность. Индивидуальность. – Дубна : Феникс+, 2005. – 511 с. ил., портр., табл
2. *Ермолаев О. Ю.* Математическая статистика для психологов : учебник / Российская академия образования, Московский психолого-социальный институт. – 2-е изд., испр. – Москва : Московский психолого-социальный институт : Флинта, 2003. – 335 с. ил., табл.
3. *Зимняя И. А.* Педагогическая психология : учебник для студентов вузов, обучающихся по педагогическим и психологическим направлениям и специальностям. – Изд. 2-е, доп., испр. и перераб. – Москва : Логос, 2005. – 382, [1] с. ил., табл.
4. *Столяр А. А.* Педагогика математики : [учебное пособие для физико-математических факультетов педагогических институтов]. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск : Вышэйш. шк., 1986. – 413, [1] с. ил.

5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 050400 «Психолого-педагогическое образование» (квалификация (степень) «бакалавр») [Электронный ресурс] / Министерство образования и науки Российской Федерации : [веб-сайт]. – Электрон. дан. – 2010. – 22 марта. – Режим доступа: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_10/prm200-1.pdf
6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 080200 «Менеджмент» (квалификация (степень) «бакалавр») [Электронный ресурс] / Министерство образования и науки Российской Федерации : [веб-сайт]. – Электрон. дан. – 2010. – 20 мая. – Режим доступа: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_10/prm544-1.pdf

СПЕЦИАЛЬНОЕ СОБЫТИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ К ОРГАНИЗАЦИЯМ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРАХ ОРГАНИЗАЦИЙ КУЛЬТУРЫ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Татьяна Юрьевна МИТРОФАНОВА,
кандидат экономических наук, доцент кафедры
управления и экономики Московского государственного
института культуры (Рязанский филиал), г. Рязань
e-mail: tanyamitr@yandex.ru

В статье констатируется, что в настоящее время коммерческие торговые организации активно используют для привлечения потребителей один из инструментов маркетинговых коммуникаций – специальное событие. В основу этого инструмента заложены популярные у специалистов социально-культурной деятельности социокультурные механизмы, которые в организациях культуры, как правило, рассматриваются только в рамках досуговой, просветительской, воспитательной функций, но не как эффективный маркетинговый инструмент. Автор делает вывод об упущенных возможностях организаций культуры в области использования ивент-маркетинга. В статье рассмотрены примеры специальных событий, которые были проведены организациями культуры Рязанской области в 2012–2014 годах. Одной из целей проведения этих специальных событий, по мнению автора, было формирование потребительской лояльности.

Ключевые слова: социально-культурная деятельность, организации социально-культурной сферы, маркетинг, специальное событие, ивент-маркетинг, потребительская лояльность, маркетинговая деятельность учреждений культуры Рязанской области.

SPECIAL EVENT AS A TOOL TO ENHANCE CONSUMER LOYALTY TO THE CULTURAL INSTITUTIONS (ON THE EXAMPLES OF THE CULTURAL INSTITUTIONS OF THE RYAZAN REGION)

T. Yu. Mitrofanova, Ph.D. (Economics), Associate Professor of Department of management and economy, Moscow State Institute of Culture (Ryazan branch)
e-mail: tanyamitr@yandex.ru

In article it is noted that now commercial trade organizations actively use for involvement of consumers one of instruments of marketing communications – a special event. In a basis of this tool sociocultural mechanisms, popular with experts of welfare activity, which in the organizations of culture, as a rule, are considered only within leisure, educational, educational functions, but not as the effective marketing tool are put. The author draws a conclusion about the missed opportunities of the organizations of culture in the field of event-marketing use. In article examples of special events which have been carried out by the organizations of culture of the Ryazan region in 2012–

2014 are reviewed. Formation of consumer loyalty was one of the purposes of holding these special events, according to the author.

Key words: social and cultural activities, organization of social and cultural sphere, special event, event marketing, customer loyalty, marketing activities of cultural institutions of the Ryazan region.

Современная организация социально-культурной сферы функционирует и развивается в новой высококонкурентной реальности. При этом конкурентная среда определяется не только совокупностью различных традиционных культурно-образовательных организаций, таких как дома творчества, театры, музеи, галереи, библиотеки и другие, но и всей отраслью развлечений и досуга, куда входят в том числе торгово-развлекательные и спортивно-зрелищные комплексы, оздоровительные и эстетические центры, туристические фирмы, рестораны и ночные клубы. Порождённые рынком и вскормленные обществом потребления именно эти организации занимают свободное время и средства современного россиянина. Раньше люди встречались, знакомились и даже влюблялись на лекциях, выставках, литературных и творческих вечерах и других культурно-познавательных мероприятиях. Это был не только культурный досуг, это было духовно-эмоциональное развитие человека. Сегодня свои выходные и праздничные дни люди проводят на распродажах в торговых центрах, в спортбарах, в ресторанах быстрого питания, в салонах красоты, в фитнес-центрах и других модных местах, где можно потратить деньги, приобретая материальные блага и приобщаясь к новой парадигме постоянного потребления. Это новый досуг, который почти не затрагивает душу, а в лучшем случае развивает тело и гастрономические вкусы, улучшает быт и гардероб современного россиянина.

Умение заинтересовать, привлечь и удержать зрителя или потребителя культурных услуг является обязательным профессиональным навыком, которым владеет персонал организаций культуры – культурно-творческие работники и коллективы. Осуществляя творческий производственный процесс, который включает в себя выявление, сохранение, распространение, создание и освоение культурных ценностей и предоставление населению культурных благ и услуг, профессионалы в области культуры, сами не всегда осознавая, используют такие методы работы с потребителем, которые у них переняли и развили маркетологи от торгового бизнеса. Именно по пути одновременного развлечения покупателя и стимулирования потребления пошли многие торговые центры. Стратегия предоставления покупателям возможности отдыха всей семьёй в красивом, модном и доступном месте и стимулирование их к активному совершению запланированных и спонтанных покупок – основа современной парадигмы торгового маркетинга.

Таким образом, для новоиспечённых российских «капиталистов» культурно-воспитательные акции (события) стали способом проникновения на рынок, средством продвижения производимой ими продукции и роста прибыли [6, с. 179].

Вот поэтому во многих торгово-развлекательных центрах работают специалисты социально-культурного досуга, которые проводят праздники, тематические встречи, выставки, детские утренники и многое другое, что ранее осуществляли различные типы культурно-просветительских и театрально-зрелищных

учреждений (клубы, культурно-досуговые центры и комплексы, дома культуры, музеи, театры, библиотеки, филармонии, цирки и т.п.).

Например, просмотр кинофильмов на больших экранах в кинозалах снова стал одним из любимых развлечений россиян. Однако кинотеатр, как отдельный вид организации культуры, практически исчез из российской кинопрокатной практики. Современные кинозалы открываются в крупных торговых центрах, предлагая потребителям совмещать просмотр киноновинок с посещением торгового центра.

Таким образом, посетитель торгово-развлекательного центра получает положительные эмоции и впечатления, организует отдых детей, иногда даже просвещается в области литературы, живописи, музыки, приобщается к физкультуре и ... делает, делает покупки товаров в магазинах, расположенных на данной торгово-развлекательной площадке. Можно сказать, что формируется устойчивая потребительская лояльность к данному торговому месту, переходящая в семейную традицию проведения свободного времени.

Получается, что потребитель, искренне стремясь «культурно» отдохнуть, идёт за досугом и просвещением не в дом культуры или аналогичную организацию социально-культурной сферы, а в торговый центр. Возникает институциональная проблема: организации сферы культуры теряют своего потребителя не из-за его нежелания потреблять социально-культурные услуги, а потому, что торговый бизнес научился массово и красиво удовлетворять культурные запросы потребителей.

Сокращение объёма бюджетного финансирования всей сферы культуры, снижение покупательской способности населения и многие другие факторы осложняют материально-экономическую ситуацию, в которой функционируют организации культуры, что создаёт значительные ограничения для развития социокультурной деятельности в России. По нашему мнению, исходя из сложившейся ситуации, организациям культуры необходимо отстаивать своё превосходство на рынке творческо-культурных и развлекательных услуг, применяя маркетинговые инструменты, основанные на социально-культурных технологиях.

Именно одним из таких творческо-массовых методов, направленных на повышение осведомлённости и заинтересованности потребителей в социально-культурных услугах, является проведение специально организованных PR-акций, или специальных событий.

Специальное событие (*special event*) – инструмент маркетинга и пиара по продвижению организации и/или её продукта (в том числе социально-культурной услуги) через проведение интересных и/или новаторских мероприятий, в ходе которых осуществляется контакт со специально приглашённой аудиторией и демонстрируются конкурентные преимущества организации и/или её продукта [4]. Специальное событие может иметь более широкое толкование, а именно: это явление общественной жизни, организуемое с целью привлечь внимание конкретной аудитории и широкой публики к организации, её деятельности, руководству, развитию социальных коммуникаций и социального партнёрства [11, с. 12].

Тематическая направленность событийных акций может быть связана с реальными историческими или культурными событиями, например – с традиционным праздником города, местности, исторической датой, известным именем и т.п., или повод для проведения события может быть придуман и инициирован специали-

стами в области пиара. Например, ежегодно осенью в Рязанской области, на родине С. А. Есенина, в селе Константиново проводится Всероссийский поэтический праздник «В стране берёзового ситца», приуроченный ко дню рождения поэта. Данное мероприятие собирает не только поклонников и знатоков есенинской поэзии, но и многочисленных туристов. Есенинские родные живописные места, стихи и песни на слова великого поэта – всё это формирует незабываемую атмосферу и настроение праздника, а главное – желание у людей снова приехать в Государственный музей-заповедник С. А. Есенина.

Как правило, плановые календарные специальные события, такие как день города, юбилей известного земляка, традиционные народные и государственные праздники, фестивали, конкурсы и т.п., реализуют, то есть являются заказчиками, местные или областные органы власти (городские комитеты по культуре, районные отделы по культуре, муниципальные органы), финансируя на конкурсной основе через социально-творческие (социально-культурные) заказы местные организации культуры или творческие коллективы, которые непосредственно проводят эти культурно-исторические массовые мероприятия, то есть являются их исполнителями.

Следовательно, благодаря творческому персоналу организаций культуры, который умеет и готов на достаточно высоком уровне проводить специальные события, организации культуры могут успешно применять в своей деятельности такую эффективную маркетинговую коммуникацию, как специальное событие, то есть для организаций сферы культуры и искусства событийный маркетинг является важнейшим элементом профессиональной деятельности. В рамках проведения отчётных концертов, встреч со зрителями, дней открытых дверей, пресс-конференций, «капустников» потребители получают не только информацию о творческо-исполнительской деятельности организации, но и формируют своё эмоциональное отношение, свой положительный настрой и лояльность по отношению к организации культуры. Можно считать, что данные мероприятия реализуют и функцию просвещения, и функцию привлечения потребителей, что в совокупности создаёт синергетический эффект, направленный на формирование устойчивой потребительской лояльности к организации культуры и её услугам.

Понятие «лояльность» не является однозначным и не имеет чёткого определения, различные исследователи по-разному описывают и оценивают данный феномен. Слово «лояльность» происходит от английского слова *loyal*, которое в переводе означает 'верный, преданный'. Лояльность, согласно толковому словарю С. И. Ожегова, – это благожелательное отношение к кому или чему-либо [7, с. 333].

В маркетинговой науке термин «лояльность» относится к потребителю и означает создание долгосрочных отношений между компанией и потребителем, когда последний хорошо относится к товару, бренду или организации и становится постоянным и верным покупателем её товаров и/или услуг, что способствует получению дополнительного дохода для фирмы. Сегодня проблема формирования, сохранения и укрепления лояльности потребителей находится в центре внимания маркетологов, так как является одной из важнейших задач современной концепции маркетинга – «маркетинга взаимоотношений».

Продолжительную лояльность можно сформировать путём построения отношений, основанных на положительных эмоциях, имидже, доверии. Специальное

событие можно считать маркетинговым поводом для привлечения потребителей и эмоциональным посылом для формирования потребительской лояльности.

Поэтому организациям культуры, в рамках развития своей маркетинговой деятельности, необходимо расширить пул специальных мероприятий. При этом акцентировать своё внимание нужно не только на мероприятиях, информационным поводом для проведения которых является календарная дата (обязательные или деловые мероприятия), но и на так называемых развлекательных событиях или пиар-акциях. К развлекательным специальным мероприятиям относят различные тематические фестивали и праздники, творческие вечеринки, имиджевые поводы, праздники корпоративных героев и другие, повод для проведения которых придуман или расширен специалистами в области пиара и маркетинга.

Например, в творческом арсенале современных организаций культуры нашли своё место различные флешмобы. Молодёжь с удовольствием принимает участие в мероприятиях подобного рода. Так, в 2013 году, в рамках проведения Года музеев в Рязанской области, были организованы флешмобы, направленные на популяризацию деятельности музеев среди молодёжи. 7 июля 2013 года на площади Победы г. Рязани состоялся флешмоб под названием «Есенин. Родина. Любовь». Студенты кафедры режиссуры Рязанского филиала Московского института культуры, актёры Рязанского государственного областного театра для детей и молодёжи, режиссёры районных домов культуры Кораблинского и Клепиковского районов Рязанской области, рок-музыканты представили литературный перфоманс, основанный на произведениях Сергея Есенина. По завершении мероприятия участники дарили прохожим бумажные сердечки со стихами любимого поэта [8].

Далее рассмотрим примеры специальных событий, которые были проведены учреждениями культуры Рязанской области в 2012–2014 годах с целью организации творческо-познавательного досуга населения и популяризации социально-культурной деятельности.

Уже традиционным для рязанцев и гостей города стал конноспортивный праздник на кубок «Евпатия Коловрата», который проводится летом на территории Всероссийского научно-исследовательского института коневодства (ВНИИК), в посёлке Дивово Рыбновского района Рязанской области. Данное мероприятие имеет не только спортивно-соревновательное значение для профессионалов и любителей конного спорта, но всё больше приобретает черты массового празднично-спортивного действия. В 2014 году праздник любителей конного спорта прошёл по специально подготовленной культурной программе, которая включала проведение Летнего бала на открытом воздухе от школы танцев «Губернский бал». В перерывах конноспортивной программы дамы и кавалеры в костюмах, пошитых в стиле XIX века, представили зрителям бальные и народные танцы того времени. Посетители праздника были включены в историческое танцевальное действие: после предварительного мастер-класса весь ипподром исполнял классические танцы и легендарный конский бранль. Культурно-развлекательная программа праздника включала и другие творческо-зрелищные и спортивные мероприятия, например: выставку мастеров декоративно-прикладного искусства, шуточное фотоателье, где можно было примерить исторические костюмы и шляпки, игровые развлечения (стрельба из лука, борьба на безопасном оружии, бильярд, крокет, городки, теннис, лапта), участие в подготовленной Рыбновским краеведческим

музеем интерактивной программе, когда все желающие могли попробовать себя в роли крестьянина, изучив его быт и особенности нелёгкой жизни. Было разыграно театрализованное представление о подвиге рязанского легендарного героя – Евпатия Коловрата.

В день проведения конноспортивного мероприятия работали все музеи Рыбновского района Рязанской области, что явилось большим плюсом с точки зрения доступности услуг музеев и информирования потребителей о тематическом многообразии экскурсий, выставок и ценности экспонатов и музейных коллекций. Многие из гостей праздника смогли посетить различные объекты культурно-исторического наследия, такие как Дом-музей имени братьев Пироговых в с. Новоселки, Рыбновский районный краеведческий музей, Историко-технический музейный комплекс «Музей обороны и тыла» в с. Баграмово, Иоанно-Богословский монастырь в с. Пощупово, музей-заповедник Сергея Есенина в с. Константиново, Всероссийский научно-исследовательский институт пчеловодства в г. Рыбное и другие.

Получается, что спортивное мероприятие, решая свои основные задачи (соревновательную, развивающую, информационную), включив в сценарий проведения комплекс культурно-познавательных мероприятий, успешно реализовало задачу организации досуга для самых разных групп населения. Таким образом, зрители и участники этого конноспортивного праздника получили эмоциональный положительный заряд не только от спорта, но и от взаимодействия с организациями социально-культурной сферы.

В Рязанской области успешно организуются и другие культурно-исторические и спортивно-досуговые массовые мероприятия, которые могут быть названы календарными специальными событиями. Поводом для их проведения является историческая дата или событие, национальный герой, традиция, например: ежегодный Межрегиональный исторический фестиваль «Битва на Воже» в с. Глебово-Городище Рыбновского района, Международный фестиваль гончаров в г. Скопине, Международный культурно-зрелищный спортивный фестиваль воздухоплавания «Небо России», Международный кузнечный фестиваль «Секреты средневековых кузнецов» в с. Истье Старожиловского района и другие.

Помимо громких и ставших мегаизвестными специальных событий, в Рязанской области стали успешно реализовываться культурно-творческие мероприятия, информационный повод для проведения которых инициирован либо организаторами праздника (как правило, организацией культуры), либо местными властями.

Рассмотрим такие специальные события, в ходе организации которых достигаются не только социально значимые цели, но и реализуется маркетинговый подход в деятельности организаций культуры.

Так сложилось, что пословица: «А у нас в Рязани – грибы с глазами. Их едят, они глядят», – стала рязанским народным фольклорным брендом. Поразительно, но происхождение этой крылатой фразы не имеет научного объяснения. Однако поговорка передаётся из уст в уста уже много лет и широко известна даже за пределами Рязанской области. Но есть одно точное основание для существования этого рязанского «грибного чуда» – леса Рязанщины богаты грибами, поэтому «тихая охота» является одной из самых популярных форм отдыха рязанцев и гостей области.

В рамках организации массового активного досуга населения и развития въездного туризма в Рязанской области в сентябре 2013 года был проведён первый в истории Рязанского края фестиваль грибов «В Рязани – грибы с глазами». Организатором праздника стала администрация Рязанского района Рязанской области, а творческими исполнителями праздничной программы – студенты кафедр режиссуры, музыкального искусства и хореографии Рязанского филиала Московского государственного института культуры.

Фестиваль грибов «В Рязани – грибы с глазами» проходил в формате экопраздника для всей семьи в самом грибном месте Рязанского района – селе Ласково. Эти места с давних пор считаются самыми лучшими для сбора лесных даров. Особую атмосферу на базе, где проходил фестиваль, создавал пропитанный грибным ароматом лесной воздух. Это увлекательное культурно-туристическое событие включало: чемпионат по сбору грибов, театрализованное шоу-представление, игры, мастер-классы по изготовлению оберегов, конкурс на лучший логотип фестиваля грибов, концертную программу, угощение грибными деликатесами и награждение победителей – лучших сборщиков лесных даров. Праздник посетили жители Рязани, Рязанской области, Москвы и Подмосковья. Фестиваль грибов имел огромный успех и положительный отклик у общественности и потребителей культурно-массовых услуг, о чём свидетельствовали статьи и репортажи в прессе, на радио и на телевидении, многочисленные обсуждения на специальных форумах и в социальных сетях [3].

Например, на сайте-форуме «Грибной мир» участник фестиваля из Москвы выложил полный восторженных эмоций отчёт о посещении грибного фестиваля. Автор пишет, что посещение мероприятия породило в нём желание более подробно познакомиться с природными и культурными богатствами Рязанщины – «грибного Эльдорадо». А одна из любительниц природы пишет на этом же форуме: «Вот это да!!! А меня подружка всю осень звала к себе, в Рязань, да так и не получилось выбраться... Теперь кусаю локти, глотаю слюнки, глядя на такую красоту в ваших корзинках» [2].

В 2014 году полюбившийся многим грибной праздник собрал более 400 любителей «тихой охоты». Участие в нём приняли жители Липецка, Тулы, Твери, Краснодарского края, Московской и Рязанской областей. Как яркое специальное развлекательное мероприятие фестиваль «В Рязани – грибы с глазами» на II Всероссийской открытой Ярмарке событийного и молодёжного туризма – “Russian open Event Expo” был награждён дипломом лауреата второй степени в номинации «Экологический туризм».

Сохранение традиций любви и бережного отношения к родине, повышение культуры семейного отдыха на природе, пополнение знаний об экосистеме и народных традициях Рязанщины, развитие культурно-туристического потенциала Рязанского края – вот основные цели проведения фестиваля, которые в совокупности формируют лояльную потребительскую среду к социально-культурным формам и методам проведения досуга.

Другое новое для Рязанской области культурно-массовое мероприятие – праздник «Медовый Спас в Константинове», который в августе 2014 года был впервые проведён в Государственном музее-заповеднике С.А. Есенина при поддержке Научно-исследовательского института пчеловодства (г. Рыбное). Медовый Спас –

это народно-христианский праздник восточных славян, посвящённый Спасителю Иисусу Христу. По народному поверью считается, что именно в этот день пчёлы перестают собирать и приносить мёд в ульи, мёд можно качать, освещать в храме и употреблять в пищу.

На празднике посетители музея смогли отведать вкуснейшего свежего мёда, попробовать ароматный чай, заваренный с добавлением душистых трав, собранных на заливных лугах с. Константиново, приобрести различные полезные продукты пчеловодства: несколько сортов мёда, пергу, пыльцу, прополис и другие, а пчеловоды смогли поделиться профессиональными секретами и приобрести инвентарь для своего любимого увлечения – пчеловодства. Праздничное мероприятие сопровождалось интереснейшей культурно-творческой программой, которая включала выставку-продажу изделий мастеров декоративно-прикладного творчества; мастер-классы по изготовлению пчелы, лепке и росписи глиняной игрушки; концерт песенно-инструментального ансамбля «Радунца».

Целью проведения данного специального события стало не только возрождение народных традиций и организация досуга рязанцев, праздник мёда позволил ещё раз создать информационный повод для привлечения посетителей в музей Есенина. Хотя, казалось бы, всемирно известный музей на родине великого русского поэта не нуждается в стимулировании посещения. Однако руководство Государственного музея-заповедника С. А. Есенина прекрасно понимает, что организация данного праздника позволила привлечь дополнительных туристов в музей не только в дни проведения есенинских праздников и открыла для новых и постоянных посетителей ещё одну интереснейшую сторону жизни музея. По легенде праздника, основанной на рассказах старожилов, в селе Константиново в начале XX века священник Иван Яковлевич Смирнов занимался пчеловодством. В великий христианский праздник Медовый Спас в доме священника было много гостей, всех угощали травяным чаем со свежим мёдом.

Таким образом, данное мероприятие выполняет функцию маркетинговой коммуникации, направленной на дальнейшее развитие устойчивой потребительской лояльности к организации культуры.

Конечно же, Государственный музей-заповедник С. А. Есенина давно приобрёл устойчивую потребительскую лояльность и всенародную любовь. Наиболее актуальная проблема формирования потребительской лояльности стоит не перед брендовой организацией культуры, а перед региональными и местными организациями, деятельность которых может быть менее заметна, но не менее важна для сохранения и развития культуры.

Например, муниципальное бюджетное учреждение культуры «Шиловский районный краеведческий музей муниципального образования – Шиловский муниципальный район Рязанской области» (далее Шиловский краеведческий музей), расположенное в самом центре Рязанской области, примерно в ста километрах от областного центра, имеет хорошую транспортную доступность и высокий потенциал для развития музейно-туристической деятельности Рязанской области.

Шиловский краеведческий музей является уникальным музеем, в котором гармонично сочетаются изучение, сохранение и просвещение в области истории родного края, православия, культуры и патриотическое воспитание молодого поколения рязанцев. Музей обладает ценнейшими фондами, которые насчитывают более

5 тысяч экспонатов, наиболее яркая их часть – это археологическое собрание музея, являющееся крупнейшим среди районных музеев Рязанской области [5]. В настоящее время Шиловский краеведческий музей занимает лидирующие позиции в нашей стране в области изучения дамасской стали. Музей владеет уникальной и известнейшей среди специалистов коллекцией раннесредневековых мечей.

Не менее ценным и искренне преданным своей профессии является коллектив районного музея, возглавляемый директором – Александром Петровичем Гавриловым. Удивительно, но штат музея состоит из пяти специалистов, трое из которых с детских лет увлекались археологией и историей родного края и свою профессиональную деятельность связали с сохранением и просвещением в данной области. Директор краеведческого музея А.П. Гаврилов является истинным подвижником, учёным, знатоком и пропагандистом истории и культуры России.

В 2014 году Министерство культуры и туризма Рязанской области провело интернет-голосование «Школьное путешествие по Рязанской области: ТОП-10 объектов культурно-познавательного туризма», по итогам которого Шиловский районный краеведческий музей был рекомендован туристским агентствам Рязанской области для организации экскурсионных туров для детей и школьников [12]. В том же, 2014, году Шиловский краеведческий музей занял третье место в региональном конкурсе «Лучшая музейная интерактивная/анимационная программа для туристов» [9]. На данный момент музей ежегодно посещают до 5 000 человек, проводится около 700 экскурсий [5].

Можно сказать, что Шиловский краеведческий музей обладает многими достоинствами, которые должны способствовать расширению целевой аудитории музея и формированию лояльности и востребованности музея у посетителей. Однако можно констатировать, что широкую известность музей имеет лишь в Шиловском районе и в узких кругах рязанцев. Жители и гости областного центра не стремятся провести свой семейный досуг, изучая уникальные музейные коллекции и слушая увлекательную экскурсию, которую часто проводит сам директор музея. Для районного музея проведение интересного, масштабного и познавательного мероприятия могло бы стать неким узнаваемым брендом-событием, способствующим формированию потребительской лояльности к музею. Александр Петрович Гаврилов так пишет о роли, которую играет музей в развитии современного общества и о возможных путях налаживания эффективных коммуникаций музея с потребителем: «Музей в современных условиях не может терять лидерских позиций в приобщении общества к истории и культуре. Поэтому необходимо в его развитии брать всё лучшее новое, сохраняя хорошее старое. Современный век – это век развитых информационных технологий и умения жить во внешнем информационном поле... Увы, мы не в состоянии конкурировать с телевидением и интернет-пространством, но мы в состоянии интегрироваться в него и попытаться занять в нём лидерские позиции. И здесь на смену коммуникабельности приходит КОММУНИКАТИВНОСТЬ, то есть умение налаживать связи» [1].

Эти слова подкреплены делами. Руководство Шиловского района Рязанской области, сотрудники краеведческого музея, творческие коллективы районных организаций культуры провели праздник-фестиваль, посвящённый истории и легендам края. В основу сценария культурно-исторического мероприятия были положены далёкие события, описанные в русском былинном эпосе.

Согласно одному из старинных сказаний, народный богатырь – Добрыня Никитич – был родом из города Шилово, сыном рязанского воеводы Никиты. Пройдя свой боевой жизненный путь, легендарный витязь сложил голову в неравном поединке со степняками именно на Шиловской земле, в месте слияния рек Пары и Оки. Предания утверждают, что русский богатырь с дружиной был здесь похоронен.

Перед Великой Отечественной войной в результате сельскохозяйственных работ раскопали один из многочисленных курганов, расположенных на территории Шиловского района, в месте под названием Дубки, близ устья реки Пары. По свидетельству старожилов, было обнаружено захоронение русского знатного воина времён монголо-татарского нашествия. К сожалению, найденные исторические реликвии были утеряны, лишь небольшая часть воинского снаряжения русского богатыря была сохранена и экспонирована в Шиловском краеведческом музее. Местные краеведы, в том числе и директор этнокультурного центра «Заряна» Андрей Николаевич Гаврилов, и директор Шиловского краеведческого музея Александр Петрович Гаврилов, связывают найденные артефакты со знаменитым былинным героем – Добрыней Никитичем Рязаничем Злат Пояс. В память о доблестных защитниках земли Рязанской в 2012 году неподалёку от существовавшего когда-то кургана, где был захоронен русский витязь, открылся скульптурный мемориал «Добрынин курган». Это стела, символизирующая могучую фигуру дружинника, стоящего на страже российских просторов, и стены храма с куполом, осиянные православным крестом [10].

В том же году впервые на Шиловской земле был дан старт проведению историко-культурного фестиваля «Слава Добрыни». Став ежегодным, богатырский фестиваль собирает не только любителей фольклора, участников исторических клубов, но и просто горожан и гостей края, так как его организаторы включили в программу проведения праздника разнообразные культурно-творческие мероприятия, среди которых дегустация исконно русских блюд, театрализованное представление о жизни былинного героя, фестиваль фольклорных коллективов, выступление клубов исторической реконструкции, ярмарка декоративно-прикладного и художественного творчества шиловских мастеров, обзорная экскурсия «Город славных потомков Добрыни» по достопримечательностям Шиловского района и многое другое. Праздник-фестиваль, посвящённый памяти знаменитых земляков, становится визитным туристическим событием региона, способствующим развитию бренда Рязанской области.

Подводя итог, можно констатировать, что рязанские организации культуры в своей практике активно используют такой вид маркетинговой коммуникации, как специальное событие. Специальное событие всегда направлено на формирование потребительской лояльности, так как обладает рядом неоспоримых преимуществ. Специальное событие – это всегда интересно, эмоционально, развлекательно, познавательно, активно, запоминающе. Специальное событие – это семейный досуг, дружеское общение, приобщение к истории, природе, культуре, духовности. Это память счастливых моментов, из которых строится человеческая жизнь. И роль организаций культуры во всём этом огромна.

Хотелось бы, чтобы рязанцы и гости области, обсуждая планы на предстоящие выходные, интересовались не только распродажами в торговых центрах

и новинками зарубежной киноиндустрии, но и культурно-досуговыми мероприятиями, которые для них подготовили коллективы организаций культуры.

Литература

1. *Гаврилов А. П.* Коммуникабельность и коммуникативность в музеях в условиях «Потребительского общества» [Электронный ресурс] // Музеи Рязанской области : [веб-сайт]. – Режим доступа: http://www.musrzn.ru/personal/municipal/shilovskiy_muzei/scientific/178 (дата обращения: 02.07.2015).
2. Грибной мир [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gribnoymir.ru/showthread.php?t=75> (дата обращения: 06.04.2014).
3. *Митрофанова Т. Ю.* Развитие и продвижение экотуризма в Рязанской области с помощью культурно-досуговых PR-акций // Культура и образование : Электронный ежемесячный научно-практический журнал : [веб-сайт]. – Электрон. дан. – 2014. – № 8, август. – Режим доступа: <http://vestnik-rzi.ru/2014/08/2336> (дата обращения: 05.10.2014).
4. *Митрофанова Т. Ю.* Создание имиджа организации социально-культурной сферы с помощью Public Relations технологий [Электронный ресурс] // Культура и образование : Электронный ежемесячный научно-практический журнал : [веб-сайт]. – Электрон. дан. – 2014. – № 3, март. – Режим доступа: <http://vestnik-rzi.ru/2014/03/1532> (дата обращения: 02.03.2014).
5. Музеи Рязанской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://musrzn.ru/personal/historical_and_local_lore/shilovskiy_muzei/about (дата обращения: 02.07.2015).
6. *Новаторов В. Е.* Ивент-маркетинг как трендовая технология социально-культурной деятельности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 2 (58). – С. 175–180.
7. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – Москва : Азбуковник, 2004. – 944 с.
8. Портал культуры и туризма Рязанской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kkt62.ru/news/museum/fleshmob-esenin-rodina-lyubov.html> (дата обращения: 01.06.2015).
9. Региональное информационное агентство «МедиаРязань» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mediaryazan.ru/news/detail/272054.html> (дата обращения: 02.07.2015).
10. *Соколов Д.* В добрый путь, Добрыня! [Электронный ресурс] // Рязанские ведомости : [веб-сайт]. – Электрон. дан. – 2012. – № 157 (4208). – Режим доступа: <http://rv-ryazan.ru/print/news/15494.html> (дата обращения: 08.07.2015).
11. *Тульчинский Г. Л., Герасимов С. В., Лохина Т. Е.* Менеджмент специальных событий в сфере культуры : учебное пособие / Санкт-Петербургский филиал государственного университета, Высшая школа экономики. – Санкт-Петербург [и др.] : Лань : Планета Музыки, 2009. – 381 с. ил.
12. Туристский Информационный Центр Рязанской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ryazantourism.ru/news/87> (дата обращения: 02.07.2015).

ПЕДАГОГИКА ДЕТСКОГО ВОКАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА

У ЛИНЬСЯН,

кандидат педагогических наук, доцент, Яньчэнский педагогический университет (г. Яньчэн, провинция Цзянсу, Китайская Народная Республика)
e-mail: 708926678@qq.com

В статье рассматриваются вопросы, связанные с активизацией, регулированием и педагогическим управлением вокально-творческой деятельностью детей дошкольного и младшего школьного возраста на базе арт-педагогического подхода. Подчёркивается, что главной целью педагогики вокального творчества является формирование вокально-слуховых представлений на основе развития наглядно-образного мышления ребёнка, что требует расширения границ, выхода за пределы пространственно-временного, невидимого, «незримого» музыкального искусства. Автор обуславливает применение наиболее эффективных художественно-педагогических методов в детских вокальных классах. Как важный момент в работе с начинающими вокалистами представлена целенаправленная подготовка к концертному выступлению. Обращается внимание, что она может осуществляться в «открытых» и «закрытых» формах.

Ключевые слова: педагогика вокального творчества, учащиеся-вокалисты дошкольного и младшего школьного возраста.

CHILDREN'S VOCAL PEDAGOGY OF CREATIVITY

U Linsyan, Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor, Yancheng Teachers University, China
e-mail: 708926678@qq.com

In the scientific article the questions connected with activization, regulation and pedagogical management of vocal and creative activity of children of preschool and younger school age on the basis of art and pedagogical approach are considered. It is emphasized that a main goal of pedagogics of vocal creativity is formation of vocal and acoustical representations on the basis of development of evident and figurative thinking of the child that demands expansion of borders, an exit out of limits of existential, invisible, "hidden" musical art. The author causes application of the most effective art and pedagogical methods in children's vocal classes: contemporaneity of perception, contrast, organizational and situational, information and sensual, problem and motivational. As an important point in work with the beginning vocalists purposeful preparation for concert performance is presented. The attention is paid that she can be carried out in the "open" and "closed" forms.

Key words: pedagogy of vocal art, the students-vocalists of preschool and younger school age.

Вокальное творчество детей было и остаётся загадкой для многих педагогов-вокалистов. В чём состоит разгадка этого популярного вида музыкально-творческой деятельности? Как сделать подобный процесс соразмерным с детской природой и одновременно – динамично развивающимся, содержательно наполненным?

Как добиться того, чтобы музыкальное восприятие, музыкальная отзывчивость и построение звука-образа, его рождение и проживание у детей стали единым, органичным, целостным процессом? Как говорить о сложном просто, а о «тяжёлом» – легко?

Современный педагог-вокалист, занимающийся с детьми дошкольного и младшего школьного возраста, должен не только знать свой предмет, но и хорошо ориентироваться в системе смежных с музыкой искусств: художественное слово, изобразительное искусство, танец, театр и другие. Арт-педагогика (педагогика искусства) выступает сегодня и как системный подход в решении задач детского вокального творчества, и как новое направление, новая специальность, востребованная временем.

Развитие наглядно-образного мышления ребёнка требует расширения границ, выхода за пределы пространственно-временного, невидимого, «незримого» музыкального искусства. «Подпевание-рисование», «подпевание-игра», «подпевание-диалог», «подпевание-танец», «песня-сказка», «песня-путешествие», «песня-загадка» – художественно-педагогические формы, способные создать обучающую, воспитывающую среду для детей дошкольного и младшего школьного возраста, занимающихся в классе вокала.

Переход из одной модальности искусства в другую создаёт эффект «цветного», «видимого», «осязаемого», эмоционально близкого музыкального образа, а главное – доступного, понятного и интересного для ребёнка. Подпевание-диалог (внутренний), попеременное с педагогом или учащимися исполнение музыкальных фраз, включение детей в вопросо-ответные структуры вокального текста – всё это может способствовать развитию не только их музыкально-коммуникативной природы, но и ассоциативного ряда. В подобных художественно-педагогических условиях ребёнок может себя ощущать в роли любимого героя, персонажа, ассоциировать себя с объектом подражания, объектом-примером, объектом-образцом, объектом-идеалом.

Формирование экстравертивной составляющей художественно-творческого потенциала «маленьких» вокалистов, безусловно, имеет большое значение. Распространённая внутренняя зажатость детей может передаваться на весь голосовой аппарат, включая дыхание, гортань, резонаторы. Воображаемая полихудожественная реальность позволяет не только приблизить к детскому сознанию музыкальный образ, сделать его воспринимаемым, но и даёт возможность обрести необходимую свободу для формирования голосового исполнительского аппарата, всей конструкции исполнительской культуры.

«Живое» представление музыкального образа (в портале художественного слова, рисунка, музыкальной интонации, танцевального движения, актёрского общения) может служить своеобразным идеомоторным актом, который проецирует в музыкальном сознании ребёнка гармонию чувства и осмысления, звуковой подачи и построения музыкальных фраз, целостного музыкального произведения.

В ракурсе подобного художественно-педагогического подхода в детских вокальных классах целесообразными выступают методы: одномоментности восприятия, контрастности, организационно-ситуационный, информационно-чувственный, проблемно-мотивационный.

В русле педагогики детского вокального творчества на базе арт-педагогического подхода в значительной степени актуализируется применение следующих формул:

понятно – доступно – интересно;
чувственно – интересно;
ощущения – интерес – внимание – память;
интерес – мотив – потребность;
чувствовать – мыслить;
чувствовать – мыслить – действовать – мыслить – чувствовать;
чувство – интерес – познание – оценка.

Как подчёркивает А. Г. Менабени, «формирование технических навыков должно вестись в единстве с эмоциональным подтекстом и художественной выразительностью. Вокального звука, ничего не выражающего, не может быть. В нём всегда в той или иной мере проявляется эмоциональное состояние вокалиста. Певец, не владеющий своим голосом (техническими навыками), беспомощен при исполнении художественных произведений. Он также беспомощен, если не умеет передать музыкально-поэтическое содержание. Вокально-техническая и художественная работа должна вестись в единстве» [4, с. 77].

Принцип предслышания (внутреннего построения звука-образа) во многом вскрывает не только природу вокального звукообразования, но и обеспечивает продвижение по пути технического развития ребёнка в соответствии с его художественным ростом.

Одним из решающих условий вокального развития обучающихся детей является планомерное и последовательное формирование у них вокально-слуховых представлений.

Г. П. Стулова под вокально-слуховым представлением понимает «звено в цепи умственных операций по законам процесса познания: вокальное восприятие, представление, воспроизведение» [5, с. 22].

При этом, по её мнению, «решающим звеном в этой цепи являются именно вокально-слуховые представления. Они отражают глубину восприятия и определяют качество исполнения. Они дополняются воображением и носят творческий характер, что обуславливает их роль в музыкально-эстетическом воспитании» [5, с. 22].

Таким образом, вокально-слуховые представления – это «представления о качествах певческого звука по интонации, динамике, тембру и ритмическим соотношениям как основным носителям музыкального смысла, а также представления о способе звукообразования заданного эталона», которые развиваются «в процессе обучения во взаимосвязи с такими психическими свойствами, как эмоциональная восприимчивость и отзывчивость на музыку, музыкальная память, внимание, воображение и др.» [5, с. 22].

Действительно, такие слагаемые, как ощущение, представление, эмпатия, мотив, интерес, потребность, внимание, восприятие, память, олицетворяют собой процесс познания, постижение тайн музыкального развития, вокального творчества. Увлекая детей в мир музыкальных открытий через синестезию (чувственное восприятие синтеза искусств), когда звук становится цветным, художественно окрашенным, зовущим к действию-движению в форме игры в сказочную страну, тогда детское вокальное творчество начинает жить естественной жизнью в русле активного наглядно-образного, ассоциативного мышления.

Важно не ограничивать детей только вокальной художественно-образной тематикой. Продуктивным для формирования общего художественного представления является прослушивание программных инструментальных сочинений композиторов различных эпох и направлений, таких, например, как «Шутка» И.-С. Баха, соната С дур Д. Скарлатти, «Времена года» А. Вивальди, «Детский альбом» Р. Шумана, «Карнавал животных» К. Сен-Санса, «Волшебное озеро» А. К. Лядова, «Кикимора», «Детский альбом» П. И. Чайковского и другие. Подобные программы для прослушивания не только активизируют восприятие разнообразных художественных образов, но и «тренируют воображение», развивают чувственно-деятельную и логико-смысловую природу учащихся детского вокального класса.

Так, Д. В. Люш обращает внимание на то, что «формирование правильного звука, подстройка голосового аппарата и сохранение свободного, оптимального положения гортани – суть взаимосвязанные части единого процесса развития голоса, и тренировка их должна происходить одновременно. Хорошо, когда этот процесс понятен и обретает художественную основу, пусть выходящую за рамки чисто музыкального. То есть голосовой аппарат (его совершенствование) представляет не самоцель, оторванную от содержания, а художественно оправданное действие на техническом уровне (сохранение чистоты голоса /отсутствие призвуков, шипения/, тембра, индивидуально-творческой подачи, эстетики звука в целом) и уровне собственно художественно-образном» [3, с. 62]. В результате у учащихся формируются не только вокальные умения и навыки, но и творческое мышление, эстетическое сознание в целом, а также эмоционально-чувственная (бессознательная) природа.

О. А. Блох подчёркивает: «Сложно освоить технику, например, вокала без знания природы звукообразования, методики самоконтроля, широкого коридора музыкальной памяти. В свою очередь, технологические процессы, связанные с совершенствованием вокальной техники, невозможно осваивать в отрыве от творческой природы обучающихся, их духовного роста» [1, с. 62].

Положительным моментом в художественно-педагогической работе детского вокального класса является целенаправленная подготовка к концертному выступлению. Она может осуществляться в «открытых» и «закрытых» формах. К «закрытым» формам относятся элементы сольного и коллективного выступления, органично вмонтированные, например, в сказочное действие, игру, театрализованное представление, когда начальная стадия становления маленького концертного исполнителя «спрятана» от сознания малыша. «Открытые» формы представляют собой своеобразное «якорение», когда на репетиции идёт официальное объявление концертного номера, присутствуют зрители, звучат аплодисменты и т.д. Варьирование использования этих форм позволяет детям сохранять положительные эмоции, постепенно набирать опыт концертных выступлений, а главное – чувствовать, мыслить, жить и творить на сцене в рамках её величества Музыки.

Литература

1. Блох О. А. Проблемы музыкальной педагогики и психологии : учебное пособие для вузов. – Москва : МГИК, 2016.

2. *Блох О. А.* Педагогика и психология музыкального творчества : учебное пособие для вузов. – Москва : МГУКИ, 2012.
3. *Люш Д. В.* Развитие и сохранение певческого голоса. – Киев : Муз. Украина, 1988. – 138, [2] с. ил.
4. *Менабени А. Г.* Методика обучения сольному пению : [учебное пособие для педагогических институтов]. – Москва : Просвещение, 1987. – 93, 2 с.
5. *Стулова Г. П.* Дидактические основы обучения пению : учебное пособие / науч. ред. В. В. Мерцалова ; Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина. – Москва : МГПИ, 1988. – 68, [1] с.

ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАТИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

05.25.00 – Документальная информация

БИБЛИОТЕЧНАЯ ПРОФЕССИЯ В XXI ВЕКЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ

Наталья Викторовна ЛОПАТИНА,
доктор педагогических наук, доцент, заведующая
кафедрой библиотековедения и книговедения
социально-гуманитарного факультета Московского
государственного института культуры, г. Москва
e-mail: dreitser@rambler.ru

В статье библиотекарь представлен как информационный специалист. Изучаются направления развития библиотечной профессии в информационном обществе в России и за рубежом. Рассматриваются модели будущего библиотечной профессии. Раскрываются проблемы понимания сущности и развития библиотечной профессии в современном обществе. Проводится сравнительный анализ взглядов на библиотечную профессию представителей библиотечной науки и практики России, Федеративной Республики Германия и Соединённых Штатов Америки.

Ключевые слова: библиотечное дело, информационная деятельность, библиотекарь, информационный специалист, профессиональная структура информационного общества, информационное общество, библиотековедение, социология информатизации.

LIBRARY PROFESSION IN THE XXI CENTURY: COMPARATIVE ANALYSIS RUSSIAN FOREIGN AND TRENDS

N. V. Lopatina, Full Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of Department of Library Science and Bibliology, Faculty of Social Studies and Humanities, Moscow State Institute of Culture
e-mail: dreitser@rambler.ru

The article is presented as a librarian information specialist. We study the direction of development of the library profession in the information society in Russia and abroad. The models of the future of the library profession. Reveals the problems of understand-

ing the nature and development of the library profession in modern society. A comparative analysis of the views of the representatives of the library profession of library science and practice of Russia, Federal Republic of Germany and the United States.

Key words: librarianship, information activities, librarian, information specialist, professional structure of the information society, information society, library science, sociology of information.

Летом 2013 года общественный резонанс вызвала публикация в «Аргументах и фактах» статьи Е. Трегубовой «Смерть почтальона. Какие профессии исчезнут к 2020 году» [9]. Автор представила список бесперспективных профессий, составленный Агентством стратегических инициатив. Возглавила этот список профессия библиотекаря, которая, по мнению исследователей, как и профессии «документовед и архивариус, уже в скором времени перестанут существовать из-за стремительного развития интернет-вещания, за счёт которого пользователи практически из любой точки мира имеют круглосуточный доступ к любой информации» [9]. Заявляя это, эксперты успокаивают: «Вымирание профессий – это нормальное явление, из-за которого не стоит паниковать – на место исчезающих должностей приходят новые, более интересные и менее трудные» [9].

С одной стороны, современные реалии жизни профессионального сообщества библиотечных специалистов заставляют «эффективных менеджеров», ориентированных на оптимизацию социальных ресурсов, задуматься о том, что библиотечные практики уходят из повседневной жизни нашего современника, уступая место новому габитусу, который экстраполируется на культурно-досуговую деятельность, на межличностное общение и другие виды деятельности. Невозможно скрыть непопулярность библиотечной профессии у молодёжи: несмотря на активную деятельность Российской библиотечной ассоциации по мотивированию молодых библиотекарей, одним из основных и наиболее объективных показателей снижения популярности является набор абитуриентов на информационно-библиотечную специальность.

С другой стороны, почему, не будучи читателем «АИФ», многие обратили внимание на эту публикацию? Исключительно благодаря поисковой оптимизации сайтов и непосильному интеллектуальному труду тех деятелей Интернет, которые заложили параметры, позволившие этой статье появиться на «титальной» странице Рамблера, там, где её увидел каждый пользователь этой поисковой системы. Чем, по сути, отличается задача «оптимизатора» (в том числе и того специалиста, который формирует задание для «робота») и библиотекаря, делающего выставку книг, или библиографа, составляющего пособие? Только технологией, инструментами и – немного – интеллектом и душой, вложенными в этот процесс.

Совершенствование профессионального разнообразия информационной деятельности становится одним из важнейших направлений информатизации. Появляются новые профессии, обеспечивающие устойчивое развитие информационной среды; устоявшиеся профессиональные направления трансформируются в соответствии с господствующими в настоящий момент времени информационными и социально-информационными технологиями. В связи с этим и для теории, и для практики важно определить критерии устойчивости для постоянно изменяющегося профессионального разнообразия информационной деятельности,

ибо это значимо для идентификации, классификации и социального позиционирования представителей как новых информационных профессий, так и таких «классических» профессий, как библиотекарь. Все они выполняют одну и ту же социальную функцию – удовлетворяют информационные потребности, делают информационную среду комфортной (понятие, введённое Ю. А. Шрейдером [10]), «обозримой» для потребителя, фрагментируя и экстрагируя те фрагменты, которые могут быть интересны здесь и сейчас определённой категории потребителей, целевой для библиотеки, издания или поисковой системы.

Именно такие критерии устойчивости должны лечь в основу государственной классификации занятости информационной деятельностью, отражающей один из ключевых моментов информационного развития и профессионализации этой сферы.

Двадцатилетний опыт подготовки информационных специалистов в МГИК показывает, что овладение студентом информационной технологией (например, технологиями поисковой оптимизации сайта) происходит намного легче, нежели овладение интеллектуальной–социально-психологической, аналитической, социально-маркетинговой–составляющей информационной деятельности. Основой мотивации в первом случае служит мода как сложный социальный феномен и приверженность моде как условие интеграции в желательные социально-профессиональные группы. Совершенствование же процесса овладения интеллектуальными компетенциями информационной деятельности невозможно без мотивации будущих специалистов, основанной на понимании приоритета устойчивости «фундаментальных» знаний в области информационной деятельности перед сиюминутностью технологического решения социальной задачи и неподдающейся оценке изменчивостью ИТ-арсенала профессиональной и непрофессиональной информационной деятельности.

Формирование этой мотивации и такого понимания базировалось на идее Н. Б. Зиновьевой о целесообразности изучения «информационной истории» общества как одного из важнейших содержательных компонентов развития информационной культуры. Эта идея лежит в основе её учебного пособия «Информационная культура личности: Введение в курс» [3]. Вместе с тем подобная педагогическая позиция остаётся авторской разработкой и не находит отражения в федеральных образовательных стандартах. Это приводит к тому, что осознание преемственности инструментов удовлетворения информационных потребностей личности и общества не рассматривается в качестве значимой компетенции информационных специалистов, в том числе и библиотекарей.

Современное профессиональное пространство информационной деятельности характеризуется высокой степенью атомизации труда, в силу чего социальные связи, формирующие, объединяющие данную социально-профессиональную группу, чрезвычайно слабы. Уровень информационной культуры общества и сложившаяся система социального управления кадровым потенциалом информатизации не способствуют укреплению понимания широкими кругами информационных специалистов профессионального разнообразия, характерного для деятельности, которой они заняты.

Носит эта проблема глобальный или локальный характер? Выяснение этого потребовало анализа публикаций российских и зарубежных библиотечных специ-

алистов в профессиональной печати и современных социальных сетях, касающихся сущности библиотечной профессии.

Анализ оценок библиотечными работниками своих позиций в современных социальных практиках позволяет не только подтвердить, но и определить глобальный характер выделенных ранее [5] тенденций развития кадрового потенциала инфосферы: динамику социальной миссии библиотечных специалистов, рост профессионального разнообразия в силу появления новых точек соприкосновения с социальными практиками, рост профессионального разнообразия в силу конвергенции информационно-коммуникационных и социально-информационных технологий, изменение соотношения информационный специалист / массовый актор информатизации.

Вместе с тем локальный характер и региональную окраску [6] носит отношение к происходящим изменениям.

В российских условиях особую остроту приобретает вопрос о будущем информационных профессий, сформировавшихся в доинформационную эпоху. Анализ современных публикаций, посвящённых судьбе классических информационных профессий, демонстрирует две основные модели их жизненного цикла. Первая модель – модель «надвигающейся профессиональной смертности» [11] – предполагает исчезновение информационной профессии, её вытеснение за пределы профессионального пространства информационной деятельности. Вторая модель демонстрирует переход классической информационной профессии на новый виток спирали развития информационной деятельности, приобретение инновационных элементов, в ряде случаев максимально изменяющих её, при сохранении базовых функций [4].

Ряд дискуссий о библиотечной профессии в социальных сетях позволяет выявить обусловленность высказываний не столько определённой объективной ценностью, сколько потребностью в профессиональной самоидентификации членов этой социально-профессиональной группы. Нередко в период информатизации отдельные сферы информационной деятельности демонстрировали эффект своего рода социального аутокинеза, иллюзии развития сфер, находящихся в стагнации, под влиянием ряда социальных факторов восприятия, искусственного формирования иллюзии развития. Применительно к библиотечному делу необходимо говорить об искусственном сдерживании конкретно-организационными рамками функционирования библиотеки как социального института в условиях изменяющейся реальности не только из-за недостаточной гибкости структуры государственного управления отраслью, но и в результате того, что профессиональная элита занята реализацией своей, частной, модели реального мира. Следствием этой ситуации выступают серьёзные социальные проблемы профессиональной сферы: структурная безработица, нисходящая мобильность, резистентное поведение, с одной стороны, и дисфункция социального института – с другой.

В то же время библиотеки Германии в условиях информатизации развиваются в мейнстриме – с ориентацией на интеграцию в библиотечное обслуживание электронных библиотечных услуг, на разработку мер по долгосрочному архивированию с целью сохранения культурного наследия (KOPAL), на создание виртуальных специальных библиотек, на модернизацию межрегионального сотрудничества посредством внедрения в общегерманской системе межбиблиотечного абонемента электронной доставки документов и т.д. [2].

Сравнительный анализ тематики публикаций теоретиков и практиков библиотечного дела Германии, России и ряда других стран показывает идентичность возникающих в ходе информатизации проблем и путей их решения. В этом ряду – и проблемы соответствия компетентности современных информационно-библиотечных специалистов актуальным задачам и направлениям информатизации библиотечного дела, и проблемы участия библиотеки как социально-информационного института в информатизации общества. На Международном конгрессе по библиотечному делу и информации, прошедшем в августе 2003 года в Берлине, данная проблема подробно была затронута в докладе Г. Реша, посвящённом сравнительному анализу библиотечного дела Германии и США. По мнению Г. Реша, отставание немецкого библиотечного дела в части внедрения новых электронных услуг обусловлено недостаточно высоким уровнем готовности информационно-библиотечных специалистов к работе с ними, а также снижением общекультурной компетентности. К такому же выводу пришли и специалисты из других стран, в частности российские специалисты в области информационно-библиотечных кадров и образования [7].

Точки зрения на миссию и задачи библиотекаря в современном обществе, прослеживаемые в работах российских и немецких авторов, не противоречат друг другу в силу единства понимания роли информации и информационных технологий в современном мире и необходимости соответствия библиотеки и библиотекаря требованиям информационной инфраструктуры информационного общества. В частности, Г. Рэш говорит о том, что «библиотекари – это специалисты по сохранению и передаче информации любого рода и по правильному обращению с таким важным сырьевым ресурсом, как знание, независимо, работают ли они в университетской, школьной или специальной библиотеке экономического предприятия. Поле их задач по комплектованию и передаче книг и других средств информации в пользование делает из них профессиональных партнёров в области средств коммуникации и информации. Уже сегодня они являются навигаторами по информационным сетям, разрабатывают и обеспечивают качество и актуальность электронной информации, а в будущем их значение наверняка возрастёт» [7]. Как основные квалификационные требования к современному библиотекарю он призывает рассматривать знание источников, ресурсов; методологические знания; коммуникативность и социальную активность; знание языков; знание практического использования компьютеров; знания в области менеджмента; широкую общую эрудицию.

Немецкие исследователи констатируют, что профессии в сфере информации, литературы и современных информационных средств приобрели в последние десятилетия особое значение. В частности, Ю. Зефельдт и Л. Сире отмечают, что, наряду с библиотекарями, в Германии появились специалисты по работе с документацией, специалисты по информации, архивисты, специалисты по информационным услугам и средствам информации, а также так называемые информационные брокеры – «профессии сферы информации, поля деятельности которых всё больше сближаются, хотя и сохраняют различия» [2, с. 49].

Аналогичные выводы были сделаны и российскими исследователями [4], а также раскрыты механизмы профессионализации информационной деятельности в современных условиях, проанализированы процессы формирования новой ин-

формационной профессии. И немецкие, и российские авторы ставят задачу постоянной актуализации профессиональной компетентности библиотекаря в русле соответствия потребностям современного читателя с целью предотвращения социально-профессиональной маргинализации [7].

Информатизация как глобальная тенденция общественного развития трансформирует информационную инфраструктуру разных государств, в том числе и Германии. Изменение привычек пользователей библиотек, стиля их жизни обусловлено глобальными причинами, активной диффузией информационно-технологических новаций в повседневность. В данной ситуации библиотеки Германии, подобно библиотекам всех стран, не избежали проблем снижения социальной потребности в библиотечных услугах, оттока читателей вследствие популяризации интернет-ресурсов и технологий.

Вместе с тем необходимо отметить, что работы библиотечных специалистов Германии отличает позитивное отношение к информатизации как процессу, открывающему новые возможности развития библиотечного дела, а также перспективы для укрепления социального статуса библиотеки в информационном обществе. Наблюдается определённый диссонанс в оценке влияния информатизации на современные библиотечные практики в работах немецких авторов и их российских коллег. Немецкое библиотековедение и библиотечное дело не акцентируют своё внимание на проблемах идентификации суверенности библиотеки в информационном обществе и не ставят проблему недопустимости трансформаций содержания библиотечной деятельности в контексте разрушения духовной культуры. Вместе с тем на практике наблюдается рост разнообразия услуг, предоставляемых библиотеками Германии, изменение подходов к информационно-библиотечному обслуживанию, ориентация на повышение качества библиотечной деятельности в русле как клиентоориентированного, так и социально ориентированного подходов, которые, к глубокому сожалению, не дифференцируются в российском библиотечном деле.

В данном случае библиотечное дело Германии предусматривает два направления модернизации содержания работы библиотек. С одной стороны, речь идёт о расширенной трактовке библиотеки как «третьего места», то есть места для проведения свободного времени (первые два – дом и работа). Этот подход предполагает усиление приоритета социально-досуговых функций библиотеки и акцентирование внимания на использовании её помещений и других материальных ресурсов для организации клубов по интересам, реализации образовательных программ и т. п. [12].

С другой стороны, ряд специалистов ориентирован на усиление информационной составляющей традиционных библиотечных технологий и ориентации, в первую очередь на усиление роли информационных услуг библиотеки и электронных информационных услуг, в частности виртуальных (цифровых) справок, как их новый образ [7]. Этот вариант предполагает качественно иное представление о взаимодействии библиотеки и её читателя (пользователя): клиенты могут обращаться сюда, физически не находясь в помещении библиотеки, не будучи связанными временем их работы. Благодаря этому библиотеки получают возможность привлечь новых клиентов из числа тех, кто ранее и не думал пользоваться их услугами.

Вместе с тем подобные новаторские идеи не всегда находят быструю реализацию в библиотечном деле Германии. Например, внедрение цифровой справки и связанное с ней развитие технологий в Германии происходило с сомнениями и задержкой, хотя использование Интернета в практике немецких библиотек имеет значительный опыт. Только бурный рост Интернета и политическое давление (через изменения в организационной структуре и финансировании), а также необходимость адаптации к новым общественным требованиям изменили оценку немецкими библиотеками новых справочно-информационных технологий. Именно распространённость этих прикладных решений позволила исследователям выявить и сформулировать важнейшую особенность развития библиотечного дела Германии в условиях информационного общества – переход от приоритета накопления фондов к приоритету обслуживания, однако полноценная реализация этого перехода требует определённого времени и предполагает готовность библиотеки и общества к таким переменам.

Принципиальным теоретическим достижением немецких библиотекведов является понимание и анализ причин изменений отношений между обществом и библиотекой в современном мире, которые не связаны со стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий. Библиотечные практики Германии наблюдают изменение характера информационных потребностей и запросов пользователей библиотек в последние 20–30 лет [2] и связывают это с идеями гражданского общества, новых форм демократии и участия в общественной жизни, с идеей «мира 2.0», которые популярны сегодня не только в Германии, но и в других странах. Данное явление определяет необходимость перестройки отдельных компонентов информационно-библиотечной деятельности, в частности изменение содержания библиотечного обслуживания, которое приводит к появлению новых форм участия читателя (пользователя) в работе библиотеки.

Характерный пример отношения к настоящему и будущему библиотечной профессии представляет американский библиотекарь Нэд Поттер (Ned Potter), разместивший в своём блоге интересный взгляд на содержание библиотечной профессии – через дружеские советы: «10 вещей, которые необходимы, если хочешь работать в библиотеке» [13]. Рекомендуя выбор библиотечной профессии, автор призывает соискателя библиотечной вакансии увидеть то, что в библиотеке книга – не главное и, как бы ты не любил книги, не они, а человек – главный ориентир («Там всё – о людях»). В связи с этим библиотекарям нужны в первую очередь коммуникативные навыки и готовность к «беспокойной работе». На второе место в рейтинге значимых вещей Н. Поттера поставлена технология: если вы боитесь технологий, вы не можете работать в библиотеке. По мнению автора, «библиотеки находятся на острие доставки контента», поэтому библиотекари, будучи информационными специалистами, должны возглавлять процессы информатизации, стать инициаторами изменений и первыми пользователями новых платформ. Н. Поттер предупреждает о необходимости повышения профессионального уровня и его сертификации, о жёсткости конкуренции среди высококомпетентных информационных специалистов, приходящих на смену библиотекарям, уходящим на пенсию, о перспективности и важности для профессионального общения социальных медиа.

Особое внимание автор уделяет готовности к борьбе со «старыми библиотечными стереотипами». «Если люди не уважают нас, они не получают максимальную

отдачу от наших услуг», – считает Н. Поттер, развивая тему библиотечной адвокации и необходимости не упускать все имеющиеся для неё возможности. В русле этой рекомендации автор видит в будущем библиотекаре готовность, способность и открытость постоянным изменениям, ибо за последние два десятилетия библиотеки изменились больше, чем за всю историю своего существования. Аналогичная компетенция представлена и в монографии «Информационные специалисты» [4] как базовая компетенция для представителей информационных профессий.

В ряду наиболее аттрактивных моментов библиотечной профессии Н. Поттер видит возможность «давать волю» таким «страстям», как любовь к литературному и т.п. творчеству, к истории, общение в социальных сетях в рамках своей работы. В числе специфических характеристик профессии автор представляет разнообразие профессиональных ролей, которые выполняет библиотекарь, и ставит вопрос о готовности к выполнению работ, связанных со сферой услуг, маркетингом, созданием цифрового контента, издательским делом, защитой авторских прав, архивным делом, консервацией и хранением информации, связями с общественностью и СМИ, обучением, информационной культурой, консультированием в командном и проектном режиме; к профессиональной деятельности в библиотеках музыкального, правового, медицинского профиля, в библиотеках специальных, академических, публичных, школьных, детских и «мобильных»; о готовности осуществлять комплектование, каталогизацию, бухгалтерский учёт, администрирование и менеджмент, управление персоналом, фондами, недвижимостью, осуществлять дизайнерское проектирование и организацию пространства для коллекций, реставрацию книг, формировать органы общественного самоуправления; работать с электронными ресурсами, метаданными, специальными коллекциями, информационными технологиями и информационными системами, музейными и галерейными коллекциями, создавать виртуальную образовательную среду и стратегии интернет-деятельности.

В процессе анализа взглядов зарубежных коллег на содержание библиотечной профессии, на компетентностный комплекс открывается ярко выраженное функциональное разнообразие, направленное на развитие информационной инфраструктуры общества, реализующей доступность разнообразия информационной феноменологии потребителю как сущностной характеристики информационного общества. Приведённые примеры, а также другие публикации и обзоры на тему будущего библиотечной профессии, отражающие взгляды зарубежных коллег [1], позволяют выявить понимание закономерного характера информатизации как социального процесса.

Настороженное отношение к информатизации и отечественных, и зарубежных специалистов определяется опасением разрушения системы документных коммуникаций и тревогами о будущем профессиональной деятельности в этих условиях. В данном случае целесообразно говорить о существовании фундаментального закона развития информационной среды и информационных коммуникаций – закона сохранения всех форм и средств информационной деятельности, методов и приёмов оперирования информацией, когда-либо изобретённых человеком. Древнейшие виды информационных коммуникаций (миметика, пластика, идеографическое и иероглифическое письмо) и более поздние (устное общение, рукописное и т.п.) не только не исчезли из человеческого обихода, вытесненные

актуальными и доминантными способами информационного обмена, но и нашли свои ниши в современной информационной среде, причём они сохраняются «не только и не столько в информационной среде социума, сколько в индивидуальном сознании, мыслях и действиях человека» [8].

Интерпретация библиотечного дела как одного из старейших видов информационной деятельности основана на рассмотрении в качестве его своеобразной «кварки» удовлетворения информационных потребностей как базовых потребностей для познавательной, культурно-досуговой, социально-культурной деятельности человека и общества в целом на современном этапе. Именно библиотечная профессия позволяет говорить о том, что информационные профессии, как способ социальной реализации и жизнеобеспечения, не являются продуктом информатизации, а существуют с древнейших времён, ибо лежащая в их основе информационная деятельность выступает одним из фундаментальных видов деятельности человека. Специфика формирования профессионального пространства информационной деятельности, профессиональной дифференциации заключается в том, что новый виток информационного развития общества приводил до середины XX века не только к возникновению новых профессий, но и к формированию на их основе отдельных отраслей.

Отраслевая раздробленность, искусственно созданная в процессе становления профессионального пространства информационной деятельности в ходе общественного разделения труда и обусловленная неосознанностью со стороны социокультурной среды природы и содержания разнообразия информационной феноменологии, является препятствием для интеграционных процессов в информационных науках и образовательных направлениях. В условиях информатизации наблюдается конвергенция информационных профессий и интеграция профессиональной общности, элементы которой демонстрируют единство социальных функций. Могут трансформироваться организационные контуры библиотечного дела, но социальные потребности, лежащие в его основе, сущность социально-ролевой цепочки «библиотекарь – читатель» утверждают неизменность существования социального института, регулирующего реализацию этой социальной функции.

Литература

1. *Багрова И. Ю.* Библиотечно-информационная профессия за рубежом: современное состояние, проблемы, перспективы. Аналитический обзор отечественной и зарубежной англоязычной литературы 2006–2008 гг. // Библиотечное дело мира : сборник аналитических и справочных материалов / Российская государственная библиотека, Отдел зарубежного библиотековедения и международных библиотечных связей, Сектор анализа и обобщения информации по зарубежному библиотечному делу и библиографии ; [сост. В. В. Качалина]. – Москва : Пашков дом, 2010. – С. 124–154.
2. *Зефельдт Ю., Сире Л.* Двери в прошлое и будущее – библиотеки в Германии : пер. с нем. – 3-е изд., исп. – Хильдесхайм : Олмс, 2007. – 112 с.
3. *Зиновьева Н. Б.* Информационная культура личности: Введение в курс : учебное пособие для вузов культуры и искусства / под ред. И. И. Горловой ; Краснодарская государственная академия культуры. – Краснодар, 1996. – 136 с.

4. Лопатина Н. В. Информационные специалисты: социология управления : монография. – Москва : Академический проект, 2006. – 203 с. – (Психологические технологии / Российская академия наук, Институт научной информации по общественным наукам).
5. Лопатина Н. В. Информационные специалисты XXI века: новые тенденции в профессии и профессиональном образовании // Информационные ресурсы России. – 2010. – № 2 (114). – С. 26–30.
6. Лопатина Н. В., Хакимова Г. А. Библиотека в условиях локальных социокультурных трансформаций: адаптация или участие? (на примере реформы немецкой орфографии 1998 года) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 4 (48). – С. 198–203.
7. Реш Г. Цифровая справочно-информационная служба в Германии: Краткий обзор деятельности и опыта работы по повышению квалификации персонала // Материалы Международного конгресса по библиотечному делу и информатике: 69-я генеральная конференция и заседание Совета ИФЛА. 1–9 августа 2003 г., Берлин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.library.ru/help/theory/germany_lib.php. – Загл. с экрана.
8. Сляднева Н. А. Человек эпохи информатизации – Homo informaticus // Научно-техническая информация. Серия 1. Организация и методика информационной работы / Всероссийский институт научной и технической информации РАН. – 1999. – № 3. – С. 9–13.
9. Трегубова Е. Смерть почтальона. Какие профессии исчезнут к 2020 году [Электронный ресурс] // Аргументы и факты : [веб-сайт]. – Электрон. дан. – 2013. Июль, 16. – Режим доступа: <http://www.aif.ru/money/article/comments/65141>
10. Шрейдер Ю. А. Информационные процессы и информационная среда // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы / Всероссийский институт научной и технической информации РАН. – 1976. – № 1. – С. 3–6.
11. Burns T., Rashid Sh. The New World of Information Professionalism. *Information Outlook*. – 1999. – Vol. 3, No. 7. – Pp. 25–30.
12. Schultka H. Bibliothekspädagogik. *Der Text. Bibliotheksdienst*. – 2005. – Jg. 39, Nr. 11. – S. 1462–1488.
13. <http://www.slideshare.net/thewikiman/if-you-want-to-work-in-libraries>

О РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАФЕДР ИНФОРМАТИКИ МОСКОВСКИХ ВУЗОВ

Валерий Вагаршакович АРУТЮНОВ,
доктор технических наук, профессор кафедры
информационных технологий и ресурсов Института
информационных наук и технологий безопасности
Российского государственного гуманитарного университета
e-mail: warut698@yandex.ru

Николай Павлович ЛАПШИН,
доктор технических наук, профессор кафедры экономики
культуры социально-гуманитарного факультета
Московского государственного института культуры

Рассматриваются результаты научной деятельности кафедр информатики шести ведущих московских вузов с учётом публикуемости и цитируемости работ сотрудников кафедр.

Ключевые слова: результаты научной деятельности, публикуемость, цитируемость, индекс Хирша, вектор развития научной деятельности.

THE EFFECTIVENESS OF SCIENTIFIC ACTIVITIES OF THE COMPUTER SCIENCE DEPARTMENTS OF MOSCOW UNIVERSITIES

V. V. Arutyunov, Full Doctor of Technical Sciences, Professor of Division for Information Technologies and Resources, Institute for Information Sciences and Security Technologies, Russian State University for the Humanities
e-mail: warut698@yandex.ru

N. P. Lapshin, Full Doctor of Technical Sciences, Professor of Department of Economics of Culture Faculty of Social Studies and Humanities, Moscow State Institute of Culture

The results of scientific activity of the computer science departments of six leading Moscow universities based on publicity and citations results of employees of the departments are considered.

Key words: results of scientific activities, publicity, citations, Hirsch index, development vector of scientific activity.

В последние два десятка лет отрасль информационных технологий (ИТ) является одной из наиболее динамично развивающихся отраслей не только в мире, но и в России. Современный объём мирового рынка ИТ оценивается ориентировочно в \$1,7 трлн. [8]. При этом в современном обществе информация уже стала стратегическим ресурсом, а ИТ и информационные системы – одним из инструментов

повышения эффективности экономики, государственного и муниципального управления. В настоящее время наиболее активно развиваются технологии управления бюджетной, налоговой системами, технологии государственных информационных порталов, реализующих взаимодействие граждан и органов управления через компьютерные сети, технологии накопления информации в единых государственных базах данных, а также технологии муниципальных информационных систем, геоинформационных систем (в том числе в направлении создания земельных и городских кадастров), электронного документооборота. Внедрение современных информационных технологий в сферы государственного и муниципального управления в наше время является для развитых стран задачей стратегической важности.

В 2011 году в России Указом Президента РФ были утверждены восемь приоритетных направлений развития науки, технологий и техники, в числе которых транспортные и космические системы, индустрия наносистем и информационно-телекоммуникационные системы [4]. Реализация этих направлений практически была бы невозможна без массового обучения студентов различных вузов использованию различных методов и средств информатики.

В настоящее время информатика, как известно, является, с одной стороны, достаточно специфичной областью научного знания, с другой – она олицетворяет особый аспект всей современной науки, пронизывая практически все сферы экономики и науки. Поэтому значимость информатики в наше время трудно переоценить, и это ещё одна из причин, по которой практически в каждом вузе страны, в том числе в московском, функционирует кафедра информатики.

Её научную деятельность можно оценивать, используя один из следующих четырёх методов [1; 2]:

- оценка публикуемости сотрудников;
- анализ цитируемости публикаций (в том числе с учётом индекса Хирша и других показателей цитируемости);
- оценка спроса на результаты исследований, отражённых в диссертациях и отчётах по НИР сотрудников;
- метод экспертных оценок научной деятельности.

Первые два метода в последние годы активно используются для оценки результатов научной деятельности вузов страны на основе ряда нормативных документов [3; 5; 6].

Публикации и цитирование их в различных сферах науки образуют сети цитирования. Результаты их ежегодного анализа для определённой области знания служат важным условием для понимания механизмов эволюции исследовательских направлений и выявления лидеров в этой области, определения взаимосвязей в системе научной коммуникации.

Ниже приводятся итоги оценки результативности научной деятельности (на базе двух первых методов) кафедр информатики шести ведущих московских вузов: Национального исследовательского ядерного университета – МИФИ, Московского физико-технического института (государственного университета) – МФТИ, РНИМУ – Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н. И. Пирогова, Российского университета дружбы народов – РУДН, РЭУ – Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, ФУПР – Финансового университета при Правительстве России. Оценка проводилась на основе списков

профессорско-преподавательского состава, представленных на порталах вузов, и баз данных системы РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) [7], где аккумулируется более 7 миллионов публикаций российских учёных, а также информация о цитировании этих публикаций из более 5,7 тысяч российских журналов.

При анализе учитывались: суммарная публикуемость n преподавателей кафедры I_p , определяемая количеством их публикаций, и $I_{p1} = I_p / n$ – публикуемость, рассчитанная на одного преподавателя кафедры; суммарная цитируемость в базах данных РИНЦ публикаций сотрудников кафедры I_c и $I_{c1} = I_c / n$ – цитируемость, рассчитанная на одного преподавателя кафедры, а также востребованность публикаций кафедры, определяемая соотношением $I_v = I_c / I_p$, и $I_{v1} = I_v / n$ – востребованность публикаций, рассчитанная на одного сотрудника.

На рисунке 1 представлены максимальная публикуемость преподавателя кафедры информатики и количество публикаций на одного преподавателя I_{c1} для шести вышеуказанных вузов. Как видно из графика, максимальное значение I_{p1} отмечается в МФТИ, а максимальная публикуемость преподавателя – в РНИМУ.

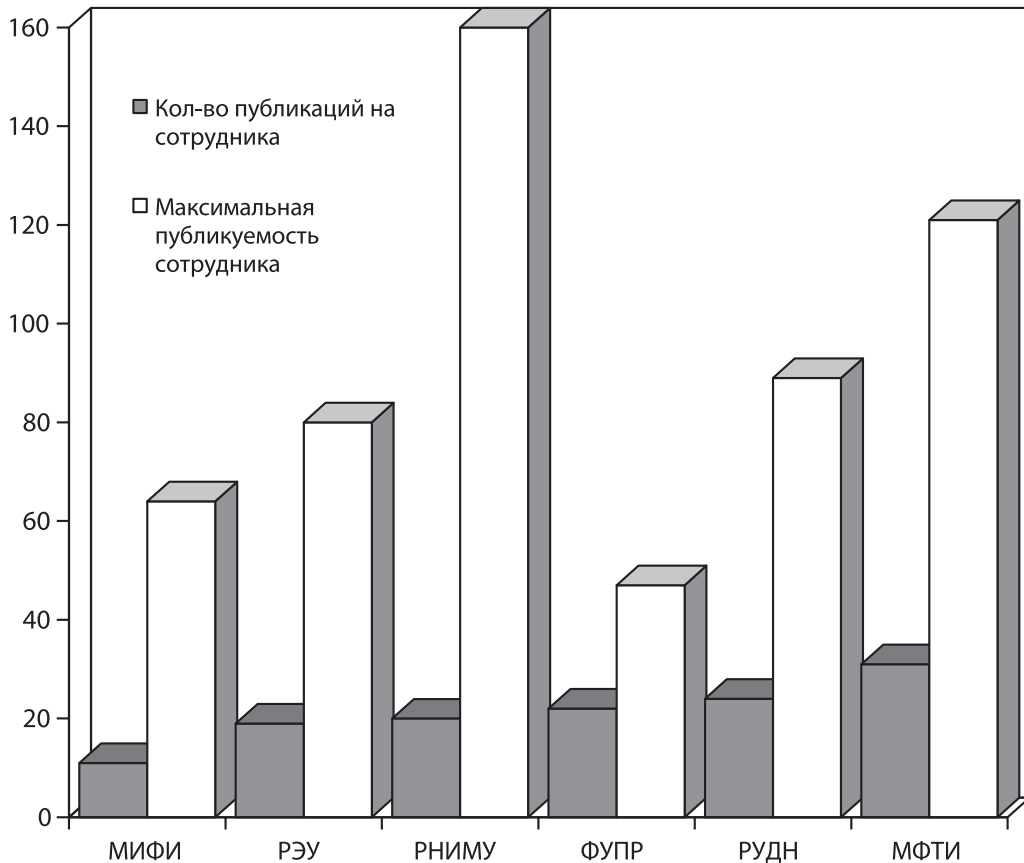

Рисунок 1. Максимальная публикуемость преподавателя кафедры и количество публикаций на одного сотрудника

При этом следует отметить, что максимальное и минимальное значения I_{pt} для МФТИ и МИФИ различаются примерно в три раза, как и максимальная публикуемость преподавателей кафедр РНИМУ и ФУПР.

На рисунках 2 и 3 приводятся соответственно максимальная цитируемость преподавателя кафедры и показатель цитируемости на одного сотрудника кафедры. Как следует из графиков, максимальные значения обоих показателей также отмечаются в РНИМУ. Для других вузов эти показатели меньше аналогичных значений в РНИМУ в несколько раз.

Так как в последнее время во всём мире активно используется для оценки работы учёных и научных коллективов индекс Хирша I_h , следует напомнить, как реализуется его подсчёт. Исследователь имеет индекс Хирша I_h , если h из его N_p статей цитируются, как минимум, h раз каждая, в то время как оставшиеся $(N_p - h)$ статей цитируются не более чем h раз каждая.

Таким образом, если, например, у данного исследователя опубликовано 100 статей, на каждую из которых имеется лишь одна ссылка, то его индекс Хирша I_h равен 1. Таким же будет индекс Хирша исследователя, опубликовавшего одну статью, на которую сослались 100 раз. В то же время (более реалистичный случай), если у исследователя имеется 1 статья с 9 цитированиями, 1 статья с 8 цитированиями, 1 статья с 7 цитированиями, 1 статья с 1 цитированием, то его индекс Хирша I_h равен 5 (так как на 5 его статей сослались, как минимум, по 5 раз).

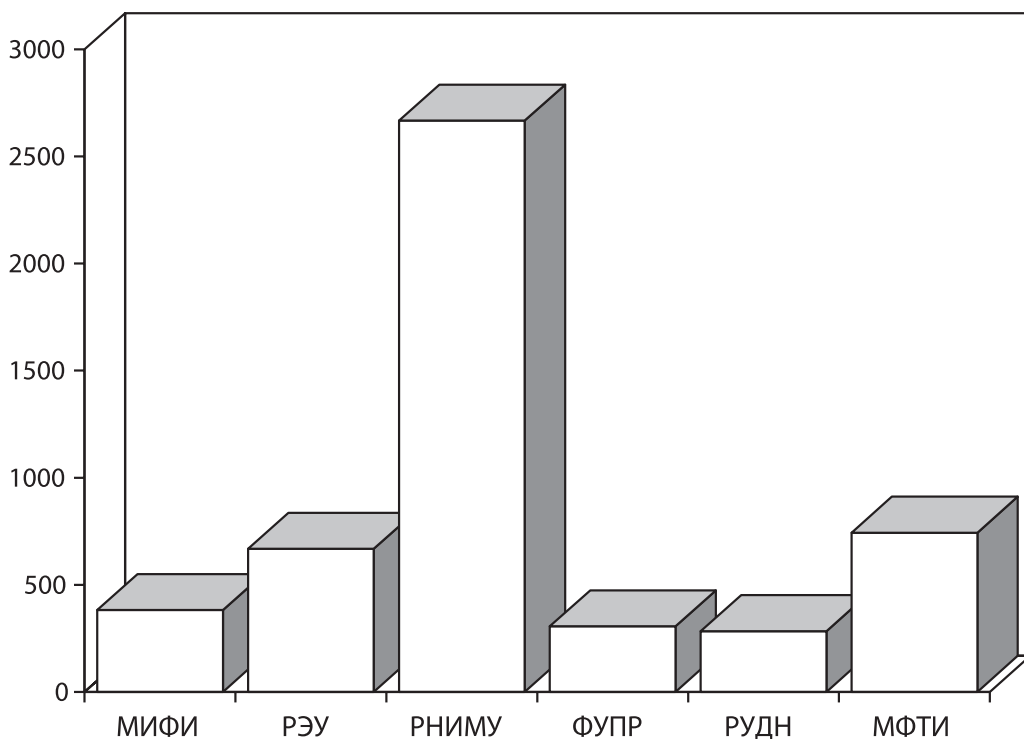

Рисунок 2.
Максимальная цитируемость преподавателя кафедры

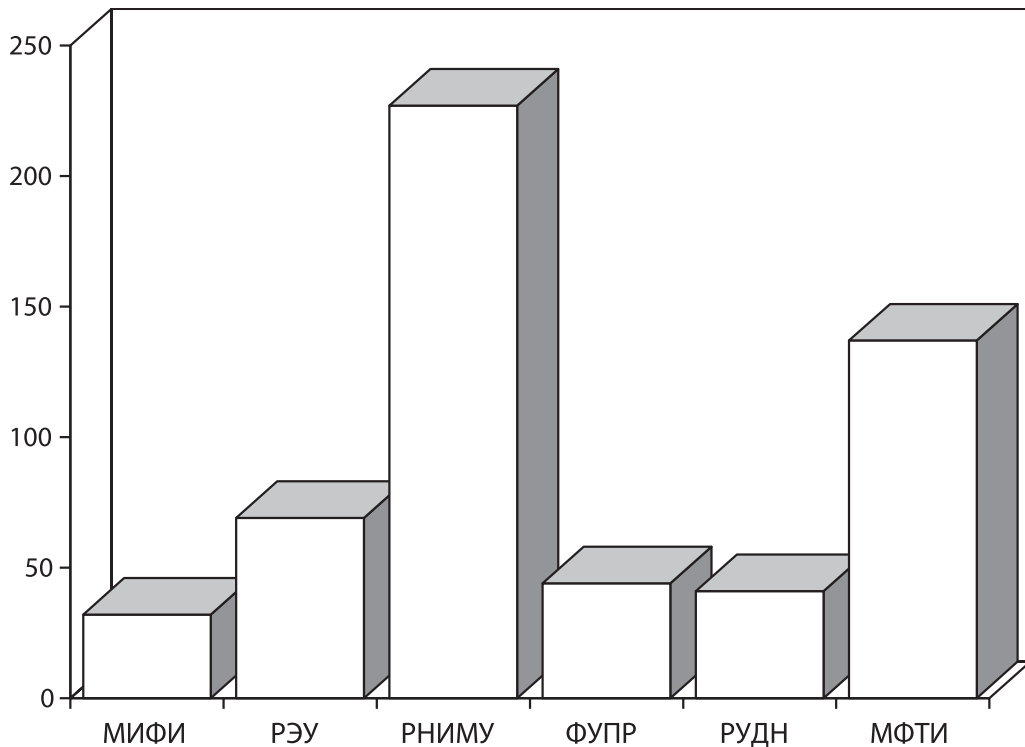

Рисунок 3.
Показатели цитируемости на одного преподавателя кафедры

Показатели Хирша для оценки работы учёных и специалистов приводятся не только в РИНЦ, но и в международных системах Web of Science (WoS), Scopus и в ряде других. Эти системы предназначены не только для оперативного обеспечения научных исследований актуальной справочно-библиографической информацией, но являются также и мощным инструментом, позволяющим осуществлять оценку результативности и эффективности деятельности научно-исследовательских организаций, учёных, а также определять научный уровень и значимость научных журналов в научном сообществе.

Максимальные значения индекса Хирша для преподавателей рассматриваемых кафедр приведены на рисунке 4. Как следует из гистограммы, максимальными значениями I_h обладали преподаватели РНИМУ и МФТИ (для сравнения следует отметить, что максимальное значение I_h в мире в истекшем десятилетии XXI века в области информатики не превышало 90).

На рисунке 5 представлена гистограмма максимальной востребованности работ преподавателя кафедры I_{vm} и I_{v1} – востребованности публикаций, рассчитанной на одного сотрудника.

Как следует из графика, максимальные значения I_{vm} и I_{v1} на кафедре отмечаются соответственно в МИФИ и РНИМУ.

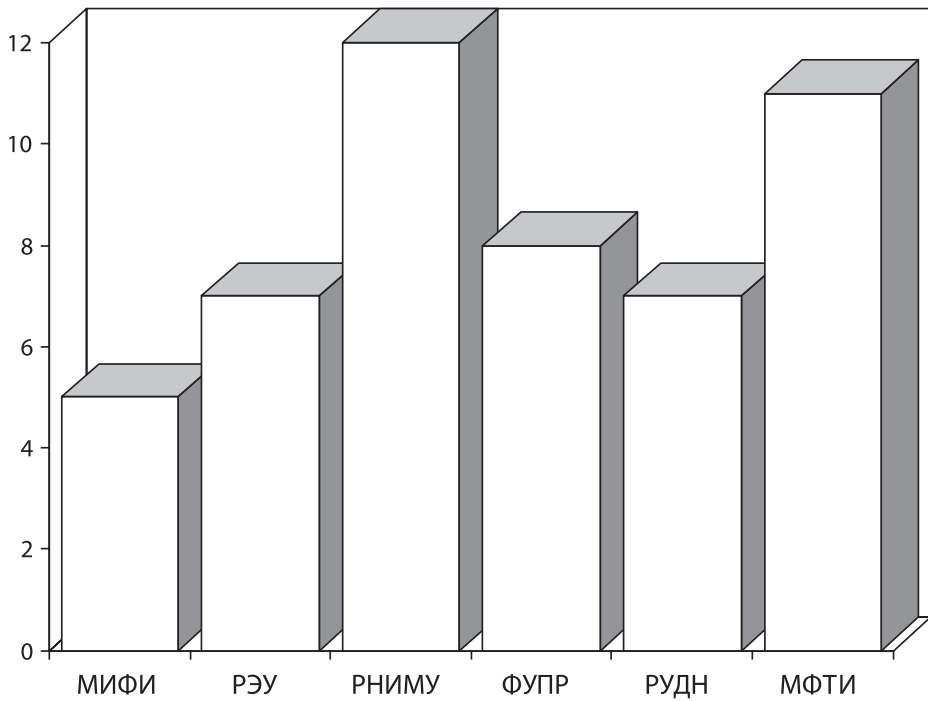

Рисунок 4. Максимальный индекс Хирша

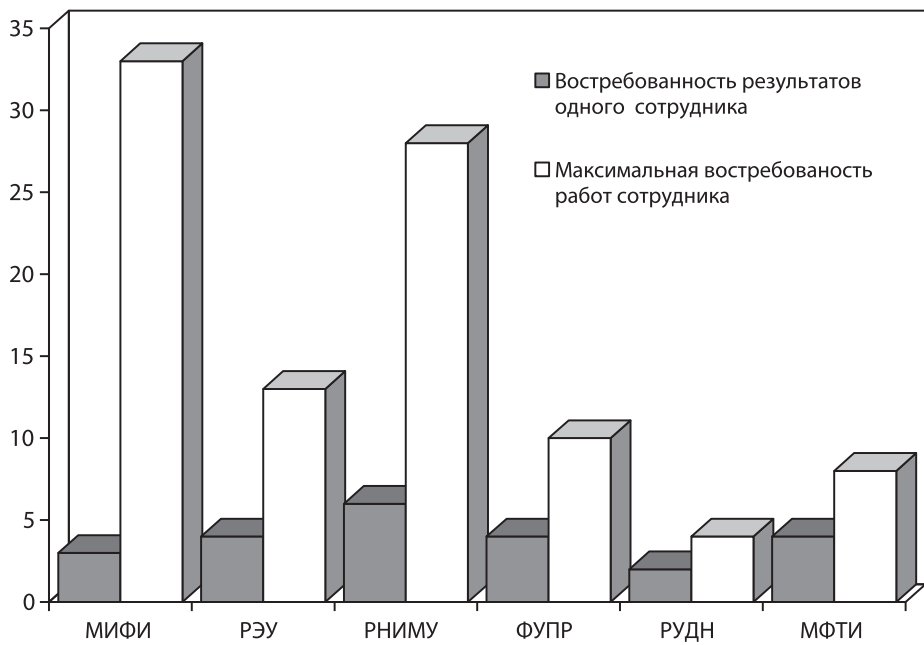

Рисунок 5. Максимальная востребованность работ преподавателя кафедры I_{vm} и востребованность результатов работ одного сотрудника I_{v1}

Представляет определённый интерес рассмотрение вектора развития научной деятельности кафедры, определяемого соотношением количества публикаций кафедры за два рассматриваемых периода.

На рисунке 6 представлен этот вектор развития кафедры, определяемый отношением суммарного количества публикаций кафедры в 2011–2015 годах к числу публикаций за 2006–2010 годы. Здесь неоспоримое лидерство принадлежит МФТИ, опередившему по этому показателю РУДН на 20%, а все другие вузы – более чем в два раза.

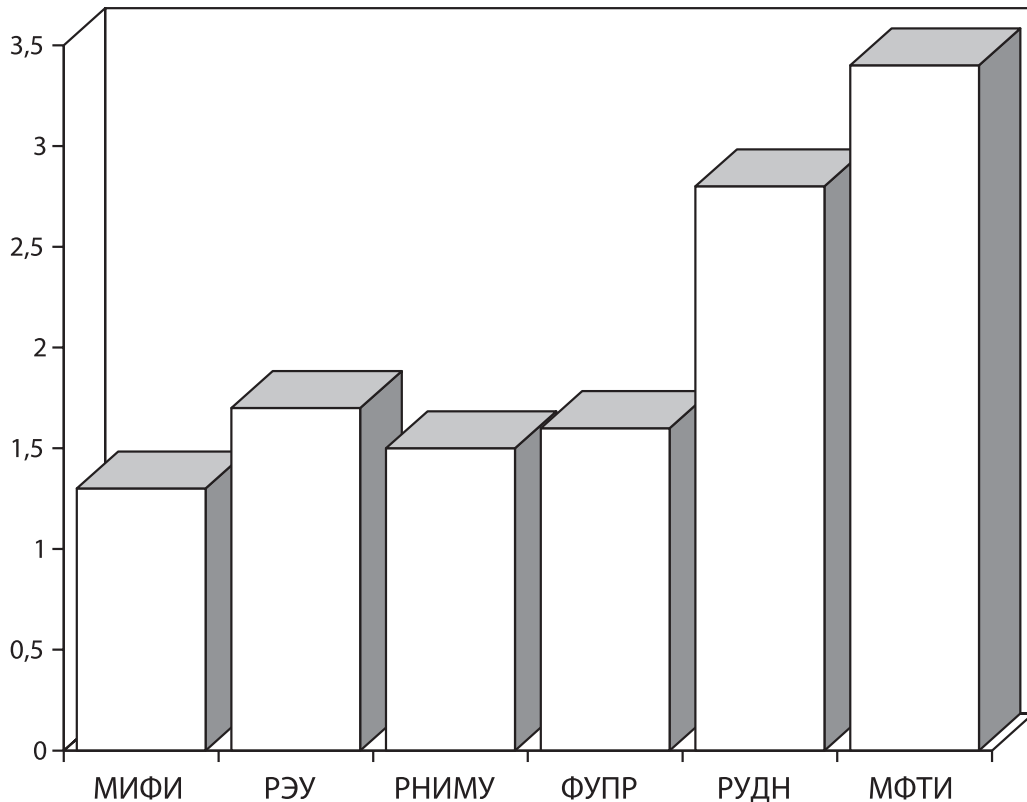

Рисунок 6.

Вектор развития кафедры (отношение количества публикаций кафедры в 2011–2015 годах к числу публикаций в 2006–2010 годах)

В заключение необходимо отметить следующее. Во-первых, исходя из отражённых на рисунках 1–6 данных, наилучшие результаты научной деятельности за рассматриваемый период выявлены у профессорско-преподавательского состава кафедры информатики РНИМУ, практически по всем рассмотренным показателям опередившего другие вузы и уступившего МФТИ лидерство лишь при учёте вектора развития научной деятельности кафедры и значения I_{p1} – публикуемости на одного сотрудника кафедры. Это лидерство в обоих вузах было обеспечено в основном за счёт преподавателей – докторов наук, но при этом в МФТИ ве-

самый вклад в указанные показатели внесли и три кандидата наук, цитируемость работ каждого из которых превышала 300.

Во-вторых, выполненный анализ позволяет выявить кадровый «золотой фонд» кафедры, представители которого вносят весомый вклад в результативность научной деятельности кафедры (в первую очередь при учёте показателей публикуемости и цитируемости); при этом практически в каждом из рассмотренных шести вузов в этот «золотой фонд» входят не только, как и ожидалось, учёные высшей научной квалификации, но и отдельные кандидаты наук, имеющие очень высокие значения показателей публикуемости и цитирования.

И, в-третьих, благодаря тому, что в РИНЦ не проводится никаких ограничений по областям научных исследований при формировании баз данных о публикуемости и цитируемости российских учёных, результаты аналогичного анализа в других сферах научной деятельности (например, создание и развитие информационных систем различного назначения, информационных технологий и других) позволили бы выявить не только на кафедрах информатики, но и на других кафедрах вузов такой «золотой фонд», подтверждаемый количественно и вектором развития научной деятельности. Успешному проведению этой работы в значительной мере способствовало бы более полное представление и оперативное обновление профессорско-преподавательского состава кафедр на порталах не только ведущих вузов Москвы, но всех других вузов страны, в том числе негосударственных.

Литература

1. Арутюнов В. В. Методы оценки результатов научных исследований : учебно-методическое пособие для студентов университетов и вузов культуры и искусств и других учебных заведений / Государственная публичная научно-техническая библиотека России, Московский государственный университет культуры и искусств, Кафедра электронных библиотек, информационных технологий и систем. – Москва, 2010. – 53 с.
2. Арутюнов В. В. Показатели эффективности эрготехнических систем // Научные и технические библиотеки. – 2014. – № 6. – С. 5–14.
3. О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки [Электронный ресурс] : Указ Президента РФ от 07 мая 2012 г., № 599 // Garant.ru : [веб-сайт]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70170946/>
4. Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации [Электронный ресурс] : Указ Президента РФ от 07 июля 2011 г., № 899 // Garant.ru : [веб-сайт]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/55171684/>
5. Об утверждении типового положения о комиссии по оценке результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения и типовой методики оценки результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения [Электронный

- ресурс] : Приказ Министерства образования и науки РФ от 5 марта 2014 г., № 161 // Garant.ru : [веб-сайт]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/197371/>
6. Правила оценки и мониторинга результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения [Электронный ресурс] : утверждены постановлением Правительства РФ от 8 апреля 2009 г., № 312 (в редакции постановления Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2013 г., № 979) // Garant.ru : [веб-сайт]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/195302/>
 7. Система РИНЦ. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/defaultx.asp> (дата обращения – январь 2016 г.).
 8. Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года [Электронный ресурс] : утв. распоряжением Правительства РФ от 1 ноября 2013 г., № 2036-р // Garant.ru : [веб-сайт]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70498122/>

ЮБИЛЕЙ ВИДНОГО БОЛГАРСКОГО БИБЛИОТЕКОВЕДА МАРИИ МЛАДЕНОВОЙ

Юрий Николаевич СТОЛЯРОВ,
доктор педагогических наук, профессор кафедры
управления информационно-библиотечной деятельностью
социально-гуманитарного факультета Московского
государственного института культуры, главный научный
сотрудник Академиздатцентра «Наука» РАН, заслуженный
работник высшей школы Российской Федерации
e-mail: yn100@narod.ru

О творческой биографии и научной деятельности М. Младеновой, известного в Болгарии и за её пределами специалиста в области библиотековедения, библиографоведения и книговедения.

Ключевые слова: Мария Младенова, болгарское библиотековедение, библиографоведение и книговедение, библиология.

ANNIVERSARY OF PROMINENT BULGARIAN BIBLIOTEKOVED'S OF MARIA MLADENOVA

Yu. N. Stolyarov, Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Department of management of information and library activity, Faculty of Social Sciences and Humanities, Moscow State Institute of Culture, Chief researcher of the Akademizdatcenter "Nauka" RAS, Honored worker of higher school of the Russian Federation
e-mail: yn100@narod.ru

About the creative biography and scientific activity of M. Mladenova, known in Bulgaria and beyond her limits of the expert in the field of library science, bibliography and bibliography.

Key words: Maria Mladenova, Bulgarian library science, bibliography and bibliography, bibliography.

К 70-летию видного болгарского библиотековеда Марии Младеновой в Софии выпущена её биобиблиография [1]. Для Болгарии это заметное событие, поскольку издания такого рода там встречаются нечасто. Поскольку в отечественном библиотековедении о личности М. Младеновой и её вкладе в науку известно мало, позволю себе представить Марию Младенову нашему читателю.

Она родилась 28 августа 1945 года в Софии. По окончании гимназии поступила в Государственный библиотечный институт, дававший в то время полувысшее образование. Стремясь получить полноценное высшее образование, она оканчивает филологический факультет Софийского университета (1971) и до 1977 года работает библиотекарем в Институте физиологии и фтизиатрии Медицинской

академии, преимущественно как библиограф. С 1972 года её привлекают к активной преподавательской работе в Государственном библиотечном институте как специалиста по курсу «Библиотечные фонды и каталоги».

С 1974 года начинается её публикационная активность: появляются первые статьи о библиотечных персоналиях. Это направление остаётся излюбленным в научном творчестве М. Младеновой по сей день. В энциклопедиях ею опубликовано 268 статей о выдающихся деятелях науки и культуры всего мира, – по большей части, естественно, имеющих отношение к Болгарии. Кроме того, в различных периодических изданиях из-под её пера вышли 75 статей о книговедах, библиотековедах и библиографоведах, причём о некоторых – например культурном и библиотечном деятеле Болгарии Ячо Хлебарове (1887–1951), основоположнике болгарской библиотековедческой мысли Стояне Аргирове (1870–1939) – их количество доходит до десятка. Повезло и российским специалистам: Н. А. Рубакину, Л. Б. Хавкиной, Э. Р. Сукиасяну и даже автору этих строк.

В 1987–1988 годах она повышает квалификацию в Ленинградском государственном институте культуры имени Н. К. Крупской, и с этого времени становится нашим верным коллегой. В 1990 году она участвовала в учреждении Союза библиотечных и информационных работников, переименованного в 2008 году в Болгарскую библиотечно-информационную ассоциацию (ББИА), вошла в состав редколлегии журнала «ББИА онлайн», а затем и в редколлегию основного профессионального библиотечного журнала «Библиотекар». С 1992 по 1997 год заведовала кафедрой библиотековедения в Полувысшем институте библиотечного дела. В это время успешно защитила диссертацию на тему «Ячо Хлебаров как культурный деятель, организатор читалищного дела и библиотековед» (1993), стала соучредителем кафедры библиотековедения, библиографии и научной информации в Великотырновском университете «Святых Кирилла и Мефодия», преподавала там библиотековедческие дисциплины вплоть до 2013 года включительно. С 1988 года М. Младенова – член Международной ассоциации в Тунисе. В 1994–2013 годах она была заместителем главного редактора, а потом главным редактором «Трудов» Института библиотечного дела.

Как библиотековед широкого профиля, она читала самые трудные библиотековедческие курсы: «Сравнительное библиотековедение», «Библиотечные каталоги», «Классифицирование документов», «Организация и структура библиотечных фондов», «Библиотечная этика». Благодаря её активнейшему участию выпущены четыре болгарские энциклопедии, в них опубликовано в общей сложности 559 словарных статей! Её докторская диссертация имеет широкое общебиблиотековедческое звучание: «Библиотековедение в Болгарии с 1878 по 1944 г.» (2007).

Помимо обширного круга библиотековедческих вопросов, столь же широко М. Младенова разрабатывает вопросы библиографии: библиографической продукции, библиографо-информационной деятельности, философии библиографии, персональной библиографии и биобиблиографии видных болгарских личностей.

Ещё одна область её научных интересов – библиология. В отличие от российских книговедов, чьи труды она отлично знает (и, в частности, выступает в российских научных изданиях), библиологию она не считает комплексной наукой о книге или науке о книге и книжном деле. Библиологию, вслед за французскими коллегами, представителями отдельных центральноевропейских государств, она понима-

ет как «науку о письменных коммуникациях», постоянно расширяющуюся по мере развития информационных коммуникаций. В нашей стране к такому пониманию библиологии более других тяготеет А. В. Соколов. К слову, в своей монографии «Российские библиотеки в информационном обществе. Профессионально-мировоззренческое пособие» (2012) он выделяет фигуру М. Младеновой как выдающегося популяризатора болгарского опыта в других державах.

Как библиолог М. Младенова читает студентам специальности «Библиотечно-информационная деятельность» курс «Библиофильство», публикуя и по этой тематике множество статей.

Она известна в Болгарии и как мастер интервьюирования известных личностей. Она умеет найти интересные и острые вопросы, при ответе на которые интервьюируемый поворачивается к читателю самыми яркими гранями своего таланта, раскрывается как своеобразная и самоценная личность.

Биобиблиографическое пособие построено в целом по классическим канонам произведений такого рода. Основное его содержание предваряет обстоятельная статья доктора философских наук, профессора Ани Герговой «Всецело отданная библиотечной профессии, исследовательница с широким научным полем зрения, учёный по призванию и удивительной работоспособностью». За этим следует хронологическая таблица основных биографических событий, преподавательской и научной деятельности юбиляра и список её трудов. В нём выделены: диссертации, книги, этюды, статьи, доклады, рецензии, составленные автором библиографические пособия; редакторские и составительские труды; интервью – как взятые М. Младеновой, так и данные ею. Всего здесь зафиксировано 274 позиции, начиная с первых статей, появившихся в 1974 году, и кончая датой составления указателя – 2014-м годом включительно.

Следом дан список публикаций о Марии Младеновой, насчитывающий 67 названий. Вспомогательные указатели многоаспектны: это указатель имён, указатель публикаций автора в алфавитном, тематическом разрезах. Особо составлен указатель интернет-публикаций М. Младеновой и литературы о ней, перечень данных и взятых ею интервью. Новинкой для биобиблиографического жанра стал тематический указатель к персоналиям. Он существенно облегчает ориентировку в пособии.

Заключает биобиблиографический указатель подборка цветных иллюстраций выпущенных М. Младеновой книг, сборников и других трудов. О высокой культуре издания свидетельствует наличие резюме на русском и английском языках (к сожалению, слишком кратких, всего на полстранички).

В современном болгарском библиотековедении Мария Младенова открывает ряд самых выдающихся личностей. Российскому специалисту особенно отрадно отметить, что, внимательно следя за всем, что происходит в мировой библиологии (будем в данном случае пользоваться её термином), она ещё с советских пор уважительно относится к нашим научным разработкам и широко популяризирует их в Болгарии. Хочется пожелать ей доброго здоровья и дальнейших творческих свершений.

Литература

1. Аврамова А. Мария Младенова. Биобиблиография. – София : За буквите – «О письменехъ», 2015. – 195 с.: ил. – (На болг. языке).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ ШТУДИИ

10.01.00 – Литературоведение

СОЦИАЛЬНАЯ МИССИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЖЕНСКИХ ЖУРНАЛОВ XIX ВЕКА

Елена Юрьевна КОЛОМИЙЦЕВА,
доктор филологических наук, профессор, заведующая
кафедрой журналистики факультета медиакоммуникаций
и аудиовизуальных искусств Московского
государственного института культуры, г. Москва
e-mail: elenakolom@rambler.ru

В статье анализируются отечественные женские издания XIX века сквозь призму выполнения ими социальной миссии по воспитанию, образованию, организации жизни своей целевой аудитории. В позапрошлом столетии женские журналы были по-настоящему социально направленным общественным институтом: эти издания стремились просвещать, развивать, обучать свою читательницу, обогащая её внутренний мир, помогать ей в сложном деле рачительного ведения домашнего хозяйства, информировать о важных для жизни женщины событиях, а позже и приобщать к общественной деятельности, испытанию своих сил на ниве благотворительности и взаимопомощи. В течение XIX столетия представления о социальной миссии журналов трансформировались, но – по большому счёту – практически всегда они сопрягались с понятием социальной ответственности и общественного служения.

Ключевые слова: отечественные женские журналы, XIX век, социальная миссия.

SOCIAL MISSION OF NATIVE WOMEN'S MAGAZINE OF XIX CENTURY

E. Yu. Kolomiitseva, Full Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of journalism, Faculty of Media and Audiovisual Arts (MAIS), Moscow State Institute of Culture
e-mail: elenakolom@rambler.ru

The article analyzes the domestic women's edition of the XIX century in the light of the performance of a social mission of education, training, the organization of life of its target audience. In the nineteenth century, women's magazines were truly socially oriented public institution: first of all, these publications have sought to educate, develop, educate their readers, enriching it with the inner world, to help her in the difficult task of prudent housekeeping, inform about important for a woman's life events and later joined to the social activities, test their strength in the field of charity and mutual aid. During the

XIX century the idea of the social mission of the log transformed, but—by and large—almost always they match with the concept of social responsibility and community service.

Key words: native women's magazines, XIX century, social mission.

Сегодня, во времена победившего во всех сферах действительности рынка, постановка вопроса о социальной миссии журналистики по-настоящему, а не «для галочки», важна и своевременна. Понятию «социальная миссия» даётся множество общих и конкретных трактовок специалистами самых разных областей. Обратимся к авторитетным журналистским высказываниям об этом. По результатам научно-практической конференции «Журналистика в 2012 году: социальная миссия и профессия», прошедшей на факультете журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, был выпущен сборник статей и специальный номер журнала «Медиатренды», где читаем: «Под миссией в профессиональной деятельности понимается деятельность, направленная на благо других; какая-либо ответственная роль или задание; призвание, волею судьбы назначенная деятельность» [3]. Известный исследователь и теоретик журналистики М. В. Шкондин на «круглом столе» в Оренбурге сказал: «Социальная миссия журналистики многослойна: образовательная, просветительская миссии, миссия, связанная с формированием и реализацией политики. Роль журналистики не сводится к чему-то одному, она многофункциональна и ведёт к освоению мира» [1]. Опираясь на эти суждения, попробуем обратиться к истории журналистики, там поискав ответы на актуальные вопросы. Наши поиски сосредоточатся на особой нише отечественной периодики – журналах для женщин от момента их возникновения до начала XX века.

Словосочетания «женский журнал», «женская пресса» – это названия, не претендующие на термин, во многом спорные, тем не менее они наиболее точно обозначают особый тип СМИ с определённой целевой аудиторией, проблематикой, структурой. Женская пресса, несмотря на своеобразие, развивается в общем русле периодической печати, соответствует общим её параметрам. Более того, на современном этапе это один из наиболее динамично развивающихся сегментов журнальной индустрии, в котором сосредоточены существенные рекламные бюджеты. Запросы читательской аудитории стали основной причиной появления на информационных рынках многих развитых стран за последние годы значительного количества разнообразных женских изданий. Причём, как отмечает Л. Г. Свитич: «Женская аудитория по структуре так же многоуровневая и многоплановая, как аудитория в целом: в ней есть разные возрастные группы, группы по профессиональным занятиям, типам интересов и т.п.» [7, с. 158]. Не менее важно и целевое назначение изданий, складывающееся с учётом предпочтений этой аудитории. При этом целевое назначение «вовсе не предполагает обособления женской аудитории, замкнутости в строго очерченных рамках узких “кастовых” интересов. Но женщины должны иметь свою трибуну, своего собеседника и помощника, которые позволяют аккумулировать те элементы их бытия, которые возникают и распространяются в повседневности, становятся более или менее заметными на общем фоне» [7, с. 159].

Прямое отношение к социальной миссии имеют те функции, которые издания выполняют для читателя. Для женской прессы они актуализируются, имея свою специфику:

- *познавательно-аналитическая функция* – способствует осмыслению аудиторией не только единичных событий и фактов действительности, но и более глубокого, сущностного познания – на уровне особенного и всеобщего – тех или иных явлений и процессов действительности, ведущих к теоретическому освоению аудиторией положения женщин в обществе;
- *функция выработки мировоззренческой позиции* – формирование и выражение мнений женской аудитории по поводу тех или иных проблем жизни женщин;
- *культурно-образовательная функция* – обогащение внутреннего мира женщины как самоценной личности достижениями культуры, развивающими её эстетический вкус, воспитывающими её на образцах общемировой культуры;
- *рекламная функция* – информирование женщин о предлагаемых для них на рынке товарах и услугах;
- *рекреативная функция* – способствование созданию условий для отдыха женщин, интересного проведения досуга, снятия усталости и напряжения, восстановления и укрепления психического здоровья;
- *организационно-поведенческая функция* – создание на страницах женских изданий моделей поведения, конкретных действий женщины для осуществления той или иной из многочисленных ролей, а также моделей поведения, планов конкретных действий для различных женских групп (возрастных, этнических, региональных, профессиональных и т.п.);
- *непосредственно организаторская функция* – связана с «выходом» женских изданий на различные социальные институты в своих публикациях [8].

На современном этапе развития рынка СМИ женские журналы ориентируются на определённые слои аудитории, сегментированные с учётом традиционно установившихся семейных ролей женщины (жены, матери, хозяйки); популярных женских профессий (медсестры, секретари, бизнес-леди и другие); духовных интересов (религиозные женщины, образованные и другие); социальных факторов, направленных на улучшение собственного положения (феминистки); с учётом возраста (женщины и девушки), обеспеченности (женщины со средним и высоким достатком) и т.д. Каждый сегмент по-своему видит и выполняет социальную миссию, и корни этого явления кроются в том числе и в истории отечественных женских журналов.

Сегодня при упоминании словосочетания «женские журналы» у большинства слушателей появляется ассоциация с женским «глянцем», который, по сути, является продуктом маркетинговой коммуникации и к качественной журналистике имеет отношение весьма опосредованное. Однако когда-то, на заре возникновения периодики для женщин, подобные издания выполняли прежде всего просветительскую, дидактическую, социально ориентирующую функции.

Начальный этап существования женской периодики – с 1779 года до середины XIX века – не дал большого количества изданий, но заложил главные типологические характеристики будущей прессы для женщин. Первый женский журнал открылся в 1779 году: «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета», которое было основано Н.И. Новиковым. Главной его миссией было просвещение соотечественниц. Руководствуясь такими просветительскими целями и считая, что литература и периодика играют важнейшую роль в воспитании,

Н. И. Новиков впервые постарался привлечь к чтению ещё одну группу населения – женщин, полагая, что соответствующая потенциальная аудитория уже сформировалась: появились дамы, разбирающиеся в науках и искусствах, писательницы, поэтессы, переводчицы. Журнал имел ярко выраженную дидактическую направленность, отсюда обилие в нём материалов назидательного характера. Поэтому и заявленным в названии «модам» внимание уделялось своеобразным способом: автор осуждал чрезмерное поклонение одежде, и прилагающиеся к каждому номеру модные картинки были подписаны с заметной иронией – «Щеголиха на гулянье», «Нынешняя уборка по прихоти», «Чепец победы» и т.д. Это было не столько демонстрация модных туалетов, сколько возможность привлечь внимание аудитории дизайном журнала.

В 1791 году появился и первый отечественный журнал, посвящённый непосредственно вопросам моды и переводным рассказам о жизни разных городов, – «Магазин аглинских, французских и немецких новых мод, описанных ясно и подробно и представленных гравированными на меди и иллюминированными рисунками; с присовокуплением описания образа жизни, публичных увеселений и времяпровождений в знатнейших городах Европы; приятных анекдотов и пр.». Так обозначилось второе направление развития женской прессы – мода, рукоделие и «стиль жизни».

В первой половине XIX века женские журналы начали дифференцироваться по целевому назначению, частью которого как раз и являются представления о социальной миссии, назначении издания, которые исповедовала редакция. Так, стали появляться новые литературные женские журналы – «Журнал для милых» (1804), «Кабинет Аспазии» (1815) и другие. Такие издания были прежде всего просвещающими, воспитывающими, чуть позже реализовав и развлекательную функцию. При этом на всём протяжении своего развития они вписывались в общий литературный процесс, который в конце XVIII – первой половине XIX века неуклонно двигался от трансформирующегося классицизма и сентиментализма к романтизму. Путём отбора литературных материалов такие издания формировали культурный уровень, мнение, взгляды читательниц. Поскольку в их потенциальную аудиторию могли войти лишь образованные женщины, интересующиеся вопросами литературы, истории, философии, то на страницах этих журналов появлялись именно такие представительницы прекрасного пола, преимущественно из древней истории. Структура журналов включала отделы прозы, поэзии, науки, что придавало им несколько элитарный характер и требовало от издателей тщательной работы над текстом. Кроме того, в это время в женском журнале впервые появилась публицистика и с тех пор начала занимать значительное место в прессе, предназначенной женщинам.

Универсальные по характеру информации издания стремились обогатить свою читательницу сведениями из самых разных сфер действительности. В 1803 году появился журнал «Московский Меркурий» (1803) П. И. Макарова, аттестуемый как «литературный журнал с модами», где издатель попытался разнообразить информацию за счёт попытки организации отдела критики.

В 1816 году начал выходить «Модный вестник» (1816) (издатель П. Зубов). Этот журнал состоял из двух больших частей: литературной, где помещались дамские повести, рассказы и стихи, и раздела моды, где описывались последние новинки

одежды из Парижа, Вены, Лондона. Примечательно, что статьи о моде здесь подавались как основные и располагались на первых страницах.

С 1823 года один из соиздателей «Журнала для милых» П. И. Шаликов стал выпускать собственный «Дамский журнал», выходивший затем в течение 10 лет (1823–1832). До этого у князя Шаликова был опыт издания журнала «Аглая» (1808–1812). В «Дамском журнале» раздел «Литература» поддерживал пришедшее на смену сентиментализму романтическое направление, а в отделе «Мода» помещались обзоры новинок, сопровождавшиеся цветными картинками, корреспонденции из Парижа о модных нарядах, аксессуарах, предметах быта. В этом же журнале впервые появился полноценный раздел «Критика», который включал в себя светскую хронику с описанием культурной жизни Москвы (праздники, музыкальные вечера, балы), небольшие рецензии на новые книги, концерты, журналы (например, доброжелательная оценка альманаха «Полярная звезда»), литературоведческие статьи. Здесь же впервые в женском издании начали обсуждаться вопросы о назначении женщины, о её роли в обществе. Также впервые Шаликов ввёл рубрику «К благотворителям», в которой читательницам сообщались адреса нуждающихся людей, которым они могли бы помочь.

В 1829 году издатель С. Раич (Амфитеатров) выпустил «еженедельный журнал литературы, новостей и мод» «Галатей» (1829–1830), где публиковал собственные переводы прозы, критику, а в поэтический отдел привлёк Пушкина, кн. Вяземского, Баратынского и других. Издание сопровождалось цветными картинками.

Одним из редких журналов-«долгожителей» стал журнал «Ваза» (1831–1884), иллюстрированное издание, открывшееся как «журнал шитья, вышивания, домашней экономии, сельского и городского хозяйства» и редактировавшееся женщинами (в разное время Е. Ф. Сафонова, Ж. К. Гедеонова, Б. И. Сестрженцевич-Богуш). В разделе «Модные новости» он представлял парижскую и петербургскую моду, обзоры одежды, тканей, магазинов, этикета моды («Домашний наряд», «Визитный наряд», «Детский наряд»). Раздел «Работы и рукоделия» предлагал своим подписчицам различные работы для вышивания, при этом по почте вместе с журналом можно было получить выкройки и материалы: канву, шерсть, шёлк, кисею, кружево, – это делалось для привлечения читателей. Существовал и специальный отдел для советов по ведению домашнего хозяйства под названием «Полезные сведения». С 1858 года направленность издания изменилась: «Ваза» становится ещё и литературно-художественным журналом светских новостей.

Изменение в первой половине XIX века аудитории женской прессы способствовало появлению нескольких специальных журналов, посвящённых рукоделию и домашним хлопотам, – «Журнал разного рода шитья и вышивания» (1838–1841), «Гирлянда. Журнал новейших образцов для шитья, вышивания на канве и тамбуре, выкроек и узоров» (1846–1860), «Магазин женского рукоделия» (1847–1857), «Дамский альбом рукодельных работ» (1855–1856). Издатели этих журналов видели своей задачей практическую помощь женщинам в прикладных вопросах.

Несколько особняком стояло возникшее в 1850 году женское издание с образовательной направленностью – «Лучи» (1850). Журнал был ориентирован на молодых читательниц из светского общества и целевым назначением полагал, во-первых, развлекать и приносить удовольствие, во-вторых, нести просвещение и обогащать знаниями, в-третьих, воспитывать нравственные устои. Этим обу-

словлена особая универсальность тематики: издание объединяло литературное и хозяйственно-практическое направления. Помимо традиционных литературного и рукодельного отделов, здесь был открыт отдел науки и библиографии, где читательницам в доступной форме сообщались сведения по ряду серьёзных тем: «Как произошла химия», «Общий взгляд на вселенную», «Составные части цветов», «Шиллер» и другие. Основным автором таких статей был В. Верещагин. Также публиковались рецензии на литературные произведения, преимущественно нравственно-воспитательного и церковно-религиозного характера. По замечанию современной исследовательницы, «журнал поощрял чтение хороших книг и выступал против суетных развлечений света» [6, с. 260].

Во второй половине XIX века усилилось количественное и качественное представительство универсальных изданий, они стали самыми массовыми и востребованными, а информация в них, идя навстречу ожиданиям читательниц, становилась всё более и более разнообразной. Журналы «Северный цветок» (1857–1860), «Модный магазин» (1862–1883), «Модный свет» (1868–1883), преобразованный затем в «Модный свет и модный магазин» (1883–1905), «Русский базар» (1863–1866), «Новый русский базар» (1867–1894) имели в своей структуре отделы литературы, публицистики, библиографии, хроники, где помещались светские и театральные новости. Обязательные хозяйственные отделы содержали советы по домоводству, уборке дома, ведению домашнего хозяйства, кулинарные рецепты, а отделы мод и рукоделий знакомили с зарубежными и отечественными образцами одежды, причёсок, вязания, вышивки и т.п. Под влиянием общественно-политической ситуации в журналы всё активнее проникала информация о женском общественном движении.

Здесь следует отметить, что в середине XIX века под влиянием различных внутрижурналистских (интенсивная социализация журнальной периодики) и внешних факторов (политических и экономических) в женской прессе произошли определённые изменения. В России начало активно развиваться женское движение, зародился отечественный феминизм, что не могло не сказаться на формировании периодики для женщин: литературный журнал постепенно эволюционировал в литературно-общественный («Рассвет» (1859–1862), «Женский вестник» (1866–1868), «Друг женщины» (1882–1884)). Хотя, думается, вполне правомерно назвать такие издания общественно-политическими, с традиционными для такого рода прессы функциями, но с ориентацией на особую аудиторию – женскую.

В данной журнальной периодике актуальным стал новый женский образ умной, образованной, самостоятельной женщины. Издания уже не ограничивались задачей воспитания аудитории, их миссия – изменение менталитета читательниц, пропаганда ценностей женского движения, консолидация женщин, призыв их к активной гражданской позиции. Этой задаче отвечала и обновлённая структура: основными её элементами стали отделы словесности, истории, землеописания, естествознания, изящных искусств, педагогики, библиографии, писем. Главные темы: популяризация научных знаний, освещение и интерпретация важных для женщин социальных событий, воспитание детей, женское образование, труд женщин. Особенно много появилось информации о женском движении.

Следует подчеркнуть, что проблемы женского образования стали настолько болезненны и актуальны в исследуемый период, что инициировали появление

специальных журналов, посвящённых данной проблематике. В 1872 году начал выходить журнал «Педагогический листок С.-Петербургских женских гимназий» (1872–1875), призванный «содействовать ознакомлению общества и родителей с тем, что, как и для чего делается в школе» [7] и преобразованный затем в «Женское образование» (1876–1889). Его издателем и редактором стал В. Д. Сиповский. Появление подобного издания было обусловлено временем: к середине 1870-х годов число женских гимназий в России в общей сложности с прогимназиями превосходит число соответствующих мужских заведений.

Программные статьи «Женского образования» несли концептуальную для издания мысль о том, что «без образования женщин нет народного образования, а без народного образования нет и не может быть истинной свободы, как в нравственном, так и в гражданском смысле этого слова» [2, с. 191]. Журнал включал в себя несколько разделов: «Отдел официальный», где публиковались программы и всевозможные документы, «Отдел неофициальный» с различными статьями, «Педагогическая хроника», «Библиография».

Одной из важнейших задач журнал считал информирование читателей о новостях в области женского образования, например об открытии Высших женских курсов в Москве, женских учительских школ в Твери, педагогических музеев, о проведении конгрессов и т. д. Особое место занимало освещение проблем медицинского обучения.

Ещё одним журналом подобной направленности стал вышедший в 1894 году в Санкт-Петербурге (издатели А. П. Пешкова-Толиверова и В. П. Воленс) специальный педагогический журнал для женщин «На помощь матерям» (1894–1904), представленный как «педагогическое издание, посвящённое вопросам воспитания детей дошкольного возраста».

Основу журнала составляли статьи о воспитании и образовании детей («О задачах материнского воспитания» (1894, № 1), «Письмо к матерям семейства» (1895, № 1) и другие), библиография педагогической и детской литературы («Обзор педагогических сочинений для матерей» (1895, № 4)), статьи, содержащие практические советы по уходу за детьми, описания игр, физических упражнений, сообщения о деятельности родительских кружков, детских яслей и садов. Публикации подобных материалов способствовало ещё и то, что женщина-мать теперь мыслилась ещё и образованной женщиной, которая занимается самосовершенствованием, что неизменно должно положительно сказаться на семейном быте и проблемах воспитания [4].

Вместе с тем, под влиянием всё возрастающего интереса к так называемому женскому вопросу и споров вокруг роли и положения женщины в обществе, издание считало необходимым освещать деятельность женского движения, всё более и более расширяя присутствие такой информации на своих страницах.

Однако во второй половине XIX века всё же большую часть женской читательской аудитории интересовали те издания, где, помимо «серьёзной» информации, присутствовали материалы развлекательного и прикладного характера, поэтому именно такие журналы преобладали в количественном отношении в данный период. Среди них «Дамский альбом рукодельных работ», издававшийся М. Станюкевич в середине 1850-х годов; журнал «Сандрильона» (1857–1859), который особенно ценили за красивые иллюстрации и полезные советы; «Монитор. Журнал для дам и девиц, посвящённый женскому хозяйству, рукоделиям и модам»

(1860–1861), выходивший под руководством талантливого редактора Марии Ковалевской; «Русская хозяйка» (1861–1862), «Модные выкройки» (1872–1882); журнал «Женские работы» (1872–1874), издатель Елизавета Сафонова; «Моды и рукоделия» (1875–1880), издательница-редактор Елизавета Ананьева; «Аврора» (1875–1878), женский рукодельно-модный, хозяйственный, иллюстрированный журнал, издававшийся Стефанией Лепковской и редактировавшийся Ольгой Миропольской и Клеопатрой Заикой; «Женский труд» (1880–1882), «Вестник моды» (1885–1916), «Венский шик» (1899–1908), «Модный курьер» (1910–1910).

Таким образом, с момента возникновения и на протяжении всего XIX века, несмотря на дифференциацию и усложнение типологии, отечественные женские журналы в целом мыслили свою социальную миссию в параметрах «разумного, доброго, вечного». Прежде всего эти издания стремились просвещать, развивать, обучать свою читательницу, обогащая её внутренний мир, помогать ей в сложном деле рачительного ведения домашнего хозяйства, информировать о важных для жизни женщины событиях, а позже и приобщать к общественной деятельности, испытанию своих сил на ниве благотворительности и взаимопомощи. Даже в так называемых модных изданиях преобладал прикладной аспект (сделать своими руками, создать самой и т.п.), что, конечно, не имеет ничего общего с современной пропагандой неуёмного потребления и чуть ли не еженедельного обновления гардероба. В течение XIX столетия представления о социальной миссии журналов, безусловно, трансформировались, но – по большому счету – практически всегда они сопрягались с понятием социальной ответственности и общественного служения.

Литература

1. Арутюнян Э. Не врать. Социальная миссия журналистики [Электронный ресурс] // Оренбургская неделя–Online : [веб-сайт]. – Электрон. дан. – 2013. – 11 апреля. – Режим доступа: <http://www.onlineon.ru/2013-04-11/article/7988/>
2. Женское образование. – 1876. – № 1–2.
3. Журналистика: профессия или социальная миссия? [Электронный ресурс] // Медиатренды. Выпуск № 38 : [веб-сайт]. – Электрон. дан. – 29.03.2013. – Режим доступа: <http://www.journ.msu.ru/about/mediatrends/7469/?print=Y>
4. Литвинова Е. К вопросу о самообразовании матерей // На помощь матерям. – 1901. – № 6. – С. 233–238.
5. От редакции // Педагогический листок С.-Петербургских женских гимназий. – 1872. – № 1. – С. 2.
6. Скобло Е. В. Эволюция женской периодики в дореволюционной России // Литературоведение и журналистика : межвузовский сборник научных трудов / [редкол.: Е. Г. Елина (отв. ред.) и др.]. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000.
7. Типология периодической печати : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 030601 «Журналистика» / [М. Е. Аникина и др.] ; под ред. М. В. Шкондина, Л. Л. Реснянской. – Москва : Аспект Пресс, 2007. – 234, [2] с. табл.
8. Ямпольская Р. М. Женская пресса: основные проблемно-тематические направления // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 1997. – № 4. – С. 3–15.

СУД НАД АРМАВИРСКИМИ ПОГРОМЩИКАМИ 1905 ГОДА: СПЕЦИФИКА ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «РУССКОЕ СЛОВО»

Николай Игоревич КРИЖАНОВСКИЙ,
кандидат филологических наук, доцент кафедры
отечественной филологии и журналистики филологического
факультета Армавирского государственного
педагогического университета, г. Армавир
e-mail: nicolaykri@mail.ru

В статье проявлена специфика публицистической репрезентации суда над армавирскими погромщиками 1905 года в публикациях газеты «Русское слово». Автор приходит к выводу, что материалы газеты «Русское слово» по своей направленности либерально-революционны, содержат ярко выраженную экспрессивность, негативное содержание которой направлено на отображение обвиняемых (погромщиков) и их защитников. В целом публикации проявляют антимонархическую направленность редакционной политики газеты и во многом интонационно совпадают с материалами, которые публиковала армавирская газета «Отклики Кавказа».

Ключевые слова: публицистическая репрезентация, газета «Русское слово», армавирский погром, антимонархическая направленность, судебный репортаж.

THE TRIAL OF ARMAVIR POGROMS OF 1905: THE PECULIARITY OF JOURNALISTIC REPRESENTATION IN THE NEWSPAPER "RUSSIAN WORD"

N. I. Krizhanovsky, Ph.D. (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Philology and Journalism, Armavir State Pedagogical University
e-mail: nicolaykri@mail.ru

In article shown the specificity of the journalistic representation of the trial of Armavir pogroms of 1905 in the publications of the newspaper "Russian word". The author comes to the conclusion that the publication of the newspaper "Russian word" in their focus due to the liberal revolutionary ideas, contain pronounced expressivity, negative content is directed to the display of the accused (thugs) and their defenders. In General, publications show an anti-monarchist orientation of the editorial policy of the newspaper and intonation coincide largely with materials published in Armavir newspaper "The Responses of the Caucasus".

Key words: journalistic representation, the newspaper "Russian word", Armavir pogrom, an anti-monarchist orientation, court reporting.

Большое место в сентябрьских номерах газеты «Русское слово» за 1911 год было отведено сообщениям о судебном процессе в Армавире по делу участников погрома 1905 года, направленного против местной интеллигенции. Погромы в 1905 году прокатились практически по всей России сразу после принятия Мани-

феста от 17 октября 1905 года. О причинах, событиях и последствиях погромов существует достаточно большой корпус научных работ. На наш взгляд, наиболее значимыми среди них являются исследования В. Кожина, С. Степанова, И. Нарского, Р. Ганелина, Д. Раскина, Т. Шукшиной [см.: 6; 9; 12; 16; 17; 18].

Подробное репортажное освещение армавирского погрома на протяжении семи номеров (№ 212–218) свидетельствует о серьёзном внимании как редакции самой газеты, так и российской общественности к судебному процессу в Армавире. Как нам представляется, особо значимым для редакции либерального «Русского слова» был тот факт, что на скамье подсудимых оказались именно защитники монархии, ставшие погромщиками в трагические дни осени 1905 года. Подробные репортажи публиковались в газете на следующий день после заседания. По объёму материалы насчитывали от 60 до 300 газетных строк (до двух столбцов на всю газетную полосу), размещались отдельно от остальных публикаций с собственным повторяющимся заголовком «Армавирский погром» и подзаголовком «(По телеграфу от нашего армавирского корреспондента)». Все публикации входили в большой новостной блок сообщений, размещавшийся, как правило, на четвёртой странице газеты.

Первая публикация от 16 сентября 1911 года начиналась с небольшого материала о слушании дела о погроме 1905 года, «направленном против местной интеллигенции» [1]. Корреспондент сообщал должности и фамилии некоторых, наиболее известных и уважаемых пострадавших в те трагические дни: член первой Государственной думы Лунин, адвокаты Рицк, Зиновьев, Богданович, врачи Кудрявцев и Данциг, нотариус Мазарек, провизор Вильде, судебный следователь Чареков, прокурор Рехтлих, судебный пристав Закржевский. Далее помещены общие сведения о процессе: количество убитых в 1905 году – 8 человек, привлечённых к делу в качестве свидетелей – около 200, пострадавших – 57, обвиняемых – 73. Были названы также фамилии защитников обвиняемых и гражданских истцов пострадавших. Так заканчивается первая часть публикации, где журналист использует репортажный приём повествования, употребляя глаголы настоящего времени в рассказе о свершившихся событиях.

Во второй части материала за 16 сентября автор (он для нас остался неизвестным), в целом следуя законам жанра репортажа, обозначает место проведения судебного процесса – помещение общественного клуба, изображает его особенности, карикатурно показывает подсудимых и их защитников, затянувшееся из-за неявки «участвующего в составе суда мирового судьи» [1] начало процесса.

В первом репортаже об армавирском погроме, как, впрочем, и в последующих публикациях на эту тему, проявляется стратегия речевого поведения репортёра: во-первых, журналист стремится писать иронично и занимательно, собирая и обрисовывая наиболее яркие факты, оригинальные детали, обращая внимание на внешний вид присутствующих на процессе людей; во-вторых, автор всецело симпатизирует стороне истцов-пострадавших. Причём отношение к подсудимым и их защитникам проявляется именно через описание их внешности и поступков.

Так, при описании зала, не приспособленного для судебного заседания, ирония «хлещет через край»: «... вся обстановка суда имеет совсем необычный вид. <...> При открытом занавесе над головами судей красуются лира и резвящиеся амуры. Редкое единение Фемиды, Терпсихоры и Мельпомены!» [1].

Изображение главного защитника подсудимых – Сырокомли-Сопоцько – также карикатурное, ироническое: «На вид этому “студенту” лет 35. Он высокого роста, в дымчатых очках, рыжая борода тщательно расчёсана на обе стороны. Костюм для защитника довольно необычный. Вышитая малороссийская рубаха, рейтузы гвардейского типа заправлены в смазные сапоги, на груди – георгиевский крест и “союзнический” значок» [1]. Такой несуразный вид человека, выступающего в роли адвоката, «бросает тень» и на тех, кого он защищает. Тем более что приведена объединяющая их деталь: «союзнический» значок, то есть значок «Союза русского народа», есть и у подсудимых, которые названы «громилами».

Авторское негативное отношение к подсудимым и их защитникам не впрямую, но проявлено в тексте. Один из активных «погромщиков», Дернилович, обрисован так: «Главный герой погрома, Дернилович – здоровенный детина, заставивший о себе говорить известным вызовом на поединок П. Н. Милюкова» [1]. Здесь что ни фраза в корреспонденции – то шедевр. Оксюморон «герой погрома», дополненный словом «главный», и фразеологизм «здоровенный детина» – ироничные оценочные выражения. Упоминание истории с Милюковым – отсылка к известному полуанекдотичному и растиражированному в печати факту – вызову на дуэль на кулаках П. Н. Милюкова армавирцем А. К. Дерниловичем [8].

Пристрастность корреспондента проявляется и в последующих номерах, содержащих рассказ о событиях в Армавире. Так, он «смакует» и с иронией обрисовывает случившийся на второй день процесса инцидент – заявленный товарищем прокурора отвод защитника подсудимых Сырокомли-Сопоцько по причине того, что он студент [2]. Карикатурно и с характерным утрированием недоброжелательства к инородцам изображены в репортаже представители «погромщиков».

Автор материала в «Русском слове» вольно пересказывает обвинительный акт [2], опираясь на частичную его публикацию в газете «Отклики Кавказа» (№ 205–206 за 1911 год), кое-что добавляя от себя и кое-что опуская. Обратимся к некоторым отступлениям от начальных сведений, оглашённых на судебном заседании. Во-первых, в «Откликах Кавказа» и в «Русском слове» сторонники монархии названы «консервативными» и «тёмными силами». Но в московской газете к этим «терминам» добавлено словосочетание «черносотенные ораторы». Однако само определение «черносотенные» к ораторам октября 1905 года едва ли применимо: таковые организации были образованы позднее, после октябрьских событий. На наш взгляд, главной задачей журналиста в этом отношении была необходимость связать факт погрома с так называемыми «черносотенцами». Во-вторых, автор «Русского слова», видимо желая «сгустить краски», опускает тот факт, что 18 и 19 октября, после получения царского Манифеста, в Армавире было проведено несколько очередных революционных митингов и демонстрация, на которых ораторы (и в первую очередь В. И. Лунин) высказывались против царя, выступали за свержение монархии, говорили о необходимости введения политической свободы и конституции. Манифестации консервативных сил стали лишь ответом на эти события. В-третьих, журналист «Русского слова» на основании публикации материалов обвинительного акта дописывает реплику сторонников монархии, несколько иначе опубликованную в армавирской газете. Так, в «Откликах Кавказа» [13], опубликовавших обвинительное заключение, не было упоминания слов «братцы» и «крамольников», помещённых в «Русском слове»: «Отслужим, брат-

цы, молебен, прочтём на площади манифест, вызовем войско с музыкой и пойдём бить крамольников» [14]. В-четвёртых, в московской газете практически ничего не сообщается о вооружённых отрядах самообороны, организованных сторонниками В. И. Лунина. Именно они 23 октября, когда толпа подошла к дому Лунина, первыми пролили кровь, стреляя в возмущённых, но безоружных людей. Приведём полностью отрывок из обвинительного заключения, опубликованный в «Откликах Кавказа»: «Толпа двинулась к дому В. И. Лунина. Впереди шли мальчишки, которые кричали “идём к Лунину обедать”. Подойдя ближе, громили пять раз “бросались в атаку” с криками “ура, взять их, бить их”, и каждый раз толпу отбивали находившиеся в доме Лунина члены самообороны (это самое загадочное место обвинительного заключения. Непонятно, как нападали погромщики и как отбивались члены самообороны.— Н. К.). Во дворе Лунина появилось около пятидесяти членов самообороны с револьверами в руках, которые, желая напугать толпу, стали стрелять вверх. После первых выстрелов в толпе упали два мальчика, но затем поднялись и плача ушли, жалуясь, что их ранили» [14]. Исходя из этого описания можно предположить, что зверства толпы были, скорее всего, ответной реакцией на многочисленные выстрелы участников самообороны (как сообщается в этой же публикации, их было около 150 человек, вооружённых револьверами) в сторону безоружных манифестантов и ранения некоторых из них [см.: 13; 14]. Замечателен ещё один факт: именно после попытки отогнать толпу выстрелами количество погромщиков значительно увеличилось: «Стрельба продолжалась около одной минуты; от выстрелов стоял сплошной треск. На выстрелы со всех сторон стал сбегаться народ, и скоро образовалась толпа в тысячу человек» [14]. Возможно, именно это послужило причиной дальнейших трагических событий: к манифестантам могли присоединиться все, кто желал поживиться за чужой счёт.

Рассказ о четвёртом дне заседания открывается фразой, в которой автор делает попытку сформулировать причину погрома: «Из показаний свидетелей всё более и более выясняется, что не классовая, племенная или сословная рознь вызвала армавирский погром. Вместе с тем, устанавливается несомненность организованности этого погрома, его планомерность» [4]. Интересно, что в приведённом нами отрывке используется отрицательная конструкция, позволяющая умолчать об основной причине событий. Однако речевая стратегия автора материалов о судебном разбирательстве в Армавире (как, впрочем, и стратегия самих истцов) направлена и на то, чтобы одной из главных причин погрома было названо бездействие власти (см. статьи в газете «Отклики Кавказа» за 1911 год в № 205–214). Наводящие на эту мысль аргументы присутствуют в материалах, опубликованных в «Русском слове» в номерах 215 (приводятся слова доктора Кудрявцева, свидетельствующие о том, что именно личные указания атамана генерала Воронянского стали основной причиной жертв и грабежа во время погромов) и 216 (по словам свидетеля и пострадавшего Демяника, истинным «попустителем» погрома является именно генерал Воронянский).

На наш взгляд, достаточно взвешенно и аргументированно причины многочисленных погромов, прокатившихся по территории практически всей Российской империи и захвативших Армавир, осмысляет Т. А. Шукшина. По её мнению, насилие и погромы стали «моментальной реакцией народной культуры» [18, с. 24] на изменения в общественной жизни. Взаимное непонимание «левых» и «правых»

«было результатом существенного различия их культурных установок» [18, с. 24]. Сами волнения 1905 года, охватившие многие регионы, стали, как считает Шукшина, «индикатором существовавшего в России культурного многообразия, которое вылилось в экстраординарных условиях в открытый радикальный конфликт» [18, с. 25]. Для нас важно, что исследователь осмысляет именно погромы октября 1905 года, поскольку погромы 1903 и других годов часто имели иные причины (экономические, социальные, идеологические).

Автором корреспонденций «Русского слова» используются и косвенные аргументы, для того чтобы очернить власть и доказать её причастность к организации и поддержке погромов. Так, в № 213 в состав материала о погроме включено известие: «Ночью в квартиру одного из представителей гражданских истцов, помощника прис. пов. г. Либермана, неожиданно явилась полиция с требованием представить удостоверение на право жительства в Армавире. Либерман представил полиции для обозрения свой университетский диплом и тем успокоил пристава» [3]. Подобное известие в составе сообщения о погроме наталкивает на мысль о пристрастном отношении властей к стороне истцов. В № 216 автор попутно использует возможность бросить тень и на церковь. По его словам, свидетель Демяник говорил о том, что по Армавиру разнёсся слух, будто «на погром из Ростова-на-Дону прибыло в Армавир 50 подозрительных субъектов», которых разместили «по гостиницам и в монастыре» [5].

О том, на чьей стороне газета «Русское слово», свидетельствуют биографии некоторых участников армавирского судебного разбирательства со стороны истцов. Например, Григорий Кондратьевич Демяник, потомственный черноморский казак, увлечшийся революционными идеями ещё в период обучения в гимназии. Историки отмечают, что значительную роль в формировании революционных симпатий Демяника сыграл прочитанный в юности роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Во время учёбы на физико-математическом факультете Петербургского университета сблизился с народовольцами, участвовал в печати и распространении подпольной литературы. Был несколько раз арестован за связи с революционерами, отбывал в конце 1880-х – начале 1890-х годов ссылку в Вологодской губернии. После ссылки жил в Кубанской области, был частным поверенным в Екатеринодаре и Армавире. Как свидетельствуют исторические источники, Г. К. Демяник до революции не прерывал подпольной революционной работы, принимал деятельное участие в работе армавирского «Общества попечения о детях». А в 1905 году стал одним из организаторов самообороны революционно настроенной интеллигенции в Армавире [7]. В 1910-е годы Г. К. Демяник был членом партии социалистов-революционеров (эсеров) и с преобразованием Армавира в город стал депутатом Первой городской думы Армавира.

Студентом Петербургского университета, а впоследствии московской Петровско-Разумовской академии был известный армавирский общественный деятель Виктор Игнатьевич Лунин. Живя студентом в Москве, Лунин «пользовался покровительством» Н. Г. Чернышевского, работал его секретарём и, как он пишет в автобиографии, «кормился в его семье и получал от него работу в качестве переписчика и корректора» [11, с. 7]. За связи с революционным подпольем Лунин в молодости отсидел один год и семь месяцев в Петропавловской крепости как участник Нечаевского процесса, но был оправдан судом и освобождён. Лунин

был активным деятелем социал-демократического толка. В 1906 году, когда Лунин являлся известнейшим в Армавире и, пожалуй, на всей территории востока Кубанской области общественным деятелем, его избрали в состав первой Государственной думы. После её роспуска Виктор Игнатьевич подписал Выборгское воззвание, за что был приговорён к трём месяцам тюрьмы и лишён избирательных прав. В 1912 году в административном порядке Лунин был выслан «из пределов кавказского края на три года» [11, с. 24]. По своим политическим убеждениям В. И. Лунин был «трудовиком», близким к социал-демократам. Он активно поддерживал идеи Первой русской революции и развития конституционных свобод.

Врач Пётр Григорьевич Кудрявцев, бывший также на судебном процессе в качестве пострадавшей стороны, после 1905 года вступает в партию кадетов. Он избирается депутатом во вторую Государственную думу и входит в Конституционно-демократическую фракцию и Казачью группу [10].

Следует признать, что именно деятельность Лунина и его сподвижников во многом способствовала развитию Армавира как культурного и просветительского центра на востоке Кубанской области. При этом Лунин и его окружение на протяжении долгого времени пропагандировали революционные идеи и распространяли революционные настроения в Армавире и во многом своими действиями осенью 1905 года способствовали тому трагическому событию, которое мы называем «армавирский погром».

К сожалению, журналист «Русского слова», в силу своих убеждений, упускает из виду один из главных мотивов «погрома» – культурный конфликт, а также то, что превратило безоружных людей в озверевшую толпу и отчасти явилось началом кровавых событий, – выстрелы в патриотическую манифестацию участников так называемой «самообороны» (мы ни в коей мере не снимаем ответственности за бесчинства с погромщиков).

Автор корреспонденций из Армавира не акцентирует внимания на том факте, что процесс заканчивается оправданием значительной части подсудимых. Из 72 обвиняемых осуждены были 8 человек. Однако он сообщает, что гражданские иски, связанные с взысканием многотысячного ущерба с подсудимых, были отклонены судом.

Репортажи из зала суда в Армавире рассчитаны на читателя, ориентированного на революционно-демократические идеалы и не углубляющегося в информацию. Ведь в связи с публикациями в «Русском слове» возникает слишком много информационных «белых пятен». Так, до сих пор неизвестны доподлинно ответы на многие вопросы, возникающие при чтении цикла материалов. Назовём некоторые из них: кто и в какой момент первый начал насилие, сколько человек погибло, как их звали, когда состоялись их похороны, почему не было судебного процесса над убийцами, сколько человек было ранено самообороной, почему суд рассматривал дело о погроме только в 1911 году, то есть через шесть лет после событий и т.д.

Таким образом, необходимо констатировать, что газета «Русское слово» добилась больших успехов в оперативности передачи информации, а также в области экспрессивного воздействия на читателей. Значительное влияние на редакционную политику оказывало стремление к сенсационности публикаций. В итоге одна из самых массовых газет в России подавала информацию о суде в Армавире односторонне, в соответствии с леволиберальными и революционными установками редакции.

Литература

1. Армавирский погром (По телеграфу от нашего армавирского корреспондента) // Русское слово. – 1911. – № 212. – 16 сентября. – С. 4.
2. Армавирский погром. (По телеграфу от нашего армавирского корреспондента). 2-й день // Русское слово. – 1911. – № 213. – 17 сентября. – С. 4.
3. Армавирский погром. (По телеграфу от нашего армавирского корреспондента). 2-й день // Русское слово. – 1911. – № 213. – 17 сентября. – С. 4.
4. Армавирский погром. (По телеграфу от нашего армавирского корреспондента). 4-й день // Русское слово. – 1911. – № 215. – 20 сентября. – С. 4.
5. Армавирский погром. (По телеграфу от нашего армавирского корреспондента). 5-й день // Русское слово. – 1911. – № 216. – 21 сентября. – С. 4.
6. *Ганелин Р. Ш.* Черносотенные организации, политическая полиция и государственная власть в царской России // Национальная правая прежде и теперь: историко-социологические очерки / Институт социологии РАН, Санкт-Петербургский ф-л; отв. ред. Р.Ш. Ганелин; ред.: О.Т. Вите, В.М. Воронков, Б.М. Фирсов. – Санкт-Петербург, 1992. – Часть I: Россия и русское зарубежье. – 1992. – С. 73–100.
7. Демяник Григорий Кондратьевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://slovari.yandex.ru/>
8. *Дернилович А. К.* Открытое письмо г. Милюкову // Русское знамя. – 1908. – 15 февраля.
9. *Кожин В. В.* Загадочные страницы истории XX века. «Черносотенцы» и революция. – Москва, 1995. – 256 с.
10. Кудрявцев Петр Григорьевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tez-rus.net/ViewGood3260.html>
11. Михайлов М. Виктор Игнатъевич Лунин. Биографический очерк. – Армавир: Типография «Союз», 1917. – 60 с.
12. *Нарский И. В.* Революционеры «справа»: черносотенцы на Урале в 1905–1916 гг.: (Материалы к исследованию «русскости»). – Екатеринбург: Spicket, 1994. – 127 с.
13. Погром 1905 года в Армавире (Из обвинительного акта к процессу 15 сентября 1911 года) // Отклики Кавказа. – 1911. – № 205. – 16 сентября. – С. 3.
14. Погром 1905 года в Армавире (Из обвинительного акта к процессу 15 сентября 1911 года) // Отклики Кавказа. – 1911. – № 206. – 17 сентября. – С. 2.
15. Почти купец Калашников // Биржевые ведомости. – 1908. – № 38. – 15 февр. – С. 3.
16. *Раскин Д. И.* Идеология русского правого радикализма в конце XIX – начале XX века // Национальная правая прежде и теперь: историко-социологические очерки / Институт социологии РАН, Санкт-Петербургский филиал; отв. ред. Р.Ш. Ганелин; ред.: О.Т. Вите, В.М. Воронков, Б.М. Фирсов. – Санкт-Петербург, 1992. – Часть I: Россия и русское зарубежье. – 1992.
17. *Степанов С. А.* Чёрная сотня в России (1905–1914 гг.). – Москва: Изд-во ВЗПИ: АО «Росвузнаука», 1992. – 329, [1] с.
18. *Шукшина Т. А.* «Черносотенные» погромы октября 1905 года в России: культурный конфликт в российском обществе начала XX века: автореф. дис. на соискание учёной степени кандидата исторических наук: 07.00.02 – отечественная история / Шукшина Тамара Александровна; Южно-Уральский государственный университет. – Челябинск, 2010. – 25 с.

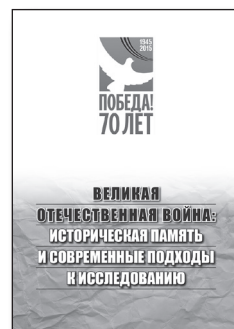
НОВЫЕ ИЗДАНИЯ МГИК

В 27 Великая Отечественная война : историческая память и современные подходы к исследованию : материалы российско-белорусской научно-практ. конф. (15–16 апр. 2015 г.) / науч. ред. В.А. Есаков, В.А. Тихонова, А.В. Докучаев. – Москва : МГИК, 2016. – 151 с.

Первый раздел книги посвящён анализу философии войны и анализу современных военно-исторических исследований.

Второй раздел посвящён идеологическим фальсификациям истории Великой Отечественной войны.

ISBN 978-94778-444-2

Звукорежиссура в эпоху информационного общества : сборник материалов научно-практической конференции, 9 октября 2015 г. – М.: МГИК, 2016. – 172 с.

Сборник статей составлен по материалам докладов научно-практической конференции «Звукорежиссура в эпоху информационного общества» (9 октября 2015 г.).

Сборник состоит из двух частей. Первая часть – статьи преподавателей кафедр звукорежиссуры МГИК и Самарского государственного института культуры по актуальным вопросам звукорежиссуры. Вторая – статьи студентов кафедры звукорежиссуры МГИК, об их творческом опыте в этой сфере.

Статьи отражают специфику современной педагогики в области звукорежиссуры, музыкального искусства, образования в сфере культуры.

Сборник статей будет интересен студентам, аспирантам, докторантам, педагогам, действующим звукорежиссерам, всем, кто профессионально и любительски занимается звукорежиссурой, а также широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-947784435

X 79 Хореографическое образование в России. Тенденции и перспективы : сб. статей Всероссийской науч.-практ. конференции (МГИК, 19 декабря 2015 г.) / науч. ред. В.Ю. Никитин. – Москва : МГИК, 2016. – 219 с.

В сборнике нашли отражение теоретические и научно-методические аспекты анализа состояния хореографического образования в России и перспективы его развития.

Материалы сборника направлены на внедрение в учебно-педагогическую практику новых методических приемов, использование новых педагогических технологий в учебно-творческом процессе, более глубокое раскрытие творческого потенциала студентов в процессе профессионального обучения.

Особый интерес представляет исследовательская деятельность молодых ученых: магистров, аспирантов.

В сборнике представлены работы педагогов-практиков из 11 регионов, что позволяет дать объективную картину функционирования системы хореографического образования в России.

Сборник представляет интерес не только для студентов, аспирантов и научных кадров вузов культуры и искусств, но и для работников центров народного творчества, учебных заведений системы повышения квалификации и дополнительного образования, педагогов-практиков системы хореографического образования.

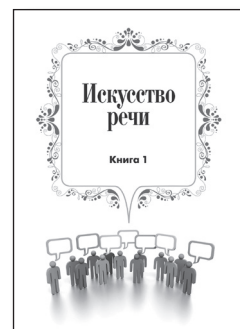
ISBN 978-5-94778-449-7

Искусство речи : учебное пособие для вузов культуры и искусств / сост. и общ. ред. И.А. Турсуновой. – Ч. 1. – Москва : МГИК, 2016. – 156 с.

Первая часть учебного пособия «Искусство речи» включает разделы «Русский язык и культура речи» и «Риторика». Пособие адресовано студентам, аспирантам, преподавателям и всем, кто стремится к совершенствованию своих коммуникативных навыков.

ISBN 978-5-94778-424-4

П 22 Пашкова, Т.В. Образы народов мира в народно-сценическом танце : учебное пособие / Т.В. Пашкова. – Москва : МГИК, 2016. – 84 с.

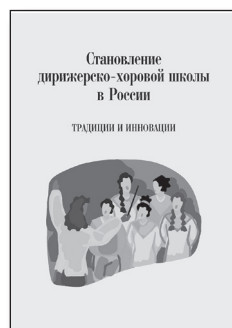
В пособии излагаются вопросы становления системы народно-сценического танца в России, являющейся неотъемлемой частью культурного наследия страны, рассматривается роль народно-сценического танца как ресурса сохранения народной танцевальной культуры. Образы народов мира, создаваемые хореографами в народно-сценическом танце и отражающие лучшие и типичные черты национального характера, являются средством для формирования положительного стереотипа народов, что ведет к пониманию и добрососедским отношениям между странами, к укреплению в обществе межпоколенных связей, атмосферы толерантности в полиэтнической среде и к воспитанию чувства патриотизма. Особое внимание в работе уделено вопросу передачи национального характера в народно-сценическом танце.

Учебное пособие адресовано студентам и педагогам хореографических кафедр высших учебных заведений культуры и искусств, молодым педагогам-хореографам и широкому кругу любителей народно-сценического танца.

С 11 Становление дирижёрско-хоровой школы в России : традиции и инновации : материалы Международной научно-практической конференции (13–16 апреля 2015 г.) / под науч. ред. Л.С. Зориловой, О.Н. Буровой. – Москва : МГИК, 2016. – 111 с.

В материалах конференции представлены научные статьи учёных, преподавателей, магистрантов, практических работников, посвящённые истории становления дирижёрско-хоровой школы в России и её актуальным проблемам.

ISBN 978-5-94778-433-6

**Наш адрес: 141406, Московская область,
г. Химки, ул. Библиотечная, 7.
Редакционно-издательский отдел.
Тел. 8 (495) 570-76-82
8 (495) 570-04-00
E-mail: rio-book@mail.ru**

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Журнал принимает к публикации статьи, которые ранее не были опубликованы. Статья должна обладать научной новизной, отражать основные результаты исследований автора, соответствовать общему направлению журнала и быть интересной широкому кругу российской научной общественности.

Статья может содержать (при необходимости) минимум таблиц, формул и графических зависимостей. Статью необходимо завершить выводом (выводами). Все аббревиатуры и научные термины следует раскрывать. Не стоит злоупотреблять интернет-источниками. При их использовании необходимо давать ссылки в соответствии с правилами оформления библиографического аппарата научных статей.

Требования к публикации

1. Текст набирают в редакторе Microsoft Office Word, шрифт – Times New Roman, кегль 14, интервал – 1,5.
2. Объём статьи не должен превышать 15–16 тыс. печатных знаков, включая пробелы, но не более 20 тыс. знаков, включая пробелы.
3. Список литературы располагается в конце статьи в алфавитном порядке, библиографические описания в списке оформляются по ГОСТ 7.05–2008, отсылки по тексту статьи даются в квадратных скобках.
4. К статье прилагаются:
 - а) аннотация (один абзац 100–250 слов) на русском и английском языках, а также ключевые слова к статье на русском и английском языках;
 - б) сведения об авторе: ФИО полностью, на русском и английском языках (на английском языке ФИО авторов представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, желательно использовать Систему транслитерации Американской ассоциации библиотек и Библиотеки Конгресса (ALA-L C)), место учебы и работы, занимаемая должность, контактный телефон (желательно и мобильный), электронный адрес;
 - в) рецензия научного руководителя и рекомендация кафедры, где выполняется работа, на бланке учреждения, с заверенной подписью (к статье на соискание докторской степени необходимо представить 2 рецензии специалистов в данной области).
5. Статьи принимаются в двух экземплярах – печатном и электронном. Распечатанный на бумаге текст должен быть идентичен тексту электронного варианта.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов. Статья, после её одобрения редколлегией журнала, может находиться в редакционном портфеле до года. Отклонённые статьи не возвращаются и не рецензируются.

DEAR AUTHORS!

The journal accepts for publication articles that have not been previously published. The article should have a scientific novelty, should reflect the main results of the author's research, should correspond with the general direction of the magazine and should be interesting to a wide range of the Russian scientific community.

The article can include (if necessary) a minimum amount of tables, formulas, and plots. The article should include a conclusion. All abbreviations and scientific terms should be disclosed. You should not abuse the Internet sources. If their use is necessary you should give references in accordance with the rules of registration of bibliographic apparatus of scientific articles.

Requirements for publishing

1. The text is typed in the Microsoft Office Word, font – Times New Roman, size 14, spacing – 1,5.
2. The scope of article should not exceed 15–16 thousand printed characters, including spaces, but no more than 20 thousand characters, including spaces.
3. References should be located at the end of the article in the alphabetical order, bibliographic descriptions in the list should be drawn up in accordance with GOST 7.05–2008, references in the text of the article should be given in brackets.
4. You should add to the article:
 - a) the abstract (one paragraph of 100–250 words) in English and Russian, as well as keywords to an article in the Russian and English languages;
 - b) information about the author: full name, in the Russian and English languages (English name of the authors should be represented in accordance with one of the accepted international system of transliteration, it is desirable to use either the International Standard ISO 9:95 (GOST 7.79–2000) or the system of transliteration of American Library Association and the Library of Congress (ALA-LC), place of study and work, position, telephone number (preferably a mobile), e-mail;
 - c) review and recommendations of the supervisor of the Department where the work is performed in a form of the institution with certified signature; 2 reviews from the specialists in the certain filed should be added to the article for a reward of Doctorate.
5. Articles are accepted in two copies – printed and electronic. The printed text on the paper must be identical to the text of the electronic version.

The Editorial Board reserves for itself the right to select the materials. The article, after its approval by the editorial board of the journal, may be in an editorial portfolio up to one year. Rejected articles will not be returned and will not be reviewed.

CHIEF EDITOR – CHAIRMAN OF THE EDITORIAL COUNCIL

Lobanov Ivan Vasilyevich,

Ph.D. (Legal Sciences), Rector of the Moscow State Institute of Culture

EDITORIAL COUNCIL

Arakelova Aleksandra Olegovna,

Full Doctor of Art Criticism, Professor, Director
of the Department of Education and Science
of the Ministry of Culture of the RF, Honored Worker
of Culture of the RF

Malyshev Vladimir Sergeevich,

Ph.D. (Economics), Full Doctor of History of Arts,
Professor, Rector of the Russian State Institute of
Cinematography named after S. A. Gerasimov, Honored
Worker of Culture of the RF, Academician of the
Russian Academy of Education, President of Association
of Educational Institutions of Cultural and Art

Turgaev Aleksandr Sergeevich,

Full Doctor of History, Professor,
Rector of the St. Petersburg State Institute of Culture,
Honored Worker of Higher School of the RF

Shrayberg Yakov Leonidovich,

Full Doctor of Technical Sciences, Professor,
Head of the Department of Informatization
of Culture and Electronic Libraries,
Faculty of Social Studies and Humanities,
Moscow State Institute of Culture,
Honored Worker of Culture of the RF,
Director General of Russian National

Public Library for Science and Technology,

Vice-President of Russian
Library Association (RLA),
President of the International Association
of Users and Developers of Electronic Libraries
and New Information Technologies (ELNIT)

Yusupov Rivkat Rashidovich,

Full Doctor of History, Professor,
Rector of the Kazan State Institute
of Culture, Honored Worker of Science
of the RF, Honored Worker of Science
of the Republic of Tatarstan

EDITORIAL BOARD

SECTION OF ART CRITICISM

(17.00.00 – ART CRITICISM)

Arakelova Aleksandra Olegovna,

Full Doctor of Art Criticism, Professor,
Director of the Department of Education and Science
of the Ministry of Culture of the RF, Honored Worker
of Culture of the RF

Malyshev Vladimir Sergeevich,

Ph.D. (Economics), Full Doctor of History of Arts,
Professor, Rector of the Russian State Institute
of Cinematography named after S. A. Gerasimov
(VGIK), Honored Worker of Culture of the RF,
Academician of the Russian Academy of Education,
President of the Association of Educational
Institutions of Cultural and Art

Efimova Natalya Ilyinichna,

Full Doctor of Art Criticism, Professor of the
Department Theory and History of Music, Faculty
of Musical Arts, Moscow State Institute of Culture

SECTION OF CULTURAL STUDIES

(24.00.00 – CULTURAL STUDIES)

Aronov Arkady Alekseevich,

Full Doctor of Pedagogical Sciences, Full Doctor
of Cultural Studies, Head of the Department of
History, Cultural History and Museology, Faculty
of Social Studies and Humanities, Moscow State
Institute of Culture, Honored Worker of Higher
Professional Education of the RF

Voevodina Larisa Nikolaevna,

Full Doctor of Philosophy, Professor of
the Department of Theory of Culture, Ethics and
Aesthetics, Faculty of Social Studies and Humanities,
Moscow State Institute of Culture

Esakov Valery Anatolyevich,

Ph.D. (Philosophy), Full Doctor of Cultural Studies,
Professor, Vice Rector for Scientific Activity and
Board of Trustees, Moscow State Institute of Culture,
Honored Worker of Culture of the RF, Honored
Worker of the General Education of the RF

Malygina Irina Viktorovna,

Full Doctor of Philosophy, Professor, Head of
the Department of Theory of Culture, Ethics and
Aesthetics, Faculty of Social Studies and Humanities,
Moscow State Institute of Culture

SECTION OF LIBRARY

AND INFORMATION ACTIVITY
(05.25.00 – DOCUMENTARY DATA)

Mazuritsky Aleksandr Mikhailovich,

Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
of the Department of Library Science and Bibliology,
the Department of Informatization of Culture and
Electronic Libraries, Faculty of Social Studies and
Humanities, Moscow State Institute of Culture

Lopatina Natalya Viktorovna,

Full Doctor of Pedagogical Sciences, Associate
Professor, Head of the Department of Library
Science and Bibliology, Faculty of Social Studies and
Humanities, Moscow State Institute of Culture

Ivanova Galina Aleksandrovna,

Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of
the Department of Management of Information
and Library Activity, Faculty of Social Sciences and
Humanities, Moscow State Institute of Culture

Stolyarov Yury Nikolaevich,

Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
of the Department of Management of Information
and Library Activity, Faculty of Social Sciences and
Humanities, Moscow State Institute of Culture,
Chief researcher of the Akademizdatcenter "Nauka"
RAS, Honored Worker of Higher School of the RF

SECTION OF LITERARY STUDIES

(10.01.00 – LITERARY STUDIES)

Kolomiitseva Elena Yuryevna,

Full Doctor of Philology, Professor, Head of
the Department of Journalism, Faculty of Mass
Media and Audiovisual Arts, Moscow State Institute
of Culture

Luchinsky Yury Viktorovich,

Full Doctor of Philology, Professor, Head of the
Department of History and Legal Regulation of Mass
Communications, Kuban State University, member of
The Union of Journalists of Russia, Honored Worker
of Higher Professional Education of the RF

Tertychnyi Aleksandr Alekseevich,

Full Doctor of Philology, Professor
of the Department of Periodical Press, Faculty of
Journalism, Lomonosov Moscow State University,
member of The Union of Journalists of Russia
Shkondin Mikhail Vasilyevich,
Full Doctor of Philology, Professor of the Department
of Periodical Press, Leading Researcher at the
Problem Research Laboratory for Complex Studies of
Current Issues of Journalism, Faculty of Journalism,
Lomonosov Moscow State University

SECTION OF PEDAGOGICS AND SOCIAL AND CULTURAL EDUCATION (13.00.00 – PEDAGOGICAL SCIENCES)

Zharkova Alena Anatolyevna, Full Doctor of
Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department
of cultural and leisure activities, Faculty of social and
cultural activity, Moscow State Institute of Culture

Streltsova Elena Yuryevna,

Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Head of the Department of Theory and History of
Folk Artistic Culture, Faculty of Social and Cultural
Activity, Moscow State Institute of Culture

Khristidis Tatyana Vitalyevna, Full Doctor of

Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department
of Pedagogics and Psychology, Faculty of Social and
Cultural Activity, Moscow State Institute of Culture

Sukalo Aleksandr Aleksandrovich,

Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the
Department of Social and Cultural Activity,
St. Petersburg State Institute of Culture

Yaroshenko Nikolay Nikolaevich,

Deputy Editor, Full Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor, Head of the Department of Social and
Cultural Activity, Moscow State Institute of Culture